

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1

ISSN 2410-0765

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФЭННЭР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2024. Том 14, № 1

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2024, vol. 14, no. 1

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Баумана, 20)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-87862
от 22 июля 2024 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2024

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(420111, Kazan, Bauman Str., 20)

Certificate of the Mass Media registration ПИ № ФС 77-87862
received from Roskomnadzor on Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

420111, Kazan, Baturin Str., 7
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2024

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Аминов Рустем Равилевич**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Scientific editor of the issue: **Rustem R. Aminov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Ishat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhрутдинov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Беляков А.В. Участие мешчерских служилых татар в посольской службе Русского государства XVI–XVII вв. (некоторые аспекты)	10
Торопицын И.В. Военная и дипломатическая служба астраханских юртовских татар в XVII–XVIII вв.	21
Файзрахманов И.З. Служилые татары в строительстве военных укреплений на южных рубежах России (1720–1730-е гг.).....	36
Дубовиков А.М. Татары-казаки Уральского казачьего войска на службе Российской империи.....	52
Аминов Р.Р. Участие татар Сеитова посада в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.	71
Абдуллин Х.М. Татары и войска ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.	84
Султангалиева Г.С. Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.).....	94
Насыров К.З. «Я вообще большой поклонник Индии и Востока, – это, должно быть, басаргинское татарство» (вице-адмирал Григорий Гаврилович Басаргин – военный губернатор Астраханской губернии и командующий Каспийской флотилией).....	109
Масагутов Р.Ф. Формулярные списки мешчеряков Башкиро-Мешчеряцкого войска 1843–1844 гг. как источник по военной истории татар	117
Муфтахутдинова Д.Ш. Процесс замены арабографического алфавита на кириллицу в Степном крае	125
Габдрафикова Л.Р. Первая мировая война в материалах Хабиба Зайни	135

Публикация источника

Белоусов М.Р. Новый документ времени царствования Михаила Федоровича о службе «новокрещенов» и татар в сторожевом полку	145
--	-----

Новые книги, рецензии

Исхаков Р.Р. Рецензия на книгу: Николаев Г.А. Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века (Чебоксары, 2022)	164
---	-----

Научная жизнь

Габдрафиков И.М. Фаиль Габдуллович Сафин – путь к успеху. К 65-летию юбилею ученого	172
--	-----

CONTENTS

Articles

Belyakov A.V. Participation of Meshchera service Tatars in the embassy service of the Russian state in the 16th–17th centuries (some aspects)	10
Toropitsyn I.V. Military and diplomatic service of the Astrakhan Yurt Tatars in the 17th–18th centuries	21
Faizrahmanov I.Z. Service Tatars in the construction of military fortifications on the southern borders of Russia (1720–1730s)	36
Dubovikov A.M. Tatar-Cossacks of the Ural Cossack army in the service of the Russian Empire.....	52
Aminov R.R. Participation of the Tatars of Seitov Posad in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814	71
Abdullin Kh.M. Tatars and militia troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814	84
Sultangalieva G.S. Subjects of the diplomatic activities of Tatar translators of the Orenburg Border Commission in Khiva (first half of the 19th century).....	94
Nasyrov K.Z. "In general, I'm a big fan of India and the East – this must be Basargin Tatarism" (Vice-Admiral Grigory Gavrilovich Basargin – military governor of the Astrakhan province and commander of the Caspian flotilla)	109
Masagutov R.F. Formulary lists of Meshcheryaks of the Bashkir-Meshcheryak army of 1843–1844 as a source on the military history of the Tatars	117
Muftakhutdinova D.Sh. The process of replacing the Arabic alphabet with Cyrillic alphabet in the Steppe region.....	125
Gabdrifikova L.R. The World War I in the materials of Habib Zaini	135

Publication of the source

Belousov M.R. The new document from the reign of Mikhail Fedorovich about the service of the "newly-baptised people" and Tatars in the guard regiment	145
--	-----

New books, reviews

Iskhakov R.R. Book review: Nikolaev G.A. The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th centuries (Cheboksary, 2022).....	164
--	-----

Scientific life

Gabdrifikov I.M. Fail Gabdullovich Safin – the path to success. To the 65th anniversary of the scientist	172
---	-----

СТАТЬИ

УДК 94(47)"15/16"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.10-20

Участие мещерских служилых татар в посольской службе Русского государства XVI–XVII вв. (некоторые аспекты)

А.В. Беляков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация*

Из источников и исследовательской литературы известно, что во второй половине XVI–XVII вв. в Посольском приказе служило значительное число толмачей и переводчиков татарского языка, являвшихся помещиками из региона Мещеры. Однако более детально их происхождение до настоящего времени не анализировалось. Опираясь на ранее полученные данные, автор установил, что переводчики представляли собой потомков знатных сибирских выходцев из ближайшего окружения Кучума и Кучумовичей, а также представителей наиболее знатных мещерских княжеских родов. Все они посредством браков находились в родстве и свойстве между собой и оказывали протекцию при определении в служащие Посольского приказа. Толмачи и станичники, по-видимому, в своем большинстве были из рядовых татар. Их происхождение, по-прежнему, остается не выясненным. На рубеже XVI–XVII вв. их численность увеличилась взрывными темпами, но на протяжении XVII в. по разным причинам фиксируется постепенное сокращение данной категории служащих Посольского приказа.

Ключевые слова: Русское государство XVI–XVII вв., Посольский приказ, Мещера, служилые татары, переводчики, толмачи, станичники Посольского приказа

Для цитирования: Беляков А.В. Участие мещерских служилых татар в посольской службе Русского государства XVI–XVII вв. (некоторые аспекты) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.10-20>

Невозможно представить какое-либо государство без развитой структуры, отстаивающей интересы страны на дипломатической арене, и Русское государство не было в этом плане исключением. С момента обретения независимости в последней четверти XV в. оно начинает принимать и отправлять посольства в целый ряд христианских и исламских государств. Понятно, что это было невозможно без лиц, осуществлявших как устные, так и письменные переводы. Отметим, что данные службы создавались не

на пустом месте. В русских землях к этому времени существовала разработанная устойчивая система великокняжеских слуг, отвечавших за это направление, при этом служилые татары занимали здесь одно из ключевых мест.

Создание службы переводчиков, как постоянно действовавшего института в русских княжествах началось в XIII в. и было связано с необходимостью обслуживания всех контактов с Золотой Ордой: встреча и отправление посольств, посылка дани, приезды князей ко двору хана за ярлыком на княжение и др. Для этих целей не позднее середины XIV в. появился институт княжеских (великокняжеских) служилых татар. От раннего периода о нем сохранились крайне незначительные упоминания, но начиная с конца XV в. источники об этой группе великокняжеских слуг становятся вполне репрезентативными и позволяют установить имена и службы многих из них [5; 14; 20; 22; 29]. В ряде случаев они создавали целые династии, трудившиеся на дипломатическом поприще не одно поколение [7; 9; 21; 28]. В целом на настоящий момент структура великокняжеских служилых татар (с возникновением Посольского приказа – служилых татар Посольского приказа) выглядит следующим образом. Они делились на минимальные единицы (4–10 человек), способные выполнять самостоятельные посольские миссии и состоявшие из родственников или же лиц, проживавших в непосредственной близости друг от друга – станицы во главе со станичным головой. В ряде случаев головы в документах называются толмачами. При этом толмачи занимались не только переводами, но также исполняли роль приставов при иностранных миссиях. В XV – первой трети XVII в., для решения отдельных задач их могли объединять в сотни и полусотни.

Слово «толмач» имеет восточное происхождение и было позаимствовано в русских землях где-то во второй половине XIV в. До этого для переводчиков использовался термин «толк» [23]. В начале XIV в. для обозначения пристава-переводчика фиксируется другое восточное понятие – «бегоули» [1, с.204; 30]. При этом необходимо помнить, что на русской почве подобные термины не калькировались, а творчески переосмыслились и перерабатывались под местные условия и потребности [29].

Первоначально именно служилые татары являлись постоянно действующим костяком посольской службы. В отличие от них иные лица только на время назначались к выполнению «дипломатических» служб. Когда в конце XV в. великий князь московский начал осуществлять активные контакты с европейскими государями, для этих целей структура толмачей восточных языков была дополнена лицами, владевшими соответствующими языками. Среди них преобладали выходцы из Западной Европы, хотя встречались и русские, самостоятельно освоившие те или иные языки.

Собственно термин «переводчик» для обозначения специалистов письменного перевода появляется только в последней трети XVI в., до этого он не использовался, хотя слово «перевод» встречается регулярно.

Тогда из общей структуры толмачей переводчики начинают выделяться в самостоятельную группу. Окончательно их обособление происходит не ранее рубежа 1620–1630-х гг., хотя отдельные рудименты прежней системы фиксируются и позднее, когда один и тот же человек одновременно или ситуативно мог называться то толмачом, то переводчиком. Со второй четверти XVII в. разграничение служб толмачей и переводчиков происходит более или менее четко. С этого момента переводчики занимаются в основном письменными переводами, а толмачи – устными. Но обязанности толмачей некоторое время были несколько шире и включали в себя круг дел, свойственных приставам (низшим должностным лицам приказного управления) [8, с.141, 178]. Г.К. Котошихин отмечал, что они, помимо прочего, дежурили в приказе для всяких дел в дневное и ночное время, посылались в иные приказы с документами, обеспечивали иностранные посольские миссии едой и питьем, их также держали «для розсылки всяких дел и для приставных памятей и поручных записей» [24, с.87, 122]. Зачастую назначение в толмачи рассматривалось как своеобразная награда для вышедших из плена [15] или же потерявших здоровье за многолетнюю военную службу. Начиная с 1646 г. служить в толмачах могли только православные люди. Представители иных вероисповеданий должны были принять крещение или же их увольняли [13]. Очередное значительное изменение в их положении началось около 1668 г., когда в приказе появляется такая категория служащих, как приставы или дети боярские [16]. С этого момента толмачи в основном сконцентрировались на устных переводах. Из-за значительного сокращения служебных обязанностей и стремления к экономии средств, затрачиваемых на приказной аппарат, с 1669/1670 г. происходит планомерное уменьшение их численности с более чем 60 до 15 человек к 1689 г. В приказе продолжили служить наиболее квалифицированные из них. В результате этого лексическое значение «толмач» и «переводчик» вновь стало размываться [19]. Окончательно это произойдет только в XVIII в.

Мы показали общую канву развития элементов посольской службы, в которой принимали участие служилые татары. Теперь отдельно следует рассмотреть привлечение в нее выходцев из Мещеры.

Начиная с XIV в. Мещера и проживавшее в ней тюркское и мордовское население стали постепенно входить в состав Московского княжества [4]. Однако местных татар для посольских служб начали рекрутировать довольно поздно. На настоящий момент мы можем говорить о конце XVI в. Они служили в Посольском приказе в станичниках, толмачах и переводчиках и были специалистами по татарскому и, значительно реже, турецкому языку. Размывание прежде относительно единой корпорации великокняжеских (Посольского приказа) служилых татар начинается где-то во второй половине XVI в. Это, в частности, выразилось в том, что если ранее их компактно селили и помещали непосредственно под Москвой, то теперь наделять поместьями стали, подчас, в относительно удален-

ных регионах. По состоянию на 1610–1620-е гг. среди станичников и толмачей упоминается значительное число лиц из Мещеры. При этом в ряде случаев люди несли службу во внешнеполитическом ведомстве уже во втором и даже третьем поколении. В настоящее время, как правило, мы не можем однозначно утверждать принадлежали ли они к исконно проживавшим в регионе татарам или были переведены сюда. Отметим, что на протяжении первой половины XVII в. число подобных лиц неуклонно сокращалось. Этому способствовало два фактора: 1) планомерное уменьшение числа станичников Посольского приказа (последний раз упоминаются в 1660-х гг.); 2) требование с 1646 г. для претендентов на должность толмача обязательного православного вероисповедания (в конце века оно вновь станет необязательным). Таким образом, на настоящий момент можно говорить о взрывном росте числа станичников и толмачей внешнеполитического ведомства, которые тем или иным образом были связаны с Мещерой. Он фиксируется не позднее последней четверти XVI в. В подавляющем большинстве эти лица не могли похвастаться знатным происхождением и происходили из рядовых казаков. Однако вскоре после Смуты наметился обратный процесс, когда их количество неуклонно сокращалось. К концу столетия в приказе не осталось служилых татар, не относящихся к мурзинским и княжеским родам [11; 17; 18; 19].

С переводчиками ситуация была несколько иной. На рубеже XVI–XVII вв. в Посольском приказе появляются татарские переводчики из русских служилых людей. Некоторые из них на несколько десятилетий даже становились главными специалистами восточных языков (Вражский Прокофий Иванович) [11, с.92–95; 26, с.370–372; 27]. Однако данная тенденция не была устойчивой. Постепенно среди татарских переводчиков появляется значительное количество сибирских выходцев. Данный процесс наметился еще где-то в середине XVI в., когда в приказ попал некто Устокасим («золотарь» (золотописец?) и, возможно, переводчик). Документы молчат о его происхождении, однако, по косвенным данным, он, похоже, попал в Россию вместе с женой убитого в Сибири хана Муртазы и его сыновьями Кучумом и Ахмед-Гиреем. Потомки Устокасима будут служить в переводчиках до конца XVII в.

Для знатных выходцев из Сибири конца XVI – начала XVII в. было присуще стремление к мемориализации своего положения посредством заключения браков с себе подобными партнерами. Узость круга сибирской элиты, а также стремление хана Кучума привязать ее к себе посредством браков привели к тому, что все его окружение состояло из ханских гурганов (зятя династии Чингисидов), тестей и шуринов. Их дополняли аталыки (дядьки, воспитатели) и имелдеши (молочные братья) многочисленных татарских царевичей. В результате этого сложилась ситуация, когда все окружение хана представляло одну большую семью, в которой все ее члены находились в той или иной степени родства и свойства с Кучумом. Попав в Россию, Кучумовичи (потомки хана Кучума) продолжили аналогич-

ную политику. Поэтому брак Кучука Устокасимова (сына Устокасима) на Бузан-салтан Карамышевой дочери Мусаитова был явно не случаен, ведь ее братья были имелдешами, шурьями, а сестра женой сибирских цариц. Устокасимовы поддерживали хорошие отношения с семьей Байцыных – еще одних выходцев из Сибири, испомещенных в Мещере и служивших переводчиками в Посольском приказе [6]. Другие браки Устокасимовы заключали с наиболее видными княжескими родами в Мещере, в частности с Еникеевыми и Кошаевыми [2]. Интересно отметить, что вскоре после этого начинается своеобразная экспансия мещерской знати в Посольский приказ. Так, Устокасимовы оказались в той или иной степени связаны с Байцынами, Еникеевыми, Енгальчевыми, Кошаевыми, Тефкелевыми [7], Тонкачевыми, Шакуловыми [12]. В разные годы как минимум по одному представителю от этих семей служили в татарских толмачах и переводчиках внешнеполитического ведомства [11]. Следует сказать, что все перечисленные роды имели знатное происхождение, в ряде случаев включая татарских царей и царевичей сибирского происхождения [10]. В связи с этим мнение М. Кошаева о том, что его сослуживцы по Посольскому приказу ему «отечеством не в версту» [25, с.158], верно только отчасти. Здесь имелась значительная группа лиц, которая при переходе в православие могла рассчитывать на дворянство по московскому списку и княжеское достоинство.

По-видимому, как только стоило попасть в Мещеру некоторым служащим внешнеполитического ведомства, так они стали оказывать протекцию своим новым знакомым, тем более, что с некоторыми они уже успели породниться. Благодаря этому данная структура подчас функционировала как закрытый аристократический клуб. Они старались держать под контролем назначения на вакантные места, но на практике это удавалось далеко не всегда. Судя по всему, в руководстве приказа осознавали этот их особый статус. Поэтому при назначении материального содержания знатному выходцу из молдавских бояр Николаю Спафарию «на пример» смогли подобрать только сведения о годовом жаловании и поденном окладе Кучука Устокасимова [10]. Вернее, приказные судьи согласились с подобной аналогией. Не исключено, что благодаря возникновению этого «кружка», несшие до этого времени посольскую службу московские служилые татары [9; 28] оказались отодвинуты на вторые роли. Однако нельзя переоценивать силы этого неформального объединения переводчиков. Его возможности распространялись исключительно на знатоков татарского языка. Не многие из перечисленных лиц владели турецким и никто арабским или фарси (персидским), поэтому назначению в переводчики с этих языков для своих людей они не могли содействовать, таковых попросту не было. Отметим, что как минимум Байцыны [6] и Тонкачевы [3] продолжали служить или привлекались для решения конкретных дипломатических задач в XVIII–XIX вв. Так, история одной взятой семьи позволила понять

внутренние движущие силы в подборе переводческих кадров внешнеполитического ведомства.

Таким образом, мещерские служилые татары внесли заметный вклад в историю русской дипломатии. Однако в рассматриваемом вопросе по-прежнему сохраняется множество белых пятен. В частности, остается неизвестным, когда и почему наметилась тенденция по испомещению станичников и татарских толмачей Посольского приказа из подмосковных уездов в Мещеру? Также непонятно, были ли служащие внешнеполитического ведомства начала XVII в. из этого региона изначально местными жителями или их перевели туда из других регионов?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.
2. *Акчурина М., Ишеев М., Абдиев А.* Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 316 с.
3. *Акчурина М.М., Беляков А.В., Ишеев М.Р., Салихов Р.Р., Абдурахманов Т.А.* Касимовские татары из рода Кыпчак // *Золотоордынское обозрение.* 2018. Т. 6. №2. С.312–341.
4. *Беляков А.В.* Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // *Российская история.* 2019. №1. С.72–85.
5. *Беляков А.В.* Когда появились переводчики? К организации дипломатической службы в России в конце XV–XVI в. // *Российская история.* 2022. №5. С.19–31.
6. *Беляков А.В.* Переводчики Посольского приказа Байцыны // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...» к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М.: ИРИ РАН, 2019. С.217–229.
7. *Беляков А.В.* Ранняя генеалогия Тевкелевых // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2022. №8 (466). С.85–93.
8. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 г. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.
9. *Беляков А.В.* Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // *Quaestio Rossica.* 2021. Т.9, №3. С.886–901.
10. *Беляков А.В.* Устокасимовы: переводчики Посольского приказа второй половины XVI–XVII вв. // *Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3.* М.: Ин-т российской истории РАН, 2023. С.26–38.
11. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. 304 с.
12. *Беляков А.В., Енгальчева Г.А.* Крымские выходцы в Касимове – сеиды Шакуловы и их архив // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2015. №7. С.46–53.
13. *Беляков А.В., Енгальчева Г.А.* Документы о происхождении толмачей Посольского приказа Кучумовых // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2017. №2. С.16–23.

14. Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи» // «Ветроград многоцветный»: сборник к 80-летию Б.Н. Флори. М.: Индрик, 2018. С.173–178.

15. Гуськов А.Г. Из неволи на дипломатическую службу: бывшие полоняники в Посольском приказе // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М.: Ин-т российской истории РАН, 2023. С.128–162.

16. Гуськов А.Г. Лишение свободы в деятельности московских приказов на примере Посольского приказа во второй половине XVII в. // Очерки истории уголовно-исполнительной системы. Иваново: ПресСто, 2019. С.196–208.

17. Гуськов А.Г., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа 1680–1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. №1. С.108–122.

18. Гуськов А.Г. Переводчики Посольского приказа 1718 г. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2020. С.128–130.

19. Гуськов А.Г., Шамин С.М. Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. С.178–317.

20. Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Делюи средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С.88–98.

21. Ерусалимский К.Ю. Толмачи и переводчики Посольского приказа второй половины XVI в.: круг обязанностей, персональный состав и дипломатические направления // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т.13, №8 (118).

22. Зайцев И.В. Великокняжеские татары XV – первой половины XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Вып. 1. Челябинск: Библиотека А.Миллера, 2022. С.36–72.

23. Казакова Н.А. Загадочное слово «итолог» новгородских и псковских летописей // Труды отдела древнерусской литературы. Т.24. Л.: Наука, 1969. С.139–141.

24. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. 214 с.

25. Куненков Б.Н. Посольский приказ 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 586 с.

26. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 485 с.

27. Лисейцев Д.В. Татарский переводчик Прокофий Иванович Вражский: «собираетелъ земли русской» // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. С.90–95.

28. Мусеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. Вып. 13. Минск: РИВШ, 2020. С.89–96.

29. Belyakov A.V. The Organization of Embassy Service in the Russian Lands in the Thirteenth through Sixteenth Centuries // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2022, vol. 92, suppl. 5, pp.417–425.

30. *Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian polities // The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday.* Bloomington: Indiana University 2009. Pp.195–207.

Информация об авторе:

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192; e-mail: belafeb@yandex.ru

Поступила 25.12.2023

Принята к публикации 01.02.2024

Participation of Meshchera service Tatars in the embassy service of the Russian state in the 16th–17th centuries (some aspects)

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

It is known from sources and research literature that in the second half of the 16th–17th centuries, a significant number of interpreters and translators of the Tatar language, who were landowners from the Meshchera region, served in the Ambassadorial Prikaz (Office). However, their origin has not yet been analyzed in more detail. Based on previously obtained data, the author established that the translators were descendants of noble Siberian immigrants from the inner circle of Kuchum and the Kuchumovichs, as well as representatives of the most noble Meshchera princely families. All of them, through marriages, were in kinship and property to each other and provided protection when appointed to serve as employees of the Ambassadorial Office. The interpreters and villagers, apparently, for the most part came from ordinary Tatars. Their origin still remains unclear. At the turn of the 16th–17th centuries, their numbers increased at an explosive pace, but throughout the 17th century, for various reasons, a gradual decline in this category of employees of the Ambassadorial Office was recorded.

Keywords: Russian state of the 16th–17th centuries, Ambassadorial Office (Prikaz), Meshchera, service Tatars, translators, interpreters, villagers of the Ambassadorial Office

Fot citation: Belyakov A.V. Participation of Meshchera service Tatars in the embassy service of the Russian state in the 16th–17th centuries (some aspects). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.* 2024, vol.14, no.1, pp.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.10-20> (In Russian)

REFERENCES

1. *Acts of the socio-economic history of North-Eastern Rus at the end of the 14th – beginning of the 16th centuries*. Vol.3. Moscow: Nauka Publ., 1964. 688 p. (In Russian)
2. Akchurin M., Isheev M., Abdiev A. *The era of Tatar princes in Meshchera (15th – 17th centuries)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 316 p. (In Russian)
3. Akchurin M.M., Belyakov A.V., Isheev M.R., Salikhov R.R., Abdurakhmanov T.A. Kasimov Tatars from the Kipchak clan. *Golden Horde Review*. 2018, vol.6, no.2, pp.312–341. (In Russian)
4. Belyakov A.V. Historical geography of Meshchera of 14th – 17th centuries. *Russian history*. 2019. No.1, pp.72–85. (In Russian)
5. Belyakov A.V. When did translators appear? On the organization of the diplomatic service in Russia at the end of the 15th – 16th centuries. *Russian history*. 2022, no.5, pp.19–31. (In Russian)
6. Belyakov A.V. Translators of the Ambassadorial Order Baitsyns. "So that the memory of our parents and ours does not cease, and the candle does not go out..." for the 70th anniversary of Nikolai Mikhailovich Rogozhin. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2019. Pp.217–229. (In Russian)
7. Belyakov A.V. Early genealogy of the Tevkelevs. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022, no.8 (466), pp.85–93. (In Russian)
8. Belyakov A.V. *Servants of the Ambassadorial Prikaz 1645–1682*. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2017. 368 p. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Service Tatars from the Baimakov-Rezanov family in the diplomatic service of the Moscow states. *Quaestio Rossica*. 2021, vol.9, no.3, pp.886–902. (In Russian)
10. Belyakov A.V. Ustokasimovs: translators of the Ambassadorial Prikaz of the second half of the 16th – 17th centuries. *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Vol.3. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 26–38. (In Russian)
11. Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytshev D.V. Shamin S.M. *Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: materials for the dictionary*. Moscow: Indrik Publ., 2021. 304 p. (In Russian)
12. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Crimean immigrants in Kasimov – seids Shakulovs and their archive. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2015, no.7, pp.46–53. (In Russian)
13. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Documents on the origin of the interpreters of the Ambassadorial Prikaz of the Kuchumovs. *Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. 2017, no.2, pp.16–23. (In Russian)
14. Gorsky A.A. Moscow "Hordians" and "Delui". "Multicolored Wind City": *Collection for the 80th anniversary of B.N. Flory*. Moscow: Indrik Publ., 2018. Pp.173–178. (In Russian)
15. Guskov A.G. From captivity to diplomatic service: former Polonyaniki in the Ambassadorial Prikaz. *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Moscow: Institute

of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2023. Pp.128–162. (In Russian)

16. Guskov A.G. Deprivation of freedom in the activities of Moscow orders using the example of the Ambassadorial Prikaz in the second half of the 17th century. *Essays on the history of the penal system*. Ivanovo: PresSto Publ., 2019. Pp. 196–208. (In Russian)

17. Guskov A.G., Shamin S.M. Translators of the Ambassadorial Prikaz 1680 – 1690s. *Ancient Rus. Questions of medieval studies*. 2021, no.1, pp.108–122. (In Russian)

18. Guskov A.G. Translators of the Ambassadorial Order of 1718. *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge. Materials of the 33th International Scientific Conference*. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. Pp.128–130. (In Russian)

19. Guskov A.G., Shamin S.M. Translators of the Ambassadorial Prikaz in the last quarter of the 17th century: personnel (preliminary data). *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. Vol. 2, pp.178–317. (In Russian)

20. Dobrodomov I.G., Kuchkin V.A. Deluis of medieval Rus. *The most ancient states of Eastern Europe*. 1998. Moscow: Eastern literature Publ., 2000. Pp.88–98. (In Russian)

21. Yerusalimsky K.Yu. Interpreters and translators of the ambassadorial order of the second half of the 16th century: circle of responsibilities, personnel and diplomatic directions. *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2022, vol.13, no.8 (118). (In Russian)

22. Zaitsev I.V. Grand-ducal Tatars of the 15th – first half of the 16th centuries and their land ownership in the Moscow region. Historical and genealogical research. *Service and tribute people in Russia in the 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations*. Vol.1. Chelyabinsk: A. Miller Library Publ., 2022. Pp.36–72. (In Russian)

23. Kazakova N.A. The mysterious word "itologist" of the Novgorod and Pskov chronicles. *Proceedings of the department of ancient Russian literature*. Vol.24. Leningrad: Nauka Publ., 1969. Pp.139–141. (In Russian)

24. Kotoshikhin G.K. *About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich*. St. Petersburg: General Directorate of Principalities Publ., 1906. 214 p. (In Russian)

25. Kunenkov B.N. *Ambassadorial order of 1613–1645: structure, employees, office work*. Dissertation for Cand. Sci. (history). Bryansk, 2007. 586 p. (In Russian)

26. Liseytsev D.V. *Ambassadorial order during the Time of Troubles*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 485 p. (In Russian)

27. Liseytsev D.V. Tatar translator Prokofy Ivanovich Vrazhsky: "gatherer of the Russian land". *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. Pp.90–95. (In Russian)

28. Moiseev M.V. Kadyshev family of messengers: milestones in their career biography. *Studies in the history of Eastern Europe = Studia historica Europae orientalis*. 2020, vol.13. Pp.89–96. (In Russian)

29. Belyakov A.V. The Organization of Embassy Service in the Russian Lands in the Thirteenth through Sixteenth Centuries. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022, vol. 92, no.5, pp.417–425. (In English)

30. Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian polities. *The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday*. Bloomington: Indiana University Publ., 2009. Pp.195–207. (In English)

About the author:

Belyakov Andrey Vasilyevich – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Center of the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192; e-mail: belafeb@yandex.ru

Received December 25, 2023

Accepted for publication February 1, 2024

УДК 94(470.4)"16/17"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.21-35

Военная и дипломатическая служба астраханских юртовских татар в XVII–XVIII вв.

И.В. Торопицын

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация*

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье рассматривается участие астраханских юртовских татар в военных кампаниях, которые вело Московское государство против внешних врагов, а также примеры использования астраханских мурз и табунных голов для выполнения различных поручений дипломатического характера в XVII–XVIII вв. В центре исследования оказываются войны с Крымским ханством и Турцией, Польшей и Швецией, а также отдельные военные экспедиции XVII–XVIII вв., предпринятые царскими властями против народов Северного Кавказа и Центральной Азии. Анализируется мобилизационный потенциал тюркского служилого населения Нижнего Поволжья, особенности его привлечения к участию в войнах, использование в различных военных кампаниях. Наряду с этим изучаются факты привлечения астраханской служилой знати к выполнению различных дипломатических поручений в отношении народов Северного Кавказа и Центральной Азии.

Ключевые слова: астраханские юртовские татары, военная служба, дипломатические поручения, Польша, Крым, Швеция, Турция, ногайцы, калмыки, XVII–XVIII вв.

Для цитирования: Торопицын И.В. Военная и дипломатическая служба астраханских юртовских татар в XVII–XVIII вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.21–35. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.21-35>

Войдя в середине XVI в. в состав Московского государства, население Нижнего Поволжья достаточно быстро оказалось вовлечено в сферу не только внутренней, но и внешней политики страны. Уже в феврале 1558 г. Иван IV Грозный, направляя послов к польскому королю Сигизмунду Августу, поручил сообщить о завоевании Казанского и Астраханского ханств, и передать польскому королю, что он «лучших людей всех извел, оставил одних черных людей и молодых людей служилых..., а ныне казанские люди все и астраханские люди многие... пошли войною на Ливонскую землю» [11, с.542].

Поучаствовав в ряде походов русских войск в 1560-х гг., астраханские татарские князья почувствовали вкус к военной службе и сами стали

на нее проситься. Об этом упоминалось в памяти, данной Ф.И. Третьякову и Р.В. Олферьеву, направленным в мае 1566 г. на встречу литовских послов [12, с.344]. Из чего можно сделать вывод, что не только царские власти стремились использовать астраханских мурз и татар в походах против внешних врагов, наряду с другими жителями новоприсоединенных территорий в Поволжье, но и сами они все охотнее изъявляли желание участвовать в военных предприятиях Москвы.

При этом важно подчеркнуть, что царские власти стремились привлечь в войско наиболее подготовленных представителей тюркского населения Нижнего Поволжья. Не случайно в памяти царским послам в Польшу в 1571 г. князьям И.М. Канбарову и Г.Ф. Мещерскому было указано на вопрос об Астрахани и Казани отвечать, что местные «ясашные люди и пашенные во всем государевым воеводам послушны; а которые люди служилые, и где им государь велит быти на службе, и они на государеву службу ходят, кольким государь велит» [12, с.781].

Из этого следует, что тюркское население Нижнего Поволжья во второй половине XVI в. было представлено двумя основными категориями: ясашным и служилым населением. Первые несли повинности, а вторые выполняли служебные функции. При этом в русскую армию вызывались из Астрахани именно служилые люди из числа астраханских татар, оставшихся на своих землях после разгрома московскими войсками основных сил Астраханского ханства в результате кампаний 1554 и 1556 гг., участвовавших в походах вместе с другими подданными русского царя. Судя по всему, результатом их военной службы Иван IV Грозный был вполне доволен, не преминув подчеркнуть это в дипломатической переписке с польским королем.

Следует подчеркнуть, что для политики Московского государства было характерно широкое привлечение на военную службу всех своих подданных. Факты использования населения новоприсоединенных ханств (царств) Поволжья в войнах, которые вело Московское государство, неоднократно отмечались в историографии. Рассматривая формы привлечения тюркских подданных на военную службу, авторы указывали, что представители знати бывших татарских ханств шли вооруженными «по своему, по татарски», вместе со своими слугами [3, с.16–17; 4, с.436]. Однако подробностей участия астраханских татар в различных военных кампаниях встречается крайне мало, а между тем география их военных походов в составе русских войск была довольно обширной.

Во второй половине XVI в. татарские отряды с Нижнего Поволжья направлялись на Северный Кавказ для поддержки прорусски настроенных местных правителей и участвовали в составе русских войск в Ливонской войне, а позднее в серии конфликтов, которые вел Иван IV Грозный против ряда европейских стран [19, с.247–248]. Затяжной характер военных действий, которые на протяжении 25 лет вела Москва против соседних европейских государств, в совокупности с рядом других факторов, как,

например, вынужденное переселение в другие регионы страны или переход в православие, привели к истощению военного потенциала астраханской тюркской знати. Тогда в 1582 г. Иван IV Грозный решил пополнить его за счет ресурса Ногайской орды путем привлечения выходцев из нее в ряды астраханских служилых татар [7, с.112–113]. В результате этого на Нижней Волге стал формироваться слой юртовских служилых татар, подконтрольных астраханским воеводам. Они объединялись в отряды – табуны во главе с табунными головами. В дальнейшем на царскую службу переходили и мурзы со своими улусами. Наиболее многочисленными из них были джетисанцы под началом мурз Урусовых и Тинбаевых.

Впоследствии все оказывавшиеся под ведомством астраханских властей тюркские подданные русского царя стали идентифицироваться в качестве «государевых астраханских людей». Об этом свидетельствует отписка астраханских воевод в Посольский приказ по ногайским делам в 1620 г. Сообщая о междоусобных столкновениях ногайцев, воеводы отметили, что мурзы Тинмаметевы и Иштерековы «переграбили» не только улусы мурз Урмаметевых, но и «твоих государевых астороханских людей едисанов и юртовских татар», кочевавших вблизи урмаметевых улусов [6, с.279]. И хотя сами тюркские подданные русского царя отличали себя друг от друга, при этом они признавали, что служат ему все вместе. Астраханские воеводы, к слову, не делали отличий в назначении на службу разных групп подчиненных им служилых татар, направляя на задания не только представителей различных юртовских табунов, но и объединяя в единые отряды юртовцев, джетисанцев и других представителей тюркских народов [17, с.222–223].

Например, в 1604 г. юртовские татары вместе с джетисанцами и другими ногайцами приняли участие в походе русского войска под началом воевод И.М. Бутурлина и О.Т. Плещеева на Кавказ против тарковского шамхала. Это был первый крупный поход, в котором они участвовали в XVII в. В ходе него русскому войску удалось занять столицу Тарковского шамхальства и ряд других селений, но удержаться оставленному там гарнизону не удалось. Следующей весной при отступлении из Тарков русский гарнизон был разбит противником. Астраханские татары избежали печальной участи русских соотечественников благодаря тому, что на зиму были отпущены воеводами в Астрахань [2, с.СХ; 5, с.322].

В последующие годы астраханские татары участвовали во всех значимых военных кампаниях нашей страны против внешних врагов в XVII в. Так, во время русско-шведской войны 1610–1617 гг. астраханские юртовские татары принимали участие в защите Тихвинского монастыря в 1613 г. и в оказании помощи Пскову, осажденному шведами в 1615 г. [23, с.74–76]. В ходе войны с Польшей 1609–1618 гг., в составе русских войск с 1613 г. действовало несколько самостоятельных отрядов юртовских татар. Наиболее крупные из них возглавляли мурза К.Урусов и принявший православие представитель другого мурзинского рода М.Тинбаев. Отдельные,

более мелкие отряды астраханских татар подчинялись своим табунным головам. Юртовцы сражались с поляками и литовцами под Можайском, Боровском и Москвой, гонялись вместе с другими русскими войсками за отрядом полковника А.Ю. Лисовского, совершавшего дерзкие рейды по территории Московского государства. Особо стоит выделить участие астраханских татар в походе в Литву в 1616 г., за успешное проведение которого все его участники были награждены царским жалованьем.

В 1620-е гг. астраханские татары участвовали в военных экспедициях на Северный Кавказ для оказания помощи князьям Черкасским [18, с.30–31; 8, с.129–131]. В 1630-е гг. им довелось воевать в Смоленской войне 1632–1634 гг. Причем их привлекали как на западный, так и на южный театр военных действий. В 1632 г. вместе с другими астраханскими служилыми людьми они отправились из Астрахани в Литовский поход вместе с И.Кондыревым¹. Летом 1633 г. русское войско, в состав которого входили и юртовские татары, под командованием воеводы П.Волконского осуществило поход против Малой Ногайской орды. В ходе него были повергнуты погрому ногайские улусы в районе реки Куба [9, с.219–220]. Этот поход сыграл важную роль в прекращении участия крымского вторжения в Московское государство. В числе участников обоих походов был, например, астраханский мурза А. Каракельмамбетов, особо отличившийся в битвах против ногайцев Малой орды – он сразил в бою мурзу К. Мамаева и взял в плен мурзу Н.Алабердеева².

Яркой страницей в военной биографии астраханских татар стали события очередной русско-польской войны 1654–1667 гг., начавшейся в связи с воссоединением Украины с Россией. В ходе нее юртовцы под началом мурзы А.Байтерекова и табунного головы К.Маркашева участвовали в составе Государева полка в 1654 г. в боевых действиях под Смоленском, а также в районе Могилева на территории Белоруссии. Другой отряд астраханских татар вошел в состав полка окольного С.Л. Стрешнева, сформированного в Пскове, и воевал в 1654 г. в составе северо-западной русской армии под командованием В.П. Шереметева под Невелем, Озерищами, Сурожем, Усвятом и другими городами [22, с.152–157].

В XVII в. астраханские татары неоднократно участвовали в войнах Московского государства с Крымским ханством и Турцией. В 1646 г. они вместе с ногайцами под началом воеводы С.Р. Пожарского сражались на Дону против крымцев и азовцев. В 1675 г. они ходили в поход на Крым с князем К.М. Черкасским. В 1678 г. в ходе русско-турецкой войны астраханские татары воевали под городом Чигирином с крымцами и турками. В Крымских походах 1687 и 1689 гг. в составе Низового полка русской ар-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.127. Оп.1. 1631 г. Д.2. Л.99.

² Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб. ИИ РАН). Ф.178. Оп.1. Д.1255. Л.1.

мии участвовал отборный отряд астраханской знати (юртовские мурзы, табунные головы и татарские сотники) [24, с.356–361].

В царствование Петра I астраханские татары под началом головы Б. Керейтова в составе войск фельдмаршала Б.П. Шереметева в 1702–1705 гг. принимали участие в Северной войне со шведами, в 1708 г. – в военной экспедиции на Терек для освобождения гарнизона Терской крепости от осады со стороны народов Кавказа, в 1717 г. – в экспедиции в Хиву, предпринятую по заданию Петра I князем А.Бековичем-Черкасским [21, с.136–141]. В последующие годы астраханских юртовских татар не вызывали в действующую русскую армию.

Характер привлечения астраханских юртовских татар к военной службе свидетельствует, что призывались на войну не все подряд татары, а преимущественно служилые, получавшие жалованье. Это касалось в первую очередь мурз, табунных голов, сотников. Вместе с ними, по всей видимости, выступали их дети и слуги. В зависимости от состояния здоровья юртовцы могли выставить на войну вместо себя своих родственников. Не менее важное значение имело материальное обеспечение. Астраханские татары служили в конном войске, поэтому наличие у них лошадей напрямую влияло на количество призываемых на службу. В 1631 г., например, мурза К.Тинбаев на претензии И.Кондырева, посланного в Астрахань заниматься призывом татар и ногайцев на царскую службу, заметил, что хотя у него и числится больше 10 тысяч человек, но «у них лошадей отогнали калмыки и ехать им не на чем»³. Нередко по итогам полкового смотра часть призванных на войну татар отправлялась домой, а оставшиеся служилые люди выступали в поход с запасными лошадьми. По всей видимости, это делалось в интересах более быстрого передвижения во время похода.

Царские власти, безусловно, стремились привлечь на военную службу максимальное количество годного для нее населения. В первой трети XVII в. совокупный мобилизационный ресурс тюркского населения Нижнего Поволжья (ногайцев и татар) оценивался в несколько тысяч человек. В 1631 г. мурзы К.Урусов и К.Тинбаев заявляли о возможности выставить вместе со своими родственниками по 1000 человек. Мурзы Большой Ногайской орды, обосновавшиеся в Нижнем Поволжье, имели возможность выставить свыше 5000 человек⁴. При этом численность джетисанцев под Астраханью оценивалась по сметному списку 139 года (1631 г.) всего в 900 человек, а астраханских юртовских татар – в 2000 человек [14, с.44].

Во второй половине XVII в. царские власти уже не рассчитывали на возможность призывать такие многотысячные контингенты тюркских служилых людей Нижнего Поволжья. Сказывалось как влияние калмыцкого фактора (часть ногайских улусов подчинилась калмыкам и стала кочевать вместе с ними, другие предпочли откочевать от Астрахани на Се-

³ РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1631 г. Д.2. Л.63.

⁴ Там же. Л.63.

верный Кавказ), так и последствия разорительного для населения Нижнего Поволжья Разинского восстания, в ходе которого многие юртовские улусы и табуны заметно сократились. В наказах астраханским воеводам второй половины XVII в. предписывалось мобилизовать всего 500 астраханских татар (как правило, 200 юртовских и 300 джетисанских). Но фактически их количество ограничивалось тремя-четырьмя сотнями человек.

В первой половине XVII в. астраханские татары участвовали в войнах Московского государства в качестве самостоятельной военной силы в составе русских войск, но под командованием царских голов и военачальников. Во второй половине XVII – начале XVIII в. юртовцы входили в состав сводных военных отрядов, формировавшихся в Нижнем Поволжье для участия в войнах и походах, которые осуществляли царские воеводы. Их участие в войнах было ограниченным, они призывались в войско не на весь период войны, а для участия в определенной кампании, по завершении которой отпускались на зимние квартиры. В качестве вознаграждения за участие в войнах Московского государства астраханские татары получали жалованье за службу и право распоряжаться военной добычей, в том числе пленными [16, с.37–41].

Другой важной обязанностью юртовских татар была дипломатическая служба. Астрахань окружали территории, занятые кочевыми племенами, через город в Россию направлялись иностранные посольства. От воевод и губернаторов центральная власть требовала не только сведений об обстановке в Нижнем Поволжье, но и о политических замыслах правителей соседних стран и народов. С целью сбора необходимой информации и проведения переговоров с иностранными подданными астраханские власти вынуждены были постоянно направлять людей к владельцам кочевых и горских народов.

Наиболее активно услуги астраханских татар были востребованы при урегулировании отношений русских властей с ногайцами. Из Астрахани в Малую Ногайскую орду с различными целями регулярно направлялись представители астраханского юртовского общества. Одной из форм сбора информации была поездка за «языками», которых захватывали на Крымской стороне⁵ специально посланные из Астрахани отряды служилых людей. В этих рейдах участвовали в основном астраханские татары, но иногда вместе с ними направлялись и стрельцы.

Помимо этого, астраханские воеводы поручали представителям астраханских татар проводить переговоры с ногайскими мурзами по различным вопросам русско-ногайских отношений. Выполнение дипломатических заданий доверялось наиболее умелым и авторитетным переговорщикам, что ставило этих представителей юртовского общества на один уро-

⁵ Условное название обширной степной зоны, начинавшейся с правобережья реки Волги и тянувшейся вплоть до реки Кубань.

вень с детьми боярскими, а представителей юртовской знати уравнивало в статусе с командирами стрелецких подразделений. В 1643 г., например, юртовцы К.Тохтамышев и Б.Багишев занимались урегулированием отношений между ногайцами Малой орды, находившейся в протекции у крымского хана, и Большой орды, состоявшей в подданстве у русского царя. Они успешно справились с дипломатической миссией и добились выдачи в Астрахань захваченных малыми ногайцами пленных [18, с.28]. В 1678 г. табунный голова И.Кашкарин и юртовский сотник Т.Уразаев ездили на Северный Кавказ и по поручению астраханских воевод успешно провели переговоры с мурзой Я.Янмаметевым, убедив его вернуться к Астрахани.

В 1709 г. астраханский воевода П.М. Апраксин направил на Кубань табунного голову Е.Епаева для переговоров о возвращении взятых ногайцами в плен русских людей, ему удалось добиться освобождения около двух десятков пленников [13, с.223]. В 1715 г. мурзы Урусовы от имени астраханских властей участвовали в переговорах с кубанцами, хотевшими захватить в Нижнем Поволжье всех ногайцев-джетисанцев. Им удалось убедить их отказаться от своих планов.

Появление в Северном Прикаспии калмыков внесло изменения в расклад сил среди кочевых народов. Часть ногайцев подчинилась калмыкам и стала кочевать вместе с ними. После серии вооруженных столкновений русские власти стали искать пути для налаживания взаимодействия с калмыками, захватившими степи в Нижнем Поволжье. И здесь им вновь пришлось обращаться к помощи астраханских юртовских татар.

На официальном уровне они были вовлечены в переговоры астраханских властей с калмыками с конца 1620-х гг. В 1629 г., например, астраханскими воеводами были посланы к калмыкам хошутского тайши Чокура пятеро юртовских татар с приглашением прислать на переговоры в Астрахань своих представителей и выдать аманатов [20, с.158].

С середины 1640-х гг. астраханские власти стали поручать юртовцам персональные дипломатические задания. Им доверяли не просто передавать письма от астраханских воевод, а проводить переговоры с калмыцкими тайшами, например, с целью убедить их принять российское подданство.

В 1650-х гг. одним из основных вопросов в русско-калмыцких отношениях был взаимный возврат русских пленных, уведенных калмыками, и калмыцких лошадей, угоняемых астраханскими татарами. Астраханскими воеводами неоднократно посылался в калмыцкие улусы юртовский татарин И.Кельмаметов из табуна Ю.Глешева, который собирал сведения военно-политического характера о ситуации в улусах тайши Мончака. Воевод, в частности, интересовало наличие в калмыцком плену русских людей. И.Кельмаметов в ходе пребывания в калмыцких улусах встречал таковых, о чем докладывал по возвращении в Астрахань. В декабре 1653 г. он сообщил о готовности тайши Мончака наладить мирные отношения с

астраханскими воеводами⁶. Ввиду особой важности доставляемых И.Кельмаметовым сведений стрелецкому голове Н.В. Сологубову, находившемуся в городке Красный Яр на реке Бузан, в 1653 г. была направлена память от астраханских воевод, чтобы он оказывал ему содействие⁷.

Находясь в калмыцких улусах, посланцы астраханских воевод попутно собирали важную политическую информацию. В 1658 г., например, астраханским татарам Ч.Сары и К.Ажимбетеву, посланным из Астрахани к калмыцким тайшам, удалось узнать о приезде к калмыкам персидского посольства от шаха Аббаса II [20, с.166].

Наиболее авторитетные представители астраханского юртовского общества привлекались к организации важных русско-калмыцких переговоров. В 1636 г., например, по просьбе калмыцких тайшей к участию в русско-калмыцком съезде решено было пригласить с российской стороны, наряду с «добрыми» детьми боярскими и дворянами, авторитетного, по выражению В.Т. Тепкеева, предводителя юртовских татар – Я.Рамазанова. По сведениям того же автора, в марте 1657 г. под Астраханью на реке Кутум состоялся очередной русско-калмыцкий съезд, в котором с астраханской стороны наравне с другими лицами принял участие татарин Э.Кашкарин [15, с.62, 247].

В начале 1661 г. астраханский воевода Г.С. Черкасский поручил И.Кашкарину выяснить готовность калмыцких тайшей выступить против Крымского ханства. Табунный голова съездил в калмыцкие улусы и собрал нужные сведения [18, с.29–30].

С налаживанием во второй половине XVII в. русско-калмыцких отношений, перед астраханскими властями на первый план вышла задача по возвращению в прямое подчинение ряда крупных ногайских улусов, мурзы которых в свое время были подчинены калмыкам. Работа в этом направлении требовала высокого дипломатического умения, поэтому к ее выполнению старались привлекать самых опытных людей. Представление об этом дает царский наказ терским воеводам в 1697 г. В нем говорилось о необходимости направлять «тайным обычаем» из Астрахани к «Едисанским Мурзам и Татаром», которые продолжали кочевать с калмыками, «посыльщиков Астраханских татар, самых добрых людей, которые были б верны» и имели соответствующий опыт [20, с.169].

После смерти в 1724 г. в Калмыцком ханстве хана Аюки его наследники начали междоусобную борьбу за власть. Следствием этой борьбы стал раскол в калмыцком обществе и откочевка в начале 1730-х гг. большей части улусов на Кубань в протекцию крымского хана, откуда калмыки владельца Дондука Омбо и его сторонников стали нападать на российских подданных. В этих условиях астраханский губернатор И.П. Измай-

⁶ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.2786. Л.1–4.

⁷ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.2789. Л.1.

лов, у которого в ведении находились калмыцкие дела, предпринял энергичные шаги к примирению калмыцкой знати. Он решил направить на переговоры к Дондуку Омбо хорошо ему знакомого человека, но не связанного с русскими властями. Выбор И.П. Измайлова пал на юртовского табунного голову М.Булатаева. Губернатор поручил ему всеми возможными способами добиваться урегулирования внутрикалмыцкого конфликта. Выбор астраханского губернатора оказался весьма удачным, а его доверенное лицо вполне оправдало возложенные на него ожидания. В период пребывания на Кубани М.Булатаев, по его словам, «непрестанно» прилагал усилия к тому, чтобы примирить Дондука Омбо и оставшихся в России калмыцких владельцев. В итоге ему удалось убедить его вернуться в Россию, что сыграло важную роль в последующем участии калмыцких сил в составе российских войск в русско-турецкой войне 1736–1739 гг. Правительство России высоко оценило усилия табунного головы М.Булатаева, повысив ему оклад ежегодного жалованья, что сделало его одним из самых высокооплачиваемых представителей астраханской тюркской знати [18, с.172–173].

Астраханские власти пользовались дипломатическими способностями юртовских татар не только в урегулировании взаимоотношений с ногайцами и калмыками. Их дипломатические навыки были востребованы в выстраивании взаимоотношений российских властей с представителями самых разных народов.

В 1662 г., например, астраханские татары У.Епаргулов и К.Енчурин были направлены астраханским воеводой Г.С. Черкасским к восставшим башкирам, чтобы уговорить их принести повинную. «Посольство астраханского воеводы князя Г.С. Черкасского к башкирам Ногайской дороги в известной степени увенчалось успехом», – отмечает Н.В. Устюгов. Башкиры, по его сведениям, благосклонно встретили призыв астраханского воеводы, переданный через юртовских татар, и принесли повинную, вследствие чего направлять войска против них уже не было необходимости [25, с.79, 84–85].

В 1740 г. астраханский губернатор М.М. Голицын направил в Хиву «тайным образом под видом купца» юртовского татарина К.Янаева «для проводывания о персидских движениях и о персидском шахе Тасмас Кулы хане»⁸. В бытность в Хиве К.Янаев стал свидетелем захвата Хивинского ханства персами, попыткой казахского хана Абулхаира утвердиться в Хиве в качестве российского подданного. Астраханскому татарину удалось посетить лагерь как хивинских, так и персидских войск и составить представление о военной силе персов, выяснить военные планы Тахмас Кули хана. На обратном пути К.Янаев сопровождал группу бывших русских

⁸ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф.394. Оп.4. Д.66. Л.2.

пленных, освобожденных персидским полководцем из хивинского плена, которым тот предоставил свободу.

В 1740-х гг. активизировались связи России с племенами туркмен, которые стали обращаться к российским властям с различными просьбами о помощи. Для изучения обстановки в их улусах из Астрахани на восточное побережье были направлены российские представители. Характерно, что в качестве переводчика к переговорам с туркменами неизменно привлекался представитель астраханских юртовских татар – М.Утепов. Выбор его был обусловлен тем, что он неоднократно бывал на Мангышлакском полуострове в качестве приказчика астраханского купца Т.Лошкарева и был хорошо знаком местным жителям. Важно подчеркнуть, что М.Утепов не только выполнял функции переводчика, но и собирал разнообразную информацию.

В 1741 г. капитан Астраханского гарнизона Г.Тебелев получал через него сведения о численности туркмен, откочевавших на Мангышлакский полуостров, обстановке в их улусах, а также о событиях в Хивинском ханстве, которое оказалось захвачено Персией [10, с.218, 220]. В связи с желанием части туркменских родов вступить в российское подданство в 1745 г. М.Утепов вновь был послан к ним [1, с.63–73]. Как следует из журнала капитана В.Копытовского, юртовцу М.Утепову пришлось не только участвовать в переговорах с туркменами в качестве переводчика при нем на российском судне, но и вести их самостоятельно на берегу, куда В.Копытовский, видимо, опасался выходить. М.Утепов неоднократно посещал туркменские аулы на Мангышлаке и собирал сведения о внутреннем состоянии туркменских родов, кочевавших на Мангышлакском полуострове, и их внешнеполитических связях [10, с.221–237].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что астраханские юртовские татары участвовали во всех основных военных конфликтах, которые вело Московское государство в XVII – начале XVIII в. Военная служба была основной их служебной обязанностью, требовавшей находиться в постоянной боевой готовности. В силу ряда причин на протяжении XVII в. военный потенциал юртовцев постепенно снижался. Окончательно от их услуг в качестве военной силы государство отказалось в царствование Петра I Великого.

Наряду с привлечением астраханских юртовских татар на военную службу местные власти пользовались их услугами для сбора сведений о политической обстановке на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Им доверяли проведение переговоров от имени русских властей с ногайскими мурзами, калмыцкими тайшами, туркменскими старшинами, кубанским сераскиром и даже крымским ханом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров В.* Поездка капитана В.Копытовского на Мангишлак в 1745 г. // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 год. Астрахань: Типография Н.Л. Рослякова, 1897. С.63–76.
2. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1889. CLX, 584 с.
3. *Беляев И.* О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М.: Университетская типография, 1846. 118 с.
4. *Голицын Н.Г.* Русская военная история. Ч.II. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1878. 692 с.
5. Из Хронографа, принадлежавшего историографу Карамзину. (Столяровский список. Л.522–528, 613–658) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А.Попов. М., 1869. С.321–378.
6. История Казахстана в русских источниках. Т.1: Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 721 с.
7. История татар с древнейших времен в семи томах. Т.V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1032 с.
8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
9. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.
10. *Разумовская В.* Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. // Красный архив. 1939. №2 (93). С.209–255.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч.2 (годы с 1533 по 1560) / том издан под наблюдением Г.Ф. Карпова. СПб.: Типография Ф.Елеонского и К°, 1887. 630 с.
12. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570): Т.3 / изд. под наблюдением Г.Ф. Карпова. СПб.: Типография А.Катанского, 1892. 807 с.
13. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.101: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета: Т.8: Июль–декабрь 1729 г. и январь–март 1730 г. / изд. под ред. и с предисл. Н.Ф. Дубровина. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1898. 576 с.
14. Сметный список 139 году // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. 1849. С.18–51.
15. *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 375 с.
16. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в войнах Московского государства // Перекрестки истории. Актуальные проблемы историче-

ской науки: Материалы Всероссийской научной конференции, Астрахань, 29 апреля 2016 г. / отв. ред. А.О. Тюрин. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2016. С.37–41.

17. *Торопицын И.В.* Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2014. Вып. 3 (40). С.220–228.

18. *Торопицын И.В.* Астраханские юртовские татары в орбите российской внешней политики на Северном Кавказе в XVII–XVIII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. №1/2. С.25–36.

19. *Торопицын И.В.* Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред.: А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. Вып. VII. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. С.246–250.

20. *Торопицын И.В.* Астраханские юртовские татары в политико-административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. науч. статей / отв. ред. Г.С. Султаналиева. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С.155–179.

21. *Торопицын И.В.* Астрахань и астраханцы в военных планах Петра I // Ученые записки АГУ им. В.Н. Татищева. История. «Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого»: материалы VII Международной научной конференции «Астраханские Петровские чтения» (г. Астрахань, 6–7 октября 2022 г.) / отв. ред. и сост.: Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, Р.Т. Алиев. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Издательский дом «Астраханский университет», 2022. С.136–141.

22. *Торопицын И.В.* Малоизвестные факты по военной истории астраханских юртовских татар: участие в войне с Польшей за воссоединение Украины с Россией в XVII в. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, новое и новейшее время: материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10–11 ноября 2016 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А.В. Касович (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2016. С.152–157.

23. *Торопицын И.В.* «С немецкими людьми билися», разбили их наголову и «топтали их на пятнадцать верстах». Астраханские служилые люди в борьбе со шведами в период Смутного времени на Руси // Военно-исторический журнал. 2022. №4. С.68–77.

24. *Торопицын И.В.* Участие астраханских служилых людей в войнах России с Крымским ханством в XVII веке // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве Волгоград, 28–29 сент. 2023 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С.356–361.

25. *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т.24. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С.30–110.

Информация об авторе:

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Поступила 14.12.2023

Принята к публикации 09.02.2024

**Military and diplomatic service of the Astrakhan Yurt Tatars
in the 17th–18th centuries**

I.V. Toropitsyn

*Tatishchev Astrakhan State University
Astrakhan, Russian Federation*

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the participation of Astrakhan Yurt Tatars in military campaigns waged by the Moscow state against external enemies, as well as examples of the use of Astrakhan murzas and herd heads to carry out various diplomatic assignments in the 17th–18th centuries. The research focuses on the wars with the Crimean Khanate and Turkey, Poland and Sweden, as well as individual military expeditions of the 17th–18th centuries undertaken by the tsarist authorities against the peoples of the North Caucasus and Central Asia. The article analyzes the mobilization potential of the Turkic service population of the Lower Volga region, the peculiarities of its involvement in wars, and its use in various military campaigns. Along with this, the facts of the involvement of the Astrakhan nobility in the performance of various diplomatic missions in relation to the peoples of the North Caucasus and Central Asia are being studied.

Keywords: Astrakhan Yurt Tatars, military service, diplomatic assignments, Poland, Crimea, Sweden, Turkey, Nogais, Kalmyks, 17th–18th centuries

For citation: Toropitsyn I.V. Military and diplomatic service of the Astrakhan Yurt Tatars in the 17th–18th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.21–35. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.21-35> (In Russian)

REFERENCES

1. Alexandrov V. The trip of captain V. Kopytovsky to Mangishlak in 1745. *Report of the Petrovsky Society of Researchers of the Astrakhan Region for 1895*. Astrakhan: Roslyakov Publ., 1897. Pp.63–76. (In Russian)

2. Belokurov S.A. *Russia's relations with the Caucasus. Materials extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs*. Vol. 1. Moscow: University Publ., 1889. 584 p. (In Russian)

3. Belyaev I. *About the Russian army during the reign of Mikhail Feodorovich and after it, before the transformations made by Peter the Great*. Moscow: University Publ., 1846. 118 p. (In Russian)

4. Golitsyn N.G. *Russian military history*. Part 2. St. Petersburg: Public Benefit Publ., 1878. 692 p. (In Russian)

5. From a chronograph belonging to the historiographer Karamzin. *Collection of Slavic and Russian works and articles included in the chronographs of the Russian edition*. Compiled by A. Popov. Moscow: A. Popov Publ., 1869. Pp.321–378. (In Russian)

6. *History of Kazakhstan in Russian sources*. Vol. I: Ambassadorial materials of the Russian state (15th – 17th centuries). Almaty: Dyke-Press Publ., 2005. 721 p. (In Russian)

7. *History of the Tatars from ancient times in seven volumes*. Vol. V: The Tatar people as part of the Russian state (the second half of the 16th – 18th centuries.). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1932 p. (In Russian)

8. *Kabardino-Russian relations in the 16th – 18th centuries*. Vol.1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 478 p. (In Russian)

9. Novoselsky A.A. *The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 448 p. (In Russian)

10. Razumovskaya V. From the history of relations between Russia and the Turkmens in the 18th century. *Red Archive*. 1939, no.2 (93), pp.209–255. (In Russian)

11. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol.59: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. Chapter 5. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state. Part 2. Years from 1533 to 1560. St. Petersburg, 1887. 630 p. (In Russian)

12. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol.71: Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state. Chapter 3. Years from 1560 to 1570. Part 3. St Petersburg, 1892. 807 p. (In Russian)

13. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol.101. Protocols, journals and decrees of the Supreme Privy Council. Part 8. July-December 1729 and January-March 1730. St. Petersburg, 1898. 576 p. (In Russian)

14. Estimated list of 139. *Temporary journal of the Moscow Society of Russian History and Antiquities*. Vol. 4, 1849. Pp.18–51. (In Russian)

15. Tepkeev V.T. *Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the 17th century*. Elista: Dzhangar Publ., 2012. 375 p. (In Russian)

16. Toropitsyn I.V. Participation of the Astrakhan Yurt Tatars in the wars of the Moscow State. *Crossroads of History. Current problems of historical science: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Astrakhan, April 29, 2016*. Ed. by A.O. Tyurin. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich Publ., 2016. Pp.37–41. (In Russian)

17. Toropitsyn I.V. Nobility among the Astrakhan Yurt Tatars in the 17th century. *Caspian region: economics, politics, culture*. 2014, no. 3 (40), pp.220–228. (In Russian)

18. Toropitsyn I.V. Astrakhan Yurt Tatars in the orbit of Russian foreign policy in the North Caucasus in the 17th–18th centuries. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2015, no.1–2, pp.25–36. (In Russian)

19. Toropitsyn I.V. Astrakhan Tatars in the first years after joining the Moscow state. *Astrakhan local history readings: collection of articles*. Ed. by A.A. Kurapova, E.I. Gerasimidi, R.A. Tarkova. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich Publ., 2015. Vol. 7. Pp.246–250. (In Russian)

20. Toropitsyn I.V. Astrakhan Yurt Tatars in the political and administrative system of relations between Russia and the Kalmyks in the 17th – 18th centuries. *Nomadic peoples of Central Eurasia in the 18th–19th centuries: a comparative historical analysis of the policies of the Russian Empire: a collection of scientific articles*. Ed. by G.S. Sultangalieva. Almaty: Kazakh University Publ., 2015. Pp.155–179. (In Russian)

21. Toropitsyn I.V. Astrakhan and Astrakhan people in the military plans of Peter I. *Scientific notes of Tatishchev ASU. History. "The Caspian region in the imperial space. To the 350th anniversary of the birth of Peter I the Great": materials of the 7th International Scientific Conference "Astrakhan Peter's Readings" (Astrakhan, October 6–7, 2022)*. Ed. by E.G. Timofeeva, A.O. Tyurin, R.T. Aliev. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 2022. Pp.136–141. (In Russian)

22. Toropitsyn I.V. Little-known facts about the military history of the Astrakhan Yurt Tatars: participation in the war with Poland for the reunification of Ukraine with Russia in the 17th century. *Europe: current problems of ethnoculture. Antiquity, the Middle Ages, modern and contemporary times: materials of the 9th International Scientific and Theoretical Conference, Minsk, November 10–11, 2016*. Minsk: Republican Institute of Higher Education, 2016. Pp.152–157. (In Russian)

23. Toropitsyn I.V. "They fought with the German people", defeated them completely and "trampled them for fifteen miles". Astrakhan servicemen in the fight against the Swedes during the Time of Troubles in Rus. *Military History Journal*. 2022, no.4, pp.68–77. (In Russian)

24. Toropitsyn I.V. Participation of Astrakhan servicemen in the wars of Russia with the Crimean Khanate in the 17th century. *Military-historical aspects of life in the South of Russia in the 17th – 21st centuries: issues of study and museumification: materials of the 5 th International. scientific-practical conf., dedicated to the 80th anniversary of the defeat of the Nazi troops by Soviet troops in the Battle of Stalingrad. Volgograd, September 28–29. 2023*. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2023. Pp.356–361. (In Russian)

25. Ustyugov N.V. Bashkir uprising 1662–1664. *Historical notes*. Vol.24. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1947. Pp.30–110. (In Russian)

About the author:

Toropitsyn Ilya Vasilyevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Russian History, Tatishchev Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Received December 14, 2023

Accepted for publication February 9, 2024

УДК 94(470.4)"172/173"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.36-51

Служилые татары в строительстве военных укреплений на южных рубежах России (1720–1730-е гг.)

И.З. Файзрахманов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению отдельных вопросов участия служилых татар в военных мероприятиях 1720–1730-х гг. Автор обратил внимание на повинности служилых «иноверцев», связанных главным образом с военной спецификой: заготовка корабельных лесов, работа плотниками и пильщиками на верфи, исполнение обязанностей счетоводов, переводчиков и т.д. В статье подробно рассмотрена организация высылки в 1724 г. 5 тыс. служилых татар, мордвы и чувашей на строительство крепостей в Баку, на Куру и в крепость Святого Креста. Сопоставляя сведения из именных списков высылаемых для строительства крепостей служилых татар по 4-м дорогам Казанского уезда с материалами 2-й ревизии, автор попытался выяснить дальнейшую судьбу участников, установить примерное количество безвозвратных потерь и вернувшихся, пришел к выводу, что значительная часть служилых татар вернулась домой.

Ключевые слова: служилые татары, повинности, наряды, высылки на работу, строительство крепостей, Казанский уезд, ревизские сказки

Для цитирования: Файзрахманов И.З. Служилые татары в строительстве военных укреплений на южных рубежах России (1720–1730-е гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.36–51. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.36-51>

Период правления Петра I, с одной стороны, стала эпохой преобразований, реформ, развития торговли и производств, с другой стороны, он характеризовался небывалой эксплуатацией населения, непомерным увеличением налогового бремени и повинностей.

С начала XVIII в. служилые татары были привлечены к строительству новой столицы – Санкт-Петербурга. Им пришлось работать в самые сложные времена – строительство города велось на голом поле и в болотистых местностях, к которым добавлялись неблагоприятные погодные условия. С закрепления к Адмиралтейству в 1718 г. начался новый этап участия служилого населения поволжских губерний и уездов в обеспечении обороноспособности государства – они ежегодно и исправно должны были готовить корабельный лес для нужд военно-морского флота.

В 1720–1730-х гг. перед служилыми татарами ставились и другие новые задачи:

1. В 1722–1723 гг. именным указом императора было проведено два рекрутских набора со служилых татар – всего с них взято 246 рекрутов [1, с.483]. Рекрутов первого наряда 1722 г. в количестве 133 человек отправили в Москву. По второму наряду 1723 г. 113 служилых татар определили в Казанское адмиралтейство «для обучения в пильщики, в плотники, в резальщики, в токари, в столяры, в моляры»¹. Это была первая группа татар, начавшая работать на казанской верфи в качестве мастеровых. В дальнейшем среди плотников и других специалистов по обработке дерева татары стали постоянными работниками, в том числе передавали свои навыки от поколения к поколению. Рекрутские наборы со служилых татар были возобновлены с 1737 г., что было связано с уравниванием их положения с остальными податными слоями [2, с.275–280].

2. С 1726 г. 25 служилых татар были определены в Канцелярию у дел корабельных лесов (позднее именовалась Казанская лесная контора, затем Казанская адмиралтейская контора) в бурмистры, счетчики и целовальники. В их обязанности входил прием денежной казны и материалов у строения морских судов, прием и раздача материалов². До 1726 г. эти работы выполняли казанские купеческие люди, но потом их перевели в подчинение городских магистратов. У адмиралтейского ведомства не имелось особого выбора и на указанные должности были назначены находившиеся под его контролем служилые татары, которым поручалось выполнять соответствующие обязанности попеременно. Так, в 1726 г. бурмистров, счетчиков и целовальников было 29, в 1727 г. – 34, в 1728 г. – 22 [5, с.177–198].

3. Указ от 15 февраля 1724 г. повелевал послать 5 тыс. «служилых иноверцов» на работу в Баку, на Куру и в крепость Святого Креста (крепость Святого Креста, Сулацкой город – русское военное укрепление и город на Северном Кавказе), т.е. на новые завоеванные территории для строительства крепостей³.

4. По именному императорскому указу 1723 г. в Гилян к секретарю Семену Абрамову (Аврамов Семен – российский дипломат, коллежский секретарь) в качестве переводчиков было взято 23 казанских слободских татарина. Новым указом 1725 г. на подмену первым повелевалось послать в Гилян такое же число (23 человека) переводчиков⁴.

5. В 1725 г. 18 служилых татар были отправлены для освоения новых завоеванных персидских провинций в качестве бурмистров, ларечников и целовальников. Они занимались осмотром и записью товаров, сбором пошлин с торговли (в тот период собиралась пошлина с нефтяной и соляной продажи). Первоначально сюда предполагалось набрать работников из

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф.212. Оп.11. Д.634. Л.169 об.

² РГАВМФ. Ф.212. Оп.11. Д.634. Л.170.

³ Там же. Л.166 об.–167.

⁴ Там же. Л.169.

числа казанских слободских татар, однако они обратились с челобитной об освобождении их от этой повинности. В итоге наряд отбывали уездные служилые татары, проживавшие в деревнях по Ногайской дороге [4, с.234–235; 5, с.177–198].

6. Приписанные к Адмиралтейству «иноверцы» несли повинности, связанные с обслуживанием армии. Так, 30 января 1738 г. по определению Военной коллегии в Казанскую адмиралтейскую контору был послан указ, согласно которому для препровождения купленных для армейских нужд лошадей требовалось наряжать 300 человек из «иноверцев»⁵.

7. В зиму 1737–1738 гг. состоялся разовый наряд служилых мурз и татар на заготовку корабельных лесов и для строительства судов в Таврове. Отметим, что в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в апреле-мае 1738 г. донская флотилия была пополнена 118 гребными судами, построенными зимой 1737–1738 гг. на верфях в Таврове (ныне находится в черте г. Воронеж) и Нижнем Икорце (ныне с. Нижний Икорец Лискинского р-на Воронежской обл.). Согласно указу, наряжался каждый 7-й приписанный к Адмиралтейству служилый «иноверец» Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний и Симбирского уезда. При этом две трети работников должны были составить конные, а одну треть – пешие. Известна точная численность работников, отправленных в Тавров из Казанской губернии и Симбирской провинции (конных 3394, пеших 1696, итого 5090 чел.), Нижегородской губернии (конных 628, пеших 314, итого 942 чел.). Всего из двух губерний 6032 человека⁶.

Среди вышеперечисленных новых повинностей по своим последствиям самой тяжелой оказалась отправка 5 тыс. служилых татар, мордвы и чувашей на строительные работы в новые завоеванные территории. Поэтому ниже более подробно осветим данный вопрос.

Порядок высылки на работу был следующим. Набор 2500 служилых татар от Казанской, Астраханской (Симбирский уезд) и Нижегородской губерний осуществлялся с 23711 трудоспособных мужчин (в среднем один работник с условных 9,5 чел.). Остальные 2500 работников наряжались по Воронежской губернии с 6085 годных на работу мужчин (брали одного работника с каждых условных 2,4 чел.). В последнем случае это была почти половина трудоспособных служилых татар Воронежской губернии. Такой существенный наряд по губернии обосновывался тем, что они не выполняли лашманскую работу, ввиду дальности их проживания от мест лесозаготовок [5, с.177–198].

Возраст наряжаемых работников составлял от 20 до 60 лет. Предлагалось набирать самых «подлых», которые всегда отговаривались от работы. Выбор таких людей осуществляли старосты и выборные деревень. В складных книгах составлялись именные списки наряжаемых людей, запи-

⁵ РГАВМФ. Ф.138. Оп.1. Д.57. Л.20–20 об.

⁶ Там же. Л.24–24 об.

сывались размеры собранной для работников помощи: «подможные» (кормовые) деньги и на пропитание на полтора месяца. Документы получили наименование «складные книги», поскольку отбор работников проводился исходя из численности населения в каждой деревне, однако равномерного распределения повинности по деревням (одного работника с условных 9,5 чел.) не получалось, поэтому нередко повинность падала и за того «полчеловека» из другой деревни. Например, по д. Большие Менгеры Алатской дороги Казанского уезда насчитывалось 7 трудоспособных мужчин и по д. Мурзабаш той же дороги два человека, всего 9 служилых татар, они отдали одного человека, у них в запасе оставалась лишняя отработочная повинность «с половины человека» и к ним добавили «в складку деревни Середоврашки полчеловека». В списках д. Середоврашки и еще нескольких деревень Алатской дороги с общей численностью трудоспособных 29 человек, которые отдавали трех работников, (9,5x3=28,5) также было записано, что «за роскладкою осталось полчеловека и приложены в работника и в хлеб в деревню Болших Менгер»⁷.

Размер собираемых денег с оставшегося взрослого населения был равен 27¼ коп. с человека. Из собранной суммы каждому работнику выделялся 1 руб. 35 коп. и провиант (в виде ржаной муки) 2 четверика. Это составляло около 60% от общей собранной суммы. Остальные деньги оставались на руках провожающих и должны были быть использованы по назначению по прибытии на место. Провожающими назначались несколько человек из числа выборных и сотник, которые обязывались довести отряд до Царицына (ныне г. Волгоград) и там передать военным людям. Контролировали процесс назначенные чиновники. Например, за препровождение работных людей по Завальному стану Симбирского уезда (всего 399 чел.) отвечал дворянин Н.П. Черников-Онучин. Подчиненные ему сотник и два выборных должны были собрать работников и отвести до Сызрани, а оттуда на судах доставить до Царицына, а если их там не примут, то довести до Астрахани. Все это действие происходило в мае 1724 г.⁸

Цифра в 5 тыс. отправленных работников не вызывает вопросов, однако нет единого мнения, сколько из них вернулись обратно. Определение количества выживших и вернувшихся служилых татар, отправленных на строительные работы в Баку и на Куру, является сложным, поскольку в источниках зафиксированы разные данные, противоречащие друг другу. Так, в рапорте генерал-лейтенанта М.А. Матюшкина от 13 февраля 1726 г. отмечено, что из 5 тыс. служилых татар умерли от болезней – 3792 чел., бежали – 110 чел., еще 40 чел. отправили назад в Казань из-за болезней и негодности к дальнейшей службе, двух человек отпустили обратно для других нужд. Всего оставалось 1056 человек: в Баку 366 (данные за 28 сентября 1725 г.), в Гиляне 536 (к 3 декабря 1725 г.) и в Астрахани 154

⁷ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.236–236 об., 240.

⁸ Там же. Л.73–74 об.

больных и увечных работника [3, с.187–188]. В рапорте М.А. Матюшкина нас настораживает тот факт, что общая численность работников по разным источникам за разные даты ровно 5 тыс. человек. Видимо, составитель рапорта хотел доложить о своих подопечных «так как надо», чтобы потом с него не было спроса из-за недостающих работников.

В конце 1720-х гг. в связи с необходимостью решения вопроса об освобождении служилых татар от выплаты подушных денег за погибших их товарищей Казанской лесной конторе было поручено собрать сведения о возвратившихся людях с этой 5-тысячной высылки. В результате с 1730 г. служилые татары были освобождены от выплаты подушных денег за 2209 душ, отправленных в 1724 г. для строения крепостей в Баку и на Куру и, следовательно, умерших там⁹. Как видим, сведения о количестве погибших в рапорте М.А. Матюшкина и Казанской лесной конторы существенно разнятся – практически в два раза.

Для уточнения судеб этих 5 тыс. служилых татар можно сопоставить сведения из списков наряженных людей на работы за 1724 г. с материалами 2-й ревизии о служилых татарах за 1747 г. В нашем распоряжении имеются именные списки наряженных служилых татар Галицкой, Алатской, Зюрейской, Арской и Ногайской дорог Казанского уезда в 1724 г., а также сказки 2-й ревизии, по которым выясняется их дальнейшая судьба: они в большинстве случаев либо не вернулись, либо записаны среди наличного населения, или же умерли после возвращения в период до проведения очередной ревизии. Однако отмечено довольно много случаев, когда люди из списков 1724 г. не были выявлены в материалах 2-й ревизии. В то же время в ревизских сказках есть записи о не вернувшихся из Баку служилых татарах, которые не упомянуты в документах 1724 г.

Таблица 1

Численность отправленных на строительство крепостей (по спискам 1724 г.) и не вернувшихся (по сведениям ревизии 1747 г.) служилых татар по 4-м дорогам Казанского уезда

(Составлено по: РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148)

Дороги	Отправлено (чел.) (1724 г.)	Не вернулись (чел.) (1747 г.)
Галицкая	10	0
Алатская	41	20
Зюрейская	26	7
Арская	20	6
Итого	97	33

⁹ РГАВМФ. Ф.138. Оп.1. Д.57. Л.17 об.

Итоговые данные списков наряженных на строительство крепостей служилых татар (1724 г.) и материалов 2-й ревизии по отдельным дорогам Казанского уезда могут пролить свет на определение соотношения вернувшихся и не вернувшихся с наряда (см. табл. 1). Мы взяли данные 4-х дорог Казанского уезда: Галицкой, Алатской, Зюрейской и Арской. Сведения по Ногайской дороге за 1724 год неполные, поэтому их в расчет не брали (наряженных по этому списку всего 74 человека, а по ревизским сказкам численность только не вернувшихся служилых татар 365 человек). Так, по Галицкой дороге было наряжено 10 человек, по ревизским сказкам не обнаружено никого, кто оттуда не вернулся, но о двоих нет сведений в сказках 2-й ревизии, возможно, они не вернулись. По Алатской дороге был выслан 41 человек, не вернулись 20; соответственно, по Зюрейской дороге 26 наряженных, из них 7 не вернулись; по Арской дороге 20 человек, из них не вернулись 6. Таким образом, только по указанным 4-м дорогам в процентном соотношении численность не возвратившихся составила 34% к изначальному числу высланных людей. Предположительно, некоторая часть наряженных людей, сведения о которых в документах 2-й ревизии не обнаружены, также умерли во время исполнения наряда, соответственно, доля невозвратных потерь должна быть больше 34%.

Основываясь на вышеприведенных данных, мы склоняемся к выводу, что предоставленные Казанской лесной конторой сведения более достоверны (2209 человек невозвратных потерь), чем те, которые фигурируют в рапорте М.А. Матюшкина (почти 4 тыс. умерших и, возможно, умерших в ближайшие дни и месяцы после подсчета).

В указе об отправке 5 тыс. служилых татар, мордвы и чувашей на строительные работы в Баку и на Куру ничего не говорилось о сроках их пребывания на новых местах, т.е. предполагалось, что работники высланы бессрочно. И лишь в императорском указе из Правительствующего Сената в Адмиралтейскую коллегия от 31 июля 1730 г. есть сведения о возврате оставшихся работников домой: «с умерших посланных для строения крепостей в Баку и на Куру служилых татар, мордвы подушных денег до указу и не взыскивать, а которые затем остались и обретаются в Баке и на Куре, ежели в них тамо крайней нужды не находитца, всех отпустить в дома по прежнему и сколько которой губернии и городов тех татар и мордвы и чуваш померло и в дома отпущено будет, о том прислать в Сенат ведомость немедленно»¹⁰.

Интересно проследить, как были сформулированы причины выбытия служилых татар и чувашей на работу в Баку в сказках 2-й ревизии (см. табл. 2). В большинстве случаев писалось: «посланы в Баку и на Куру», «посланы в Низовый корпус». Но есть несколько других специфических записей, которые относятся к данному наряду:

¹⁰ РГАВМФ. Ф.138. Оп.1. Д.57. Л.16.

1. Отмечено 4 случая взятия служилых татар и чувашей в Низовый корпус в «лопатники» (землекопы; от слова лопата, т.е. должны были заниматься землеройными работами).

2. В 1724 г. 35 человек из семи деревень отмечены посланными на Сулак, т.е. на строительство крепости Святого Креста.

В ревизских сказках 1747 г. зафиксированы и другие, отличающиеся от вышеприведенных, единичные случаи выполнения повинностей служилыми татарами:

1. Два служилых татарина были отправлены в г. Изюм (в 1738 и 1739 гг. из деревень Старые Салманы и Новые Салманы Ногайской дороги Казанского уезда), еще один служилый татарин послан в Азов (в 1740 г. из д. Селенгуши Ногайской дороги Казанского уезда)¹¹.

2. В 1728 г. трое человек были посланы на лашманскую работу из д. Большие Тиганы и после не возвратились¹². Вероятно, они погибли на работе, поэтому в документах их могли зафиксировать подобным образом.

3. Несколько случаев отправки в Астрахань учтено в д. Шатки (2 человека в 1721 г.), д. Большие Тиганы (3 человека), д. Алпарово (2 человека в 1726 г.), д. Шыгырдан (1 человек в 1728 г.), которые, скорее всего, были связаны с императорскими указами от 14 декабря 1726 г. и 20 сентября 1727 г., определявшими, что «для строения в Астрахани Адмиралтейства и магазина и на Седлистом острове гавани и прочих адмиралтейских работ, отправлять в Астрахань из определенных к работе корабельных лесов служилых «иноверцев» по 300 человек и быть у той работы переменяясь по году». В 1727 г., согласно этим указам, в Астрахань было отправлено 300 служилых «иноверцев» (с 89 человек одного), в 1728 г. – такое же число работников на подмену первым. Помимо указанных двух фактов, таких нарядов служилых татар в Астрахань больше не было [5, с.174–175, 177–198].

4. Два случая отправки в Воронежскую губернию на работу зафиксировано в ревизских сказках д. Старая Мурса (в 1735 г.) и д. Верхние Курналы Ногайской дороги (в 1737 г.).

5. В той же д. Верхние Курналы 3 человека были посланы на корабельную работу в 1731 и 1734 гг.

6. Служилый татарин д. Челны Ногайской дороги Кадырметь Досаев в 1729 г. в возрасте 27 лет был послан на Илецкую пристань (на территории совр. с. Явлеи Алатырского р-на Чувашии)¹³.

7. Служилый татарин той же д. Челны Сякей Уреев в 1726 г. в возрасте 49 лет был послан переводчиком в Низовый корпус в Решт (Решт – город в Иране, центр провинции Гилян)¹⁴.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.90 об., 93 об., 193 об.

¹² Там же. Л.110 об.

¹³ Там же. Л.153 об.

8. Служилый татарин д. Верхние Чепкасы Ногайской дороги Мавлют Сулейманов в 1738 г. в возрасте 26 лет был послан в копейщики (копейщик – вооруженный копьем воин в пехоте или коннице)¹⁵.

Как просматривается из данных сказок 2-й ревизии, годом высылки на строительные работы чаще всего указан 1722 или 1723 г., однако нам известно, что отправка работников состоялась только в 1724 г. К сожалению, документы 2-й ревизии изобилуют такими неточными данными. В ряде случаев возраст наряженного работника слишком мал. Например, посланному в Низовый корпус д. Кутернес Арыслану Салманову, согласно ревизии, было 9 лет¹⁶. При выявлении в ревизских сказках людей, отправленных на строительные работы в Низовый корпус, также обратили внимание на искажения некоторых имен и фамилий, что в ряде случаев не позволило однозначно идентифицировать их в разных документах. Нередко имея различное написание имен и фамилий, нам все же удалось в некоторых случаях выявить в сказках 2-й ревизии людей, отмеченных в списках для отправки на строительство крепостей. Так, Давытка Бегашев из д. Канбулатово (по списку 1724 г.) в сказках 2-й ревизии значится как посланный в Низовый корпус в 1722 г. и неявившийся Даветка Бакмамметев из д. Янбулатово. В сказках наличного населения его сын записан следующим образом: «посланного в Низовый корпус написанного в прежнюю перепись татарина Девятки Бакмамметева после переписи рожденный сын Кадырмет, 24 лет»¹⁷.

Представляет исследовательский интерес выявленные сведения о биографии некоторых наряженных на работы служилых татар:

1. В списке высланных на работу людей из д. Струек (Труек) Алатской дороги Казанского уезда указан Саиткулка Кутлин¹⁸. Он в числе остальных значится перешедшим в 1722 г. в д. Серда (Малая Серда)¹⁹, он же отмечен в числе наличных 2-й ревизии д. Малая Серда²⁰. Его отец Кутлучка Тюткин значится в сказках 2-й ревизии в д. Малая Серда (после переселения из д. Труек, которая перестала существовать) как посланный в Баку в 1723 г.²¹

2. Значащийся в складной книге 1724 г. Мусайка Сапаркин из д. Мамся Алатской дороги Казанского уезда в числе остальных записан

¹⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.153 об.

¹⁵ Там же. Л.260 об.

¹⁶ Там же. Л.55 об.–56.

¹⁷ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.251–251 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.195 об.; Д.1157. Л.70–70 об.

¹⁸ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.233 об.

¹⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.35.

²⁰ Там же. Д.1148. Л.104.

²¹ Там же. Д.1157. Л.39 об.

перешедшим в 1722 г. в д. Кубян²², он же значится в числе наличных 2-й ревизии д. Кубян²³.

3. По д. Кошары Алатской дороги Казанского уезда было заявлено два человека для отправки на работу в Баку: Маметкул Сабаев и Уразмет Уразаев²⁴. Дальнейшая их судьба сложилась следующим образом: Маметкул Сабаев (Субаев сын князь Яушев) впоследствии продолжил проживать в этой деревне и умер в 1757 г.²⁵ Уразмет Уразаев (в ревизиях Уразмет Уразлин) являлся дворовым человеком все того же Маметкула мурзы Субаева князя Яушева, согласно данным 2-й ревизии, умер в 1729 г.²⁶

4. В складной книге 1724 г. из д. Мокша Алатской дороги Казанского уезда значится один работник – Московка Кодряков, но он был родом из д. Шатки Тулуш тож Ногайской дороги²⁷. Он же значится в сказках наличного населения 2-й ревизии д. Шатки Тулуш тож²⁸.

Интересно наблюдение, что среди выбывших по 2-й ревизии казанских слободских служилых татар не отмечено ни одного случая выбытия по причине наряда в Баку. Вероятно, служилых татар Татарской слободы Казани по каким-то причинам не нарядили на эти работы.

Отметим, что среди лашманов широко была распространена практика отправки на работу вместо себя наемных людей. Эта практика в основном применялась при заготовке лесов. В списках работников, высланных в Баку, нередко можно обнаружить наемных людей. По деревням Алатской дороги отмечено 4 случая, когда служилые татары нанимали ясачных татар. Так, служилые татары деревень Сердоврашка, Узбяково, Нуртяк, Чиршы наняли двух ясачных крестьян д. Атня и д. Кубян²⁹, служилые татары д. Служилая Ура также наняли ясачных татар д. Везеи и д. Сулабаш³⁰. Интересно отметить, что все вышеуказанные наемные ясачные люди в сказках 2-й ревизии не были выявлены – их след теряется. Стоимость найма одного работника в среднем обходилась в 7–8 рублей (это помимо «подможных» денег и провизии, которые входили в общие расходы)³¹. Как правило, в качестве наемных работников выступали люди из ясачного сословия.

Таким образом, участие служилых татар в военном строительстве 1720–1730-х гг. становилось практически регулярным, в то же время рабо-

²² РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.234 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.30–30 об.

²³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.78 об.

²⁴ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.241.

²⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.66 об.; Д.1176. Л.44 об.

²⁶ Там же. Д.1157. Л.28.

²⁷ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.242 об.

²⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.237 об.

²⁹ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.236 об.

³⁰ Там же. Л.239 об.

³¹ Там же. Л.138.

чие профессии были разные: заготовщики корабельных лесов, плотники и пильщики на верфи, «лопатники» (землекопы); бурмистры, счетчики и целовальники на хозяйственных делах; погонщики скота для нужд армии, переводчики и др. Сопоставление сведений из именных списков высылаемых для строительства крепостей служилых татар по Галицкой, Алатской, Арской и Зюрейской дорогам Казанского уезда за 1724 г. с материалами 2-й ревизии показывает, что значительная их часть вернулась домой.

Таблица 2

Сравнительная таблица данных из именных списков наряженных на строительство крепостей служилых татар по Галицкой, Алатской, Арской и Зюрейской дорогам Казанского уезда (1724 г.) с материалами 2-й ревизии (1747 г.)

(Составлено по: РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.218–258; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148, 1155, 1157, 1176)

Имена наряженных на работу людей (1724 г.)	Из каких деревень наряжались	По 2-й ревизии значатся (1747 г.)				Источники
		высланы	умерли по возвращении, год смерти	наличные	сведений не обнаружено	
Амяшка Москов	Галицкая дорога д.Мендели			+		РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.218; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.135 об.–142 об.; Д.1157. Л.50 об.
Акмайка Бекбулатов			+ год смерти не указан			
Минка Бикметев				+		
Юнуска Килкин				+		
Чюрикейка Акметов	д.Малый Кульбаш		+ в 1722 г.			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.220; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.48.
Куляшка Ижбулатов	д.Ковали, Чуваш, Яки, Малые Кургузи, Уразлино				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.220–220 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.124 об., 130.
Сабашка Кусюков					+	
Бекейка Тебеков (в РС ³² – Бакмаметка Табоков из д.Малые Кургузи)				+		
Асянка Бикметев (из д.Чуваш)				+		
Ермачка Курманаев	д.Малый Сентяк		+ в 1729 г.			РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.48 об.
Юртук Калеев	Алатская дорога д.Уразлино				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.223; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.33 об.
Субханкулка Кулаев (в РС – Суханачка Кутлин)		+				

³² РС – ревизская сказка.

Неяска Илмурзин					+	
Уразмет Мрялин					+	
Давыдка Уразбахтин	д.Каинсар ³³	+				РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.224; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.82; Д.1157. Л.31 об.
Асапар Асанов (в РС – Саперка Асанов)					+	
Тмерянка Килмаметев	д.Шухата ³⁴				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.225.
Амин Абдреманов	д.Средние Алаты				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.226; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.94 об.
Ишмурза Урмяков	д.Алдермыш	+				РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.227; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.46.
Утяганка Иштерьяков		+				
Кутла Маметчетьев		+				
Ураска Ибрашев		+				
Сулейманка Китаев		+				
Сеитка Минкин	д.Дубьяз	+				РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.228; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.41.
Асянка Хозяшев (из д.Айшияз)	д.Айшияз, Сулабаш				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.229; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.79 об.
Хатемейка Полатов					+	
Ишмаметка Бахтин	д.Ибра, Абли, Куюк, Кубян				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.230; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.32 об.
Иманка Шигаев (из д.Большой Куюк)		+				
Сибайка Сарышев	д.Сая, Епанчино ³⁵				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.231.
Аит Иштерьяков					+	
Асаналейка Килмаметев	д.Кумургузья	+				РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.232; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.37.
Ибрашка Тохтанаев	д.Айша				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.232 об.
Сайткулка Кутлин (в РС – Сеиткупка Кут-	д.Струек, Битаман ³⁶				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.233 об.; РГА-

³³ Кроме того, в ревизских сказках д. Каинсар указан посланным в Баку и на Куру Сабулатка Уразлайкин, 35 лет, выбыл в 1723 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.31 об.).

³⁴ В ревизских сказках д. Шухата посланным в Баку и на Куру значится Смоляска Кульметев, 60 лет, выбыл в 1723 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.36).

³⁵ В ревизских сказках д. Епанчино посланным в Баку значится Аитка Наврускин, 33 лет, выбыл в 1723 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.38 об.).

³⁶ В ревизских сказках д. Малая Серда посланным в Баку значится Кутлучка Тюткин, 60 лет, выбыл в 1723 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.39 об.). Он – отец Сеиткупки Кутлучкина из д. Труек – в 1722 г. переехали из д. Труек в д. Малая Серда.

лучкин из д.Труек)					ДА. Ф.350. Оп.2.
Кармышка Уразаев (из д.Битаган)			+		Д.1148. Л.93, 104; Д.1157. Л.35.
Ярмяк Илмяков (в РС – Илмячка Илмя- ков из д.Куюк)	д.Куюк, Мам- ся	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.234 об.; РГА- ДА. Ф.350. Оп.2.
Муса Сапаров (в РС – Мусайка Сапаркин из д.Мамся)				+	Д.1148. Л.78 об.; Д.1157. Л.30–30 об., 32.
Алмакейка Килма- метев	д.Трукляр			+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.235 об.
Килмамет Юнусов (в РС – Килмаметка Юнускин из д.Чирша)	д.Сердоврашк а, Узбяково, Нуртяк, Чир- ша			+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.236 об.; РГА- ДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.108 об.
Московка Тятин (наемный работник – ясачный из д.Атня)				+	
Ермак Микметев (наемный работник – ясачный из д.Кубян)				+	
Асан Бегашев	д.Старый	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1.
Ирка Абкин	Менгер	+			Д.19. Л.237 об.; РГА- ДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.16 об.
Тоишка Юнусов (из д.Кшкар)	д.Кшкар, Иры	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.238 об.; РГА- ДА. Ф.350. Оп.2.
Ибрайка Мурзашев (из д.Кшкар)		+			Д.1157. Л.19.
Сюналейка Сюнале- ев (в РС – Сюналей Чингилдеев)	д.Служилая Ура	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.239 об.; РГА- ДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.14.
Чюрметь Кадлеев (наемный работник – ясачный из д.Верези)				+	
Ишпулат Иштерьяков (наемный работник – ясачный из д.Сулубаш)				+	
Асан Сабаев	д.Большие Менгеры, Мурзабаш			+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.240.
Маметкул Сабаев (в РС – Маметкул Суб- аев сын князь Яушев)	Кошар			+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.241; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148.
Уразмет Уразев (в РС – Уразмет Уразлин)			+	в 1729 г.	Л.66 об.; Д.1157. Л.28; Д.1176. Л.44 об.
Московка Кодряков (наемный работник из д.Шатки Тулуш тож Ногайской до- роги)	д.Мокша			+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.242 об.; РГА- ДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.237 об.

Тиккя Салтанаев	Арская дорога д.Куркачи, Карадуван, Верхние Кебеккози				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.244–244 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.166, 168; Д.1157. Л.51 об.	
Московка Ишмяков (из д.Куркачи)		+					
Иснейка Кадыров (в РС – Исекей Кадыров из д.Карадуван)					+		
Мансурка Юнусов (из д.Верхние Кебеккози)					+		
Сейтка Сулейманов (из д.Нижняя Айша)	д.Нижняя Айша, Муй, Урсяк				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.245–245 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.150 об., 157 об.; Д.1157. Л.55, 57.	
Токтамышка Колник кин (в РС – Токтамышка Кулбаев из д.Нижняя Айша)			+ в 1732 г.				
Мусалим Рысин (в РС – Мусалим Бакайкин из д.Муй)		+					
Юртучка Кулмаметев (из д.Урсяк)					+		
Айтуган Нагаев	д.Каратай, Красный Яр, Кутернес, Темерча, Айша ³⁷				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.246–246 об.	
Маметка Суюшев					+		
Тохтагулка Утяганов					+		
Азмянка Москововов					+		
Османка Сафаралеев (из д.Калфины)	д.Калпины, Метески, Малые Кебеккози, Красная ³⁸		+ в 1738 г.			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.247–248; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.161 об., 167; Д.1157, Л.58–58 об.	
Кутлушка Рысаев (в РС – Котлочка Рысаев из д.Калфины)					+		
Бакейка Уразаев (из д.Малые Кебеккози)					+		
Ямка Уразаев					+		
Мамедлей мурза Абдреманов (в РС – Марадалей князь Янбулатов из д.Малые Кебеккози)		+					
Илмякейка Тоймяков (из д.Малые Кебеккози)		+					

³⁷ Сведений об указанных людях в ревизских сказках этих деревень не обнаружено, но есть сведения о посланных в Низовый корпус других людях: д. Кутернес Тойка Илмурзин, 60 лет, выбыл в 1722 г., той же деревни Арыслан Салманов, 9 лет, выбыл в 1722 г., д. Каратай Илмаметка Утаков, 43 лет, выбыл в 1725 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.55 об.–56, 62 об.).

³⁸ Кроме того, в ревизских сказках д. Калфины указан посланным в Низовый корпус Абдол Усманов, 15 лет, выбыл в 1722 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.60 об.).

Сеит мурза Абдреманов (в РС – Сеитка Маметкулов из д.Малые Кебеккози)		+				
Асян мурза Аитов (из д.Малые Кебеккози))		+				
Кулмаметка Мамяков (наемный работник – ясачный из д.Пимер)	Зюрейская дорога д.Тавели-Хозяшево, Атня		+ в 1729 г.		РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.249–249 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1155. Л.526.	
Яковка Беременеев (наемный работник – ясачный из д.Пимер)						+
Сафер Арасланов (в РС – Сапар мурза Арасланов из д.Кадряково)	д.Челны Кадряково тож, Артык		+ в 1730 г.		РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.250–250 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.63.	
Давытка Бегашев (в РС – Даветка (Девятка) Бакмамтев)	д.Канбулатово (Янбулатово)	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.251–251 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.195 об.; Д.1157, Л.70–70 об.	
Мулласалимка Уразметев (в РС – Мулла Уразмамтев)			+ в 1723 г.			
Мустапайка Аметчин						+
Абдулка Акаев (в РС – Адылко Акаев из д.Алан)	д.Алан, Верхний Берсут, Тохтамышево ³⁹	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.252–252 об.; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.68 об.	
Мамеделейка Аитов (в РС – Мамеделейка Кадырметев из д.Алан)		+				
Аитка Кобяков (из д.Азмяк)	д.Азмяк, Арнящ, Пелево	+			РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.252 об.–253; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.174 об.; Д.1157. Л.65 об.	
Куллубулатка Аитов (из д.Азмяк)			+ в 1723 г.			
Ибрайка Уразаев (из д.Азмяк)						+
Уразгилда Кобяков (в РС – Уразлычко Кобяков из д.Азмяк)			+ в 1723 г.			
Ермак Килмяков (из д.Малые Зюри)	д.Ошма, Малые Зюри, Сингили, Адам		+ в 1734 г.		РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.253 об.–254; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.67.	
Темергозячка Урмаев						+
Тогашка Тютюков	д.Чалны				РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.254 об.–255	
Сабайка Кулдуганов						+

³⁹ Кроме того, в ревизских сказках д. Алан указан посланным в Низовый корпус Давыдко Аитов, 16 лет, выбыл в 1722 г. (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.68 об.).

Курманайка Бигилдин (из д.Уразово)	д.Уразово, Искубаш	+				РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.255 об.–256;	
Мишалимка Сюнчалеев					+	РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.73.	
Иштерьяка Чораев						+	
Аитка Баймаев	д.Ерыклы				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.256 об.–257;	
Исенейка Резепов					+	РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1157. Л.76.	
Байбулатка Ишметев		+					
Ишменей Бимашев		+					
Утяганка Ишалеев	д.Дюм-Дюм, Паратей				+	РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.19. Л.257 об.–258.	
Сафарка Иштерьяков					+		

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСЗ РИ-1. Т.VI. №3884.
2. ПСЗ РИ-1. Т.X. №7378.
3. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сборник РИО). Т.55. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. 503 с.
4. Сборник РИО. Т.84. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. 745 с.
5. Сборник РИО. Т.94. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. 872 с.

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Поступила 27.11.2023

Принята к публикации 15.01.2024

Service Tatars in the construction of military fortifications on the southern borders of Russia (1720–1730s)

I.Z. Faizrakhmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of individual issues of the participation of serving Tatars in military events of the 1720–1730s. The author drew attention to the duties of the service "heterodox", mainly related to military specifics: harvesting ship scaffolding, working as carpenters and sawmills at the shipyard, performing the duties of accountants, translators, etc. The article examines in detail the organization of the deportation in 1724 of 5 thousand service Tatars, Mordovians and Chuvashs for the construction of fortresses in Baku, the Kura River and the fortress of the Holy Cross. Comparing

information from the personal lists of service Tatars sent for the construction of fortresses along 4 roads of the Kazan district with the materials of the 2nd revision, the author tried to find out the further fate of the participants, establish the approximate number of irretrievable losses and those who returned, and came to the conclusion that a significant part of the service Tatars returned home.

Keywords: service Tatars, duties, work orders, deportations to work, construction of fortresses, Kazan district, revision tales

For citation: Faizrahmanov I.Z. Service Tatars in the construction of military fortifications on the southern borders of Russia (1720–1730s). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.36–51. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.36-51> (In Russian)

REFERENCES

1. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZRI-1)*. Vol.6, no.3884. Name decree "On the collection of recruits from the Mordovians, Cheremis and Tatars" dated January 19, 1722. (In Russian)
2. *PSZRI-1*. Vol.10. No. 7378. Name decree "On the recruitment of recruits, one person from ninety-eight souls" dated September 19, 1737. (In Russian)
3. *Collection of the Imperial Russian Historical Society (Collection of RHS)*. Vol.55. Saint Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1886. 503 p. (In Russian)
4. *Collection of RHS*. Vol.84. Saint Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1893. 745 p. (In Russian)
5. *Collection of RHS*. Vol.94. Saint Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1894. 872 p. (In Russian)

About the author:

Faizrahmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Received November 27, 2023 Accepted for publication January 15, 2024

УДК 94(574)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.52-70

Татары-казаки Уральского казачьего войска на службе Российской империи

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В данной статье рассматривается функционирование татарской (тюркско-мусульманской) диаспоры в Уральском (Яицком) казачьем войске: ее история, численность, места компактного проживания ее представителей, их военная и гражданская служба, некоторые элементы их социального быта и отношений с представителями других этносов и конфессий и, в целом, их роль и место в Уральском казачьем войске.

Ключевые слова: Уральское (Яицкое) казачье войско, татары, мусульмане, турки, среднеазиатские военные кампании, подавление волнений в Казахской степи

Для цитирования: Дубовиков А.М. Татары-казаки Уральского казачьего войска на службе Российской империи // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.52–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.52-70>

Кого казаки называли татарами?

Под «татарами» в Уральском (Яицком) казачьем войске было принято называть всех мусульман, отчего в данную категорию попадали и местные ногайцы, являвшиеся коренным населением региона, и представители тюркских народов Поволжья и Приуралья, и переселенцы из Средней Азии и Северного Кавказа. Казахов татарами не называли, отдавая предпочтение официально принятому этнониму «киргизы», но если их представители попадали в ряды казачества (что случалось очень редко), то их также начинали называть татарами. Они сразу же становились членами исламской общины Уральского войска, и тогда уже их и их потомков ждала ассимиляция со стороны других мусульман, но, как правило, уже не казахов.

Конечно, если только они оставались мусульманами, но такое было не всегда. Если же казахи, принятые в казачью общину, меняли веру, переходя в христианство (как правило – в единоверие), они, наряду с верой, меняли и имена, а зачастую приобретали также новые фамилии и даже отчества. Такие изменения могли происходить не только после, но и до принятия в ряды казачества. Так, в ноябре 1887 г. Съезд выборных от станичных обществ принял решение о приеме в казаки «выкрестов из кирги-

зов» Василия Фадеева сына Жиберикова и Павла Кондратьева сына Чеснокова «с занесением в наличный комплект полевых казаков» [13, 1888. №1]. Тем самым Съезд удовлетворил ходатайства их станичных обществ. Конечно, поначалу для остальных казаков эти люди были «киргизами», но в дальнейшем этнические границы стирались, дети и внуки таких «выкрестов» были уже обычными казаками, такими же, как и все остальные. Естественно, они становились «русскими» и теряли со временем свою «татарскую» идентичность. Спустя двенадцать лет упомянутый Павел Чесноков, по выслуге лет, был выведен из полевого разряда казаков Сахарновской станицы. По этому поводу местная газета отмечала, что данный казак, «по летам отроду, которых в настоящее время 41, перечисляется в отставку с 17 октября 1899 года» [13, 1900. №6].

Надо отметить, что в Уральском войске между казаками никогда не возникало конфликтов на этнической или религиозной почве. Между представителями разных этносов поддерживались если не дружеские, то, как минимум, уважительные отношения. В отличие от других казачьих войск России, Уральское войско являлось единой (и самой большой в России) общиной. Все свои вопросы эта община решала, если не напрямую, то через своих выборных представителей. Принадлежность к ней, вкуче с совместным прохождением воинской службы (никаких этнических формирований в Уральском войске предусмотрено не было), сплачивала казаков разных вер и национальностей. Казаки-мусульмане не считали зазорным участвовать в военных кампаниях против «басурманов», будь то войны с турками, присоединение Средней Азии или подавление волнений в Казахской степи.

Компактное проживание казаков-татар.

В Уральском казачьем войске имелись, хотя и в небольшом количестве, поселки и станицы как с татарским, так и со смешанным русско-татарским населением. Татарские селения располагались, в основном, в северной и северо-восточной части Уральского войска, где они граничили с юго-западными землями Оренбургского казачьего войска. Косвенными свидетельствами, позволяющими судить об этническом составе населенных пунктов и регионов, могут служить не только результаты различных переписей и ревизий, но и другие документы. Например, документы, фиксирующие представителей тех или иных поселков, выходящих на действительную службу. Или же на «льготу». Так, 12 ноября 1893 г., согласно приказу наказного атамана генерал-майора К.К. Максимовича, в разряд внутренне-служащих из полевого разряда переводились пять казаков и столько же казаков Мухорского поселка. Их имена – Гафьятулла Гайнутваров, Шайхутдин Назметдинов, Шайхутдин Шаяров, Шайхаттар и Сахатутдин Шагизьяновы, Рахматулла Аиткуллов, Абдулвагап Балыков, Мустай Искендеров, Давлет-Галий Нигаев и Гусман Сюндюков. В подобном списке по Мустаевской станице также все были татарами. Список по Мухра-

новскому поселку несколько отличался; в нем были указаны 7 татарских и 11 русских имен. Похожей была картина и в Кушумском поселке – 5 татар и 6 русских¹.

Доля татар среди казаков Уральского войска.

Кроме татар в Яицком (а затем – Уральском) войске еще с первой половины XVIII в. присутствовали калмыки. Однако, в отличие от татар, доля калмыков в составе войска периодически изменялась. Это было связано не столько с русификацией, сколько с их попыткой возвращения на историческую родину в начале 1770-х гг. после несогласия с политикой Екатерины II. Тогда калмыки-казаки проявили солидарность со своими соплеменниками, направившимися в «Зюнгорию». В отличие от калмыков, доля казаков-татар была относительно стабильна и составляла примерно 5–6 процентов казачьего населения, и это было намного больше, чем доля калмыков.

В 1769 г. в столице войска, Яицком городке, побывал П.С. Паллас. Он отметил, что среди населения городка, кроме русских, также немало «некрещеных татар» и «кизельбашей» [5, с.412]. Вскоре в Яицком войске была проведена перепись, показавшая, что при Яицком городке состояли казаки, расписанные по 32 сотням. Состав одной из этих сотен, которую возглавлял Сапар Ахметев, был исключительно татарским. Последняя (32-я) сотня Василия Пузаткина насчитывала только 8 десятков и имела смешанный русско-татарский состав².

Еще часть яицких казаков была расписана по линейным укреплениям (форпостам и крепостям), в гарнизонах которых они несли службу. Доля татар в них была выше, чем в «столичном» гарнизоне. В Коловертном форпосте из 35 «душ мужского пола казачьего сословия» было 12 татар. В Индерской крепости были аналогичные показатели – 130 и 24³.

Но и это еще не все. Кроме Яицкого городка и линейных укреплений, в Яицком войске тогда еще имелись два крупных селения, называвшихся «станицами» – Илецкая (на берегу Илека) и Сакмарская (на берегу Сакмары). В Илецкой станице проживали 898 «душ мужского пола казачьего сословия», среди которых было 85 татар. В другой станице из 617 казаков и казачат татарами были 52⁴. Таким образом, татарское население (мужское) в процентном отношении в этих двух станицах составляло соответственно 9,5% и 8,4%. Это не так много, но несколько выше, чем в среднем по войску.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.213–222.

² Там же. Л.46–57, 514–525.

³ Там же. Л.547–583.

⁴ Там же. Л.658–675.

Спустя примерно столетие картина несколько изменилась. Это было связано с тем, что приведенная выше перепись практически совпала с уходом значительной части калмыков и с выводом (с 1869 г.) из состава Уральского войска Сакмарской станицы, которая полностью передавалась в ведение Оренбургского казачьего войска. Кроме того, в составе Уральского войска с 1832 по 1865 годы находился Башкирский отдел. В 1862 г., когда в Уральском войске была проведена очередная перепись, в нем все еще присутствовали и Башкирский отдел, и Сакмарская станица. Согласно той переписи, в Уральском войске проживали 81998 казаков «обоего пола» и всех возрастов. Понятно, что подавляющее большинство составляли русские – 70331 человек. Второе место по численности пока еще занимали башкиры – 6095 человек. На третьем месте были татары – 4168 «душ». Далее шли калмыки (1184) и «прочие» [11, с.330–331]. Подавляющее большинство этих «прочих» были выходцами из Средней Азии – те, кого в Уральском войске называли «бухарцами», «кизельбашами», «трухменами», но больше всего было каракалпаков. Это были, в основном, те, чьи предки бежали от нашествия персидского правителя Надир-шаха в период его Бухарского и Хивинского походов 1737–1740 гг.

Если учесть, что башкиры, в отличие от татар и калмыков, так и не ставшие полноправными казаками, вскоре были выведены из состава Уральского войска, то без учета их татары вновь возвратятся на второе, а калмыки – на третье место. В итоге доля русских вырастет с 86 до 92,5 процентов, доля татар – с 5 до 5,5 процентов, доля калмыков – с 1,4 до 1,5 процентов. Доля «прочих», как и прежде, будет колебаться в районе 0,5%.

Спустя полтора десятилетия ситуация не изменилась. Перепись 1876 г. показала, что татары и калмыки, как и прежде, составляли 5,5% и 1,5% соответственно. А доля русских, несмотря на потерю Сакмарской станицы, выросла на полпроцента, достигнув 93%. С одной стороны, доля русских в той станице была не выше, а даже ниже средней по Уральскому войску. С другой стороны, небольшой рост произошел за счет тех же самых «прочих», которые, по выражению Н.А. Бородина, «обрусели окончательно». Очевидно, по той же причине эти прочие так и не попадали в категорию «татар».

Спустя еще десятилетие вновь наблюдалось некоторое увеличение доли русских при серьезном сокращении доли калмыков, которые, по всей видимости, постепенно шли по пути «прочих». В 1885 г. русских было 93 658 «душ» (93,7%), калмыков – 934 (0,9%), татар – 5378 (5,4%) [1, с.138–139].

В 1897 г. была проведена Первая Всероссийская перепись населения, 88-й том которой с итоговыми данными переписи был посвящен Уральской области. На тот момент в Уральском войске оказалось 106688 русских казаков и казачек (93,5%), численность татар достигла 6304 (5,5%), калмыков – 963 (0,8%). Сокращение доли русских на 0,2% можно объяснить тем, что кроме трех прежних национальностей в рядах казачества

появились представители еще семи, в общей сложности, составлявшие как раз те самые 0,2% [9, с.115–116]. В основном это были казахи («киргизы»). По всей вероятности, они стали казаками не так давно, и еще не успели попасть ни в категорию «татар», ни в категорию «русских». Представителей прочих национальностей были единицы.

Татары в составе войскового чиновничества и войсковой интеллигенции.

В 1772 г., как следует из тогдашней переписи Яицкого войска, при войсковой администрации состоял только один татарин – Мавлекей Ицмагулов (очевидно, местный ногаец).

Согласно той же переписи, ни в станицах, ни в линейных укреплениях Яицкого войска татары не занимали командных должностей. Лишь в Гурьеве и Сахарной крепости они занимали должности толмачей, т.е. переводчиков (Мухамед Мульмин и Джуман Щербюкеев). Но даже не все толмачи были представителями тюркских народов. Так, в крепостях Тополиной и Сарайчиковской эти должности занимали русские (возможно, крещенные татары). В остальных крепостях и форпостах толмачей не было⁵.

В 1813 г., согласно войсковым послужным формулярам, в числе полковников и подполковников мусульман не было. Обладателями этих чинов были семеро уральских казаков. Столько же казаков имели чин войскового старшины (соответствовавший майору). Среди них был один татарин – Узбек Тюняев. Среди казачьего офицерства были и обладатели армейских чинов. Обычно это были казаки-гвардейцы, служащие или ранее служившие в гвардейских казачьих подразделениях столицы. Как правило, все они были обладателями дворянства, личного или даже потомственного. Но татар среди них не было; все майоры и поручики были русские. Не было татар и среди есаулов. Среди 104 самых младших казачьих офицерских чинов (сотников и хорунжих) татар было трое – Шамай Тангаев, Абыш Ураев и Искендер Тангатаров. Среди урядников их было четверо из 128: Ахмет Хаметьев, Искендер Чубеков, Утяп Юсупов и Апкеш Утяпов⁶.

До 1870-х гг. обучаться в военных учебных заведениях могли лишь те, кто мог предъявить документ о принадлежности к дворянскому сословию. Таковые имелись даже среди мусульман, хотя и в небольшом количестве. Так, среди четырех уральских казаков, окончивших Оренбургский (Неплюевский) кадетский корпус в 1867 г. и получивших чин хорунжего, был Ахмедфазыл Акиров [13, 1867. №38].

Обучение в Уральской войсковой мужской гимназии было платным (позже эта гимназия была реорганизована в реальное училище с сельскохозяйственным уклоном). По этой причине обучались там дети не только казаков, но и всех, кто мог оплатить учебу – купцов и чиновников, не вхо-

⁵ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.616, 635, 642, 575.

⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3092. Л.5, 57, 61, 73, 76, 81, 89.

дящих в казачью общину. Впрочем, и у большинства казаков не было возможности (а зачастую и желания) отправлять туда своих детей и платить за их обучение. Но если у кого-либо из числа заслуженных казаков (прежде всего – офицеров) были затруднения в материальном плане, то войско готово было оплачивать учебу их детей. Для этого в разные годы существовали различные стипендии, среди которых были как войсковые, так и частные, учреждаемые местными меценатами и спонсорами. Так, на стипендию имени оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в гимназии обучался Давлетгерей Чулаков, сын казачьего сотника Чулака Айбасова [13, 1876. №51] (до конца XIX в. мусульман обычно не было фамилий, роль которых играли отчества).

Во второй половине XIX в. в различных документах регулярно фигурировали такие фамилии, как Искаковы и Нуралины. Фамилию «Искаков» сегодня можно встретить у казахов. По фамилии «Нуралин» нетрудно догадаться, что ее носители были потомками хана Нурали, правителя Младшего казахского жуза. Но называть обладателей данной фамилии казахами (в то время – киргизами) не совсем правильно. В представлении потомков Чингисхана, к коим принадлежал Нурали, «киргизы» (казахи) – это простолюдины, тогда как чингизиды – люди с набором различных восточных кровей в результате многовековых династических браков между представителями знати разных восточных (в основном – среднеазиатских) стран.

В конце 1882 г. в «Уральских войсковых ведомостях» был размещен приказ №548 наказного атамана князя Г.С. Голицына о переводе сотника Искакова на новую должность: «И.д. переводчика татарского языка при Уральском областном штабе сотник Мурза-Ахмет Искаков назначается мною, с 1-го предстоящего декабря в состав Уральского казачьего полка №3» [13, 1882. №48].

Спустя девять лет из той же газеты можно узнать, что к тому времени Искаков по-прежнему оставался в чине сотника и был сотенным командиром одного из льготных полков. Еще одним льготным сотенным командиром был есаул Нуралин. И это были все офицеры-мусульмане, служившие при шести льготных полках, включавших в себя в общей сложности 32 сотни. Тогда Уральское войско отмечало 300-летие своего служения Российскому престолу. На торжественных мероприятиях, в числе которых был парад льготных полков, присутствовал наследник-цесаревич Николай Александрович, будущий Николай II. Сотник Мурза-Ахмет Искаков тогда возглавлял 3-ю сотню 5-го полка, а есаул Будай Нуралин – 3-ю сотню 6-го полка [3, 1991. №4].

Мурза-Ахмед Искакович Искаков так и не сумел сделать блистательной военной карьеры. В 1898 г., будучи уже далеко не молодым человеком, он, имея чин подьесаула, занимал пост начальника военной команды Уильского укрепления – одного из двух укреплений, находившихся в Казахской степи и вверенных Уральскому войску. На такие должности часто назначались казачьи офицеры, имевшие тюркское происхождение; счита-

лось, что им легче находить контакты с обитателями Казахской степи. Но не всегда; начальником второго укрепления (Темирского) был подьесаул С.Н. Астраханкин. Брат Мурзы-Ахмеда, Хузей Искакович Искаков, на воинской службе не состоял, имея статский чин коллежского асессора и занимая в 1898 г. при Уральском областном правлении должность переводчика с татарского и «киргизского» языков [6, с.132, 159].

Несколько удачнее сложилась карьера Будая Шарафовича Нуралина. Его имя упоминалось в местной газете в 1885 г., где содержалась следующая информация: «Журнальным постановлением Уральского Войскового Хозяйственного правления состоявшемся на 10 число сего мая, чиновник особых поручений при этом Правлении, есаул Будай Нуралин уволен в 2-х месячный отпуск для лечения кавказскими минеральными водами внутри империи с сохранением получаемого содержания» [13, 1885. №21].

Спустя три года из той же газеты можно узнать, что Будай Нуралин по-прежнему есаул, занимающий ту же должность. В газете приведены слова атамана, по донесению Нуралина, решившего наказать станичных атаманов, чьи подчиненные были уличены в водном браконьерстве: «Вследствие донесения старшего чиновника особых поручений при Хозяйственном Правлении, есаула Нуралина, о производстве потаенного рыболовства в реке Урале ниже учуга, в районе 1-й и 2-й Уральских станиц, объявляю атаманам этих станиц выговор» [13, 1888. №33]. Самих браконьеров ждало более строгое наказание (вплоть до уголовного).

Об участии Нуралина в параде льготных полков в 1891 г. сообщалось выше. Но на этом его карьера не заканчивалась. В 1898 г. он все еще оставался в чине есаула, хотя прежнюю должность (офицера для особых поручений при наказном атамане) он совмещал с двумя другими – заведующий арестантским домом и заведующий первой рыбопошлинной конторы, расположенной в Уральске. Вторая рыбопошлинная контора находилась в Гурьеве, на тот момент ее начальником был есаул О.А. Попов [6, с.150, 159]. Спустя два года Будай Шарафович занимал те же самые должности, только уже в чине войскового старшины. Вторую рыбопошлинную контору теперь возглавлял есаул И.П. Завьялов [7, с.290, 300].

Поскольку не все начальники казачьих команд свободно владели казахским языком, при штате этих команд предусматривалась должность переводчика. В начале 1890-х гг. такую должность при Уильском укреплении занимал нестроевой старшего разряда (казак, освобожденный от строевой службы) Ибрагим Ишалин. Очевидно, со своими обязанностями он справлялся неплохо, поскольку в той же местной газете сообщалось, что он «за выслугу 10 лет сверхсрочной службы награждается серебряною медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте» [13, 1893. №1].

По данным на 1898 год, практически все атаманы станиц и поселков были русские, даже там, где население было смешанное или преимущественно татарское (в Мустаевской станице – Ф.Н. Забродин, в Мухранов-

ском – Я.А. Жеребятников, в Студеновской – Е.И. Ермилов, в Чижинском – И.М. Иванаев и т.д.). Нерусских поселковых атаманов было лишь двое – урядник Галий Кусяпович Кумаев (Мокринский поселок) и урядник Учир-Батан Кинзекенев, калмык (калмыцкий поселок Кисык-Камыш) [6, с.152].

Через два года картина оставалась та же: почти все атаманы станиц и поселков – русские, даже там, где в основном или частично, жили татары (в Мустаевской – С.В. Телятов, в Мухрановском – тот же Жеребятников, в Студеновской – П.К. Самаркин, в Чижинском – Я.М. Зусанов и т.д.). Нерусских атаманов по-прежнему было двое: в Мокринском – тот же Галий Кумаев, а в поселке Кисык-Камыш Учир-Батана Кинзекенева сменил крещеный калмык Семен Чиданов [7, с.292–293].

Тоже касается и учителей всех 95-ти станичных и поселковых школ, имевшихся в Уральском войске в 1898 г. Практически везде учителями были русские, даже в поселках со смешанным или нерусским населением. В Мустаевской школе единственным ее учителем был А.Я. Сорокин, в Студеновских мужской и женской школах – А.В. Соловьев и Т.И. Пахомова соответственно. В Мухрановской школе – Л.Г. Моисеев, в Чижинской – Е.И. Денисов и т.д. Нерусских учителей было трое – Абдулла Галиевич Кумаев (в Пятимарском), очевидно, сын Галия Кусяповича, калмыки Нимкан Аршаев и Учир Казылбашев (в калмыцких поселках Кисык-Камыше и Кармановском) [6, с.158].

В 1915 г. в Войсковом правлении нерусских чиновников уже не было, как и должности переводчика. Причем почти все члены правления имели гражданские чины (кроме начальника 1-го стола 2-го отдела А.И. Дынникова). Это было следствием начавшейся Первой мировой войны, в ходе которой на фронт были отправлены не только все льготные полки, но и ряд отдельных команд. В результате количество мобилизованных превысило даже штат, установленный для военного времени. По той же причине все атаманы станиц и поселков были отставниками (как правило – урядниками, изредка попадались отставные офицеры и гражданские чины) [8, с.19–31]. Среди полковых и сотенных командиров всех 9-ти полков, находившихся на фронте, мусульман также не было.

Участие казаков-татар в военных действиях.

Татарские имена и прозвища можно встретить, хотя и редко, в списке яицких казаков, принимавших участие в Смоленской войне 1630–1632 гг., составленном для Богдана Змиева. Списка участников неудачного похода Бековича-Черкасского не сохранилось, но, если бы таковой имелся, в нем обязательно бы присутствовали и казаки-татары. По крайней мере, среди нескольких уцелевших яицких казаков оказался Ахметев Уразмет (вероятно, Ураз-Ахмет). Наряду с чудом спасшимися земляками – Михайлой Белотелкиным и Федором Емельяновым [4, с.75–79], он был в числе тех, кто поведал о трагических событиях, произошедших с отрядом Бековича-Черкасского [15, с.375].

Татарские имена и фамилии также можно обнаружить, обратившись к послужным спискам («формулярам») начала XIX в. Из них, например, следует, что казак Шамай Тангаев «в молдавской армии противу турок в неоднократных сражениях был» в период с 1808 по 1811 годы. Другой татарин-казак, Ахмет Хаметьев, в «киргизской степи» служил в 1804 г., а в 1811 г. «в Молдавии противу турок» сражался. В «многократных сражениях противу турок» участвовал и Апкеш Утяпов (в 1807–1811 гг.). В «азиатской степи» и в «резервных командах за Уралом» несли службу Искендер Чубеков и Утяп Юсупов⁷.

Проявили себя казаки-татары и в среднеазиатских кампаниях. Неувядаемой славой покрыли себя уральские казаки, отличившись в так называемом «иканском деле». Тогда, укрывшись в овраге близ селения Старый Икан (около занятого русскими Туркестана), сотня есаула Василия Родионова (по другим данным – Иродионова) Серова трое суток отражала атаки десяти тысячного войска кокандского правителя Алимкула. Отбиваться от наседавшего противника приходилось без еды и без теплой одежды, хотя эти события происходили зимой (4–6 декабря 1864 г.). Большая часть казаков погибли или вскоре умерли от полученных ран. В их числе был и казак Насыр Фаткуллин [14, с.48].

О героизме казаков, проявленном в ходе среднеазиатских кампаний, регулярно сообщалось в «Уральских войсковых ведомостях», местной еженедельной газете. Она начала выходить в Уральске с 1867 г., но в номерах за тот год содержалась информация и о событиях предыдущего года. В частности, там сообщалось, что весной 1866 г. в боях с армией бухарского эмира отличился уральский казак Бухар Хусаинов, получивший за храбрость знак отличия Военного Ордена. А сотник Уральского казачьего войска Курбан Баукаев за героизм, проявленный им в той же кампании, был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом «для магометан». Чуть позже, проходя службу при Туркестанском военном губернаторе, он получил орден Святой Анны [13, 1867. №№6, 18, 19].

В самом начале 1880 г. войсковая пресса вновь упомянула Курбана Баукаева, к тому времени уже войскового старшину, отметив, что он «увольняется со службы по домашним обстоятельствам, ... подполковником, с мундиром, с пенсионом полного оклада» [13, 1880. №2]. Чин войскового старшины тогда приравнялся к чину армейского майора, следовательно, при увольнении Баукаев получил очередной воинский чин. Спустя 4 года в российской армии майорский чин был упразднен, и после чина капитана сразу шел чин подполковника. Но в казачьих частях чин войскового старшины остался. Правда, теперь он соответствовал армейскому подполковнику. Стало быть, присвоение Баукаеву при увольнении очередного чина, по сути, ничего не дало.

⁷ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3092. Л.53, 73, 76, 81, 89, 98.

Обращаясь к страницам полуторавековой давности, можно найти и другие примеры героизма, проявленного казаками-мусульманами (которых в Уральском войске называли «татарами»). В 1870 г. Знаком Военного Ордена был награжден урядник Магомеджан Чапаев [13, 1870. №47]. Такие же награды в начале 1881 г. получили казаки 6-й сотни 2-го Уральского казачьего полка Нурей Хабибуллин и Райман Джаугагаров за то, что проявили «храбрость и стойкость при нападении на них шайки туркмен 26 октября минувшего года, близ Кисык-Чакуюсы» [13, 1881. №8].

Произошло это во время подготовки к Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. В ходе той экспедиции среди погибших и умерших от ран были и уральские казаки, включая одного офицера. Среди них был казак Джалдыбаков. Умирая, он с гордостью сказал, что в его роду все уклонялись от службы, но он отслужил за них сполна, был представлен к заветному Георгиевскому кресту [2, с.71]. И это лишь отдельные примеры, коих было, конечно же, больше.

Среди казаков-татар было немало и тех, которые отличились, «водворяя порядок» в Казахской степи. С начала 1869 г. вступило в силу новое положение об управлении «киргизской степью», после чего в Младшем казахском жузе (он же – «Кіші жуз» или «Малая киргизская орда») начались волнения, в ходе которых наибольшую агрессивность, как всегда, проявили адаевцы (род «адай»). Положение ограничивало власть казахской родоплеменной верхушки и исламского духовенства, но вводило в Казахской степи выборное начало, позволившее избирать на административные должности не только представителей знати, которые, будучи недовольными таким положением дел, спровоцировали крупные волнения. Они говорили простым казахам, что скоро их будут крестить, забирать в солдаты и т.п. Этого оказалось достаточно, чтобы взбунтовать значительную часть безграмотных и забытых обитателей Казахской степи.

Часть знати, приняв новые условия русских, вместе с ними попыталась проводить в своих аулах разъяснительную работу, склоняя соплеменников к принятию нового положения. Их сопровождали небольшие отряды казаков, как правило, не более 10–12 человек каждый. Одна из таких делегаций столкнулась с конной толпой в несколько сотен мятежников. Как пишет В.А. Потто, с приближением толпы «казаки живо сдвинули сани, сбатовали лошадей и зарядили ружья». Казахи «подскочили в упор, но, видя, что вагенбург готов к обороне, остановились», не рискуя атаковать его.

Затем начались переговоры, для ведения которых в стан противника отправился казак Шамсутдинов. Видимо, он лучше других мог общаться с казахами на их родном языке. Конечно, еще лучше их языком владел ехавший с русскими казахский бий Тавасаров, но если б на переговоры отправился он, то разъяренная толпа тут же бы его растерзала, ведь именно это она намеревалась сделать, считая бия предателем.

После того как русские отказались выдать Тавасарова, мятежники окружили вагенбург и начали готовиться к его штурму. Вагенбург с трудом удалось отбить без потерь, благодаря дружным метким залпам из казачьих винтовок. Однако было ясно, что двенадцать казаков не смогут бесконечно долго отбивать атаки противника, численностью не менее четырехсот всадников. К счастью, среди казахов нашлись несколько человек, готовых оказать помощь русским и под покровом темноты вывести их из окружения [10, с.113–115].

Чуть позже похожая, но гораздо более трагичная история произошла с бием Маяевым, которому повезло меньше. Он погиб вместе с подполковником Рукиным, мангышлакским приставом, и сопровождавшим их отрядом уральских казаков при нескольких офицерах [10, с.122–127]. Были ли татары в отряде Рукина – неизвестно. Скорее всего, были. Но списка имен казаков, сопровождавших пристава, коих было около полусотни, не сохранилось (до нас дошли лишь несколько офицерских и урядничьих имен). Не дошли до нас и имена двух сотен уральских казаков Форт-Александровского гарнизона, которые сразу после гибели отряда Рукина отражали атаки адаевцев.

Летом 1870 г. в Казахской степи 20 казаков (14 донских, 3 оренбургских и 3 уральских), сопровождавших караван из 130 верблюдов, подверглись нападению крупного отряда адаевцев. До прихода помощи казаки героически оборонялись. Трое из них погибли, остальные получили по несколько ранений каждый. В их числе был уральский казак Халимов, на которого параллельно были возложены функции переводчика [12, с.165–166].

Казак Джалдыбаков, погибший в 1881 г., неслучайно признался, что «отслужил сполна» за своих родственников, предпочитавших уклониться от службы. Уральское войско было единственным среди всех казачьих войск, в котором служба «наемкой» формально сохранялась вплоть до 1917 г. (фактически – до Первой мировой войны).

Наемка позволяла зажиточным казакам откупаться от выхода на действительную службу, хотя ее механизм со временем совершенствовался. На более раннем этапе можно было просто выставить вместо себя другого человека, заплатив ему или его близким. Позже деньги с остающихся дома поступали в «нетчиковый капитал», средства из которого шли на выплату «подмоги» идущим на службу казакам, среди которых, как и прежде, оказывалось немало «охотников», желавших заработать. Дополнительным стимулом для охотников была возможность пожить за счет победенных, на что командиры долгое время закрывали глаза.

Благодаря наемке, уклонялись от службы, как правило, богатые казаки, основным занятием которых была не служба, а предпринимательская деятельность. Конечно же, большинство зажиточных казаков были этнически русскими. Но в процентном отношении (среди представителей своего народа) лидировали татары (мусульмане), слывшие самыми крепкими хозяйственниками. По этой причине именно среди них был наиболее вы-

сокий процент тех, кто пользовался наемкой ради коммерческих интересов. В отличие от других казачьих войск, в Уральском войске даже выход из казачьего сословия и переход в другое сословие (например, купеческое или мещанское) не влек за собой выход из казачьей общины, члены которой на территории войска имели ряд прав и привилегий (имущественных и юридических), которых не имели прочие жители края.

Благотворительная деятельность казаков-татар.

Поскольку доля зажиточных казаков у татар была выше, чем у представителей других народов, то и доля благотворителей среди них была сравнительно высокой. Вот лишь некоторые примеры:

Отставной казак Аюш Кулеев пожертвовал 300 рублей серебром (в то время очень значительная сумма) на покупку отсутствовавших в его родной Кулагинской крепости пожарных инструментов. За этот благотворительный поступок наказный атаман Н.А. Веревкин ходатайствовал перед военным министром Д.А. Милютиным о представлении Кулеева к награде [13, 1868. №3], что и было исполнено министром.

Не такую внушительную, но все же немалую для того периода сумму (10 рублей серебром) на приобретение мебели для школы Чаганского форпоста пожертвовал казак того же поселка Умурзай Умурзаев. Соответственно, и поощрение было более скромное – благодарность от атамана (названного в приказе «командующим Уральскими казачьими войсками») [13, 1868. №37].

Если наказный атаман ходатайствовал перед столичными властями, то атаманы отделов обращались с ходатайствами к нему самому. В частности, наказный атаман Н.Н. Шипов своим приказом №258 поддержал рапорт атамана 3-го войскового отдела от 24 апреля 1889 г. под №1091 с просьбой об объявлении благодарности казаку полевого разряда Кармановской станицы Канзибулату Мургаеву. По словам атамана, Мургаев раздавал сено всем нуждающимся жителям Кармановской и Глиненской станиц, причем «безвозмездно», «движимый чувством человеколюбия» [13, 1889. №19].

Были поощрения и от венценосных персон. В «Уральских войсковых ведомостях» от 22 сентября 1874 г. сообщалось, что «Государь Император во второй день августа Всемилостивейше соизволил пожаловать отставному казаку Уральского казачьего войска Кужантаю Абдрахманову золотую медаль, с надписью «За усердие», для ношения на шее, на Станиславской ленте, за пожертвования, сделанные им на общественную пользу» [13, 1874. №37].

Другим казаком, удостоенным императорского внимания, стал Сегет-Гирей Узбеков, оказавшийся в числе тех, кому «Государь Император в 17-й день сентября сего года [1882 – А.Д.] Всемилостивейшее соизволил пожаловать медали с надписью «За усердие», для ношения на груди на Станиславовой ленте». Такой награды казаки были удостоены за «отлич-

но-усердную службу» и вновь за «пожертвования на общественную пользу» [13, 1882. №46].

Благотворительность – это не только денежные пожертвования, но и другие дела на благо своего поселка, станицы или войска в целом. Например, казак Абдрахам Аземуратов обращался в Войсковое правление с просьбой приобрести и передать ему 200 саженцев. Со своей стороны он обещал высадить их, чтобы развести небольшую рощу в районе реки Вторая Чижа. При этом подчеркивалось, что будущая роща станет не частной, а общественной собственностью, что подтверждает, что казаком движет не жажда наживы, а стремление к облагораживанию его родной Чижинской станицы [13, 1869. №47].

Все приведенные выше случаи – это лишь часть примеров благотворительности.

Правонарушения с участием казаков-татар.

Конечно, среди казаков-татар встречались, как и среди русских или представителей других народов, не только герои, но и правонарушители и нарушители общепринятых норм морали. Можно привести ряд соответствующих примеров.

Если считать участников пугачевщины мятежниками и разбойниками (во многом это именно так, ибо героизация того мятежа в советской историографии – это явное идеологическое клише, мало отражавшее реалии), то понятно, что среди казаков-татар таковые имелись. Уже после подавления восстания, весной 1775 г. (Пугачева бывшие сообщники «сдали» еще в сентябре предыдущего года), в тюрьмах Оренбурга и Казани находились свыше двухсот яицких казаков. Среди них татарами были двенадцать. Это – Сапар Булатов, Акберды Даутов, Тюлай Исмаилов, Нияз Кадыров, Арсай Искаев, Мавлекей Намжалов, Ежудай Смаилов, Сююндук Тангаев, Кумай Тепенеев, Бикмурат Ниязов, Урманай Чюлдашин, Кучюк Чжажеев⁸. Можно сделать вывод, что процент татар среди казаков-мятежников был примерно такой же, как и их процент в Яицком войске в целом. Практически все казаки, содержащиеся под арестом, по предложению императрицы Екатерины были прощены и отпущены на свободу. Оставлены в тюрьмах были лишь несколько человек, причем по личной просьбе атамана Андрея Бородина, да и те не были татарами. Императрица не желала продолжать конфликт с яицкими казаками, желая как можно быстрее предать забвению их участие в мятеже (поддержанным, кстати, большею частью казачества).

Оставив за рамками социальные потрясения вроде пугачевщины, можно перейти к рассмотрению действий отдельных представителей уральского (в недалеком прошлом – яицкого) казачества. Не рядовой ка-

⁸ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.3. Оп.1. Д.145. Л.68–70.

зак, а урядник Габбей Ишмуратов, проходя службу в Туркестанском военном округе, с целью личного обогащения организовал незаконные поборы с аульных жителей, за что был «разжалован в казаки и отдан в исправительную роту в городе Оренбурге на 2 года» [13, 1869. №34].

Были и более банальные правонарушения. Например, казак Ахмеджан Мусин за устроенный им пьяный дебош был отправлен в Оренбургскую военно-исправительную роту на два года. Кроме того, у него был отобран полученный ранее орден [13, 1876. №15].

Житель Уральска Себегатулла Кафетулин казаком не был, но возможности пополнить общину казаков-татар он лишился после того, как в новогоднюю ночь (на 1-е января 1882 г.) похитил лошадь со двора казака Халилова [13, 1882. №10]. Конечно, таких примеров можно привести еще много.

Несчастные случаи с участием казаков-татар.

Казаки-татары, будучи мусульманами, в отличие от русских казаков, употребляли алкогольные напитки реже и в меньших объемах, да и то это делали не все татары, а лишь часть их. Поэтому, если несчастные случаи, происходившие с русскими казаками, чаще всего были связаны с чрезмерным употреблением спиртного, то у казаков-мусульман такое было большой редкостью. Несчастные случаи, происходившие с ними, обычно никак не были связаны с потреблением алкоголя. Более того, у мусульман жертвами несчастных случаев чаще становились женщины, чем мужчины. Вот лишь некоторые примеры.

В августе 1875 г. местная газета сообщала, что «15 июля жена казака Мухрановского поселка Гизетуллы Тазеева, Гильзкмала, и дочь казака Файзузы Мулюкова Гильмазямала, переправляясь через реку Урал в лодке, по неосторожности, вывалились из оной и утонули» [13, 1875. №33].

В сентябре 1889 г. та же газета писала, что «6-го августа в Уральском уезде, близ Подтяжкинского поселка Чижинской станицы, убита громом жена казака упомянутого поселка Алтына Контитекова» [13, 1889. №38].

Конечно, это далеко не все несчастные случаи. Здесь следует добавить, что поселки Мухрановский и Подтяжкинский имели этнически смешанное население. Но при этом в первом из них мусульманское население было представлено волжско-уральскими татарами, тогда как во втором под татарами понимали казаков-мусульман из числа казахов («киргизов»).

Мусульмане, не входившие в Уральскую казачью общину.

К началу XX в. мечети имелись в ряде станиц и поселков Уральского казачьего войска, преимущественно в его северной части – в Мустаевской, Студеновской и других станицах. Имелись мечети и в других местах компактного проживания мусульман. Была мечеть и в самом Уральске, в районе, называвшемся Татарской слободой, где жили как казаки-татары, так и прочие мусульмане, не являвшиеся казаками.

Представители мусульманского духовенства казаками не считались, но были и исключения, когда служители мечетей все-таки являлись членами казачьей общины. Обычно подобное имело место, если это были не приезжие лица, а представители местного казачества, после выхода из полевого разряда (или даже раньше) изъявившие желание служить при мечети. Так, например, в начале марта 1889 г. те же «Уральские войсковые ведомости» писали: «Исключается из списков наличного комплекта казак постановки 1888 г. Ахметжан Мухамбетжанов Халилов, житель 2-й Уральской станицы, определенный на должность азанчия Уральской пятивременной мечети» [13, 1889. №10]. Правда, верхушка исламского духовенства, в частности ахуны, как правило, были приезжими. К началу XX в. в Уральском войске ахунов было трое: в Уральске это Абдул-Салих Ишкулов, в Илецке – Абдул-Галлям Давлетшин, в Сламихинской – Губайдулла Галькиев [7, с.325].

Функции исламского духовенства фактически приравнивались к государственной службе, отчего на них распространялась власть как областного, так и войскового руководства. Как и все прочие служащие, они периодически получали награды от светских (в том числе военных) властей за свою «безупречную службу». Вот, например, что писали «Уральские войсковые ведомости» от 8-го февраля 1870 г.: «Государь Император соизволил пожаловать старшему ахуну Уральских мечетей Мухаммед-Шариф Тухватуллину-Сапараеву, серебряную медаль с надписью «За усердие», на Станиславской ленте» [13, 1870. №6].

Регулярно получали награды и казахские чиновники. Одни из них руководили казахскими волостями Уральской области, другие занимали в областном правлении должности, функциональные обязанности которых были связаны с управлением казахской частью области. Так, 20 сентября 1870 г. те же «Уральские войсковые ведомости» сообщали о награждении за «особые труды по введению в действие нового положения в Оренбургских степях» четырех человек (Чулака Айбасова, Омара Казыева, Сарыходжу Сарыдулина и Тулегена Исенжанова) золотыми медалями на Аннинской ленте. Еще трое (Ачигбай Лепесов, Котходжа Сарыдулин и Асхиджан Каратаев) были удостоены серебряных медалей на Аннинской ленте. Причем эти награды «Всемиловейше соизволил пожаловать, в седьмой день августа» сам император Александр II «по всеподданнейшему докладу» министра внутренних дел [13, 1870. №37].

В конце 1872 г. очередные награды царь пожаловал «за служебные отличия» новой партии казахских чиновников, в которой трое из десяти человек получили уже следующие (после 1870 г.) награды. Это Казыев, Сарыдулин и Лепесов. Первые двое получили золотые медали с надписью «За усердие» на Владимирской ленте, третий – серебряную медаль с такой же надписью и на такой же ленте. Этим же награды были удостоены и все остальные [13, 1873. №11].

Некоторые из этих лиц имели казачьи чины, но не офицерские, хотя и близкие к ним. Сарыходжа Сарыдулин был зауряд-сотником, а Ачигбай Лепесов и Иильман Суйлеманов – зауряд-хорунжими. Такие чины давались в том случае, когда их обладатели по тем или иным причинам формально не имели права на офицерские чины (в данном случае – сотника и хорунжих), но занимали должности, соответствующие данным чинам. Упомянутые зауряд-офицеры были помощниками уездных начальников (эти посты занимали уже русские).

Участие в среднеазиатских кампаниях принимали не только мусульмане, несшие казачью службу, но и мусульмане, формально казаками не являвшиеся. Свидетельством тому может служить награждение двух казахов (хотя и запоздалое) за боевые качества, проявленные в последнем хивинском походе. «Государь Император, в 25 день октября 1877 г., Высочайше соизволил пожаловать знаки отличия Военного Ордена 2-й степени киргизам Уральской области Иржану Чулакову и Мангышлакского пристава Тлегеню Исенжанову, за оказанные ими отличия во время Хивинского похода в 1873 году», – писали «Уральские войсковые ведомости» [13, 1878. №1].

Подводя итог, надо отметить следующее:

- обычно «татарами» в Уральском войске называли всех казаков, исповедовавших ислам; в разные периоды исключения, характерные для них, встречались, но очень редко («кизельбаши», «бухарцы», «киргизы» и т.п.);

- татары ногайского происхождения были коренными жителями побережья Урала и составляли основную массу казаков-мусульман. Их язык гораздо ближе к казахскому, чем к классическому татарскому (волжско-камскому), отчего их легко спутать с казахами, хотя сами они «киргизами» себя не считали;

- казаки-татары обычно компактно проживали в поселках с татарским населением. Также в Уральском казачьем войске имелись поселки со смешанным (русско-татарским) населением, но и в этом случае у татар, как правило, были свои районы или слободы (если это были города);

- с середины XVIII вплоть до начала XX в. доля татар среди яицких (позже – уральских) казаков оставалась относительно стабильной и составляла 5–5,5 процентов;

- между татарами и представителями других народов (прежде всего русскими) ни межэтнических, ни межконфессиональных конфликтов зарегистрировано не было;

- на всем протяжении истории Уральского войска, в разные ее периоды, татары присутствовали как в войсковой администрации, так и среди боевого офицерства, но доля их была незначительной и примерно соответствовала их доле во всей казачьей общине;

- потомки казахских ханов и султанов, также числившиеся татарами, имели (необязательно на официальном уровне) гораздо больше возможно-

стей при назначении на должности и продвижении по службе, нежели их соплеменники из числа простолюдинов, которым доступ в правящие или командные структуры фактически был закрыт;

– среди татар, как и среди русских, попадались казаки, запятнавшие честь мундира, что вполне естественно: в любой общине найдутся ее недостойные представители. Как и у русских, наряду с пьяными драками, кражами и «потаенным» ловом рыбы, традиционным преступлением было мародерство в ходе военных действий или грабежи «инородческого» населения в местах дислокации наших войск;

– казаки из татар участвовали во всех войнах, что вела Россия, как на западе, так и на востоке (а одно время даже и на Кавказе). Обвинять их в религиозной солидарности с мусульманами из числа противников или в отказе воевать с единоверцами нет никаких оснований. Многие татары-казаки отличились как в среднеазиатских кампаниях, так и при «наведении порядка» в Казахской степи;

– татары-казаки чаще русских пытались на законных основаниях уклониться от военной службы благодаря «наемке». Главная тому причина в том, что доля казаков, занимавшихся коммерцией, у них была больше, чем у русских. Но благодаря этому, доля тех, кто занимался благотворительностью и меценатством, у татар была, пожалуй, даже выше, чем у русских.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско: статистическое описание в двух томах: с 10 картами. Т.1. Уральск: Уральское войсковое хозяйственное правление, 1891. 947 с.
2. *Гуляев А.Л.* Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Тип. В.И. Жаворонкова, 1882. 82 с.
3. Казачий вестник (еженедельная газета, г. Уральск). 1991. №4.
4. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч.1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск: Войсковая типография, 1911. 904 с., прил. 95 с.
5. *Паллас П.С.* Путешествия по различным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. 786 с.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления, 1898. 258 с.
7. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск: Типография газеты Уралец, 1900. 388 с.
8. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1915 год. Уральск: Обл. стат. ком., 1915. 134 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т.LXXXVIII. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 125 с.

10. *Потто В.А.* Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. Т.81, №7. С.110–135.

11. *Рябинин А.Д.* Уральское казачье войско. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.1. СПб.: Изд. ГУГШ, 1866. 419 с.

12. *Терентьев М.А.* Хивинские походы русской армии. Изд. 3-е. М.: Изд-во «Вече», 2016. 464 с.

13. Уральские войсковые ведомости (еженедельная газета, г. Уральск).

14. *Хорошихин М.П.* Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Изд. 2-е. Уральск: Войсковая типография, 1889. 71 с.

15. Энциклопедический словарь: Ф.Брокгауз – И.Ефрон. Т.III. СПб.: Семёновская Типолитография (И.А. Ефрона). 1891. 492 с.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 21.12.2023

Принята к публикации 05.02.2024

Tatar-Cossacks of the Ural Cossack army in the service of the Russian Empire

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

This article examines the functioning of the Tatar (Turkic-Muslim) diaspora in the Ural (Yaik) Cossack army: its history, number of population, places of compact residence of its representatives, their military and civil service, some elements of their social life and relations with representatives of other ethnic groups and faiths and, in general, their role and place in the Ural Cossack army.

Keywords: Ural (Yaik) Cossack army, Tatars, Muslims, Turks, Central Asian military campaigns, suppression of unrest in the Kazakh steppe

Foot citation: Dubovikov A.M. Tatar-Cossacks of the Ural Cossack army in the service of the Russian Empire. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.52–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.52-70> (In Russian)

REFERENCES

1. Borodin N.A. *Ural Cossack army: statistical description in 2 volumes: with 10 maps*. Vol.1. Uralsk: Ural Military Economic Board, 1891. 947 p. (In Russian)
2. Gulyaev A.L. *Campaign on Amu Darya and Tekinsky oasis of the Ural Cossacks in 1880–1881*. Uralsk: V.I. Zhavoronkov Publ., 1882. 82 p. (In Russian)
3. *Cossack Bulletin* (weekly newspaper, Uralsk). 1991, no.4. (In Russian)
4. Karpov A.B. *Uraltsy. Historical essay*. Part 1: The Yaik army from the formation of the army to the census of Colonel Zakharov (1550–1725). Uralsk: Military Publ., 1911. 904 p. (In Russian)
5. Pallas P.S. *Travels to various provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1809. 786 p. (In Russian)
6. *Memorial book and address-calendar of the Ural region for 1898*. Saratov: Provincial Government Publ., 1898. 258 p. (In Russian)
7. *Memorial book and address-calendar of the Ural region for 1900*. Uralsk: Uralets newspaper Publ., 1900. 388 p. (In Russian)
8. *Memorial book and address-calendar of the Ural region for 1915*. Uralsk: Regional Statistical Committee Publ., 1915. 134 p. (In Russian)
9. *The first general census of the population of the Russian Empire*. Vol.88. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior, 1904. 125 p. (In Russian)
10. Potto V.A. The death of Rukin's detachment in 1870. *Historical Bulletin*. 1900, vol.81, no.7, pp.110–135. (In Russian)
11. Ryabiniin A.D. *Ural Cossack army. Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff*. Part 1. St. Petersburg: Main Directorate of the General Staff Publ., 1866. 419 p. (In Russian)
12. Terentyev M.A. *Khiva campaigns of the Russian army*. 3rd edition. Moscow: Veche Publ., 2016. 464 p. (In Russian)
13. *Ural military statements* (weekly newspaper, Uralsk). (In Russian)
14. Khoroshkhin M.P. *Heroic feat of the Urals. Case under Icahn on December 4, 5 and 6, 1864. 2nd edition*. Uralsk: Military Publ., 1889. 71 p. (In Russian)
15. Brockhaus F.A. Efron I.A. *Encyclopedic Dictionary*. Vol.3. St. Petersburg: Semenov Publ., 1891. 492 p. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received December 21, 2023

Accepted for publication February 5, 2024

УДК 94(470.55/58)"1812/1814"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.71-83

Участие татар Сеитова посада в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

Р.Р. Аминов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В настоящей статье рассматривается участие татар Сеитова посада, состоявших в сословиях казаков (Оренбургское казачье войско) и башкирцев (Башкиро-Мещерякское войско) в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. В частности, исследуется боевой путь сеитовских татар, основываясь на архивных данных, приводятся сведения о численности воевавших татар против армии Наполеона. Установлено соотношение каринских татар Сеитова посада по полкам и родам. Большая часть сеитовцев была задействована в Заграничных походах 1813–1814 гг., участие в Отечественной войне 1812 г. сеитовских татар отмечено только на примере казаков из Молдавской армии.

Ключевые слова: Сеитов посад, сеитовские татары, Оренбургское казачье войско, Оренбургский Атаманский казачий полк, 3-й Оренбургский казачий полк, 8-й Башкирский полк, каринские татары

Для цитирования: Аминов Р.Р. Участие татар Сеитова посада в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.71–83. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.71-83>

19 сентября 1744 г. Оренбургской губернской канцелярией были выделены земли по реке Сакмара для обоснования казанских торговых татар в 18 верстах от г. Оренбург. 8 августа 1745 г. вышел Сенатский указ, по которому определялись территория, условия поселения и льготы для переселенцев. Мужское население освобождалось от рекрутского набора и постоев, наделялось землей для посевов и сенокосными угодьями. Кроме этого, они получали возможность покупать землю у башкир, строить мельницы, заниматься охотой, рыболовством и ремеслами. Так был основан Сеитов посад, впоследствии Татарская Каргала, куда переселились 173 татарских семьи [1, с.12; 4, с.73–75]¹.

В первые десятилетия существования нового поселения, его социальный состав был однороден, здесь проживали торговые татары – вчерашние ясачные крестьяне. Преобразование Сеитовой слободы 7 ноября

¹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.124. Оп.3. Д.109. Л.1.

1784 г. в посад привело к разделению населения на две сословные группы: крестьяне – с одной стороны, купцы и мещане – с другой. Часть татар, попавших в крестьянское сословие, 16 декабря 1787 г. была зачислена в уфимские нерегулярные войска. 10 апреля 1798 г. была образована кантонная система управления Оренбургского казачьего войска (далее – ОКВ), последнее состояло из 5 кантонов [1, с.12; 12, с.441; 15].

Вскоре разрешилась и проблема каргалинцев-крестьян – 25 июля 1798 г. их причислили к оренбургским казакам. Образовалась Каргалинская станица (входившая в 4-й кантон). Всего к ней было приписано 2948 человек, из них 1737 – неспособные к службе и малолетние (58,9% от общего числа приписанных), 1211 – годные к службе (41,1%). В состав Каргалинской станицы вошли 17 поселений, расположенных не более чем в 200 верстах от Сеитова посада [12, с.441, 445].

Формирование полков из числа казаков Оренбургского казачьего войска

1811–1816 гг. были ознаменованы переводом татар-мусульман ОКВ в 9-й Башкирский кантон Башкиро-Мещерякского войска. Не исключением стали и татары Сеитова посада. Так, большая часть казаков Каргалинской станицы была переведена в вышеупомянутый 9-й Башкирский кантон².

8 августа 1812 г. от Оренбургского казачьего войска в действующую армию командировались два полка: первый – Оренбургский Атаманский казачий полк (ОАКП)³, состоявший из 32 штаб-и обер-офицеров, 45 урядников, 3 писарей, 1093 рядовых казаков; на каждых двух казаков приходилось по три лошади; второй – 3-й Оренбургский казачий полк (ОКП)⁴ – был пятисотенным, кроме 500 рядовых казаков, в него вошли 17 штаб-и обер-офицеров, 2 урядника и 1 писарь. На двух казаков данного полка приходилось по одной вьючной лошади [7, с.19–20]. Именно в 3-м ОКП была сосредоточена основная масса каргалинцев-казаков. В конце сентября 1812 г. сборным пунктом обоих полков стала Бакалинская станица 3-го кантона ОКВ, в которой проживали крещеные татары-нагайбаки. Здесь был проведен смотр сеитовских татар и определена их готовность к походу [10, с.96].

Административная реформа по переводу татар-казаков «в башкирское звание» привела к тому, что при комплектовании армии на Отечественную войну 1812 г. и для Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. сеитовские татары оказались в разных полках. Одна часть вошла в 3-й ОКП и ОАКП, вторая – в 8-й Башкирский полк. 8-й Башкирский кон-

² Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-138. Оп.2. Д.145. Л.665–747; ОГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.25. Л.167–231 об.

³ Командиром ОАКП был назначен войсковой атаман Углецкий, но полк повел майор Авдеев, так как Углецкому в последний момент поручили формирование и управление башкирских и мещерякских полков [18, с.21].

⁴ Командиром 3-го ОКП являлся майор Яков Беляков [18, с.21].

ный полк был укомплектован в крепости Воздвиженская (поселение ногайцев) [3, с.111, 121].

Кроме этого, сеитовские татары, участвовавшие в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. в составе Молдавской армии, в конце июня 1812 г. были перекинуты на Волынь в Белоруссию для соединения с 3-й Резервной армией генерала А.П. Тормасова и участия в Отечественной войне 1812 г. [16, с.110] Другая их часть, по всей видимости, вернулась домой, согласно распоряжению главнокомандующего 1-й Западной армией генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли Инспекторскому департаменту от 11 июня 1812 г. в связи с заменой половины личного состава двух Оренбургских казачьих полков Молдавской армии по причине упадка и разорения хозяйства казаков, находившихся в командировке с 1807 г.⁵

Распределение сеитовских татар по полкам Оренбургского края

Определить соотношение сеитовских татар – участников военных батальонов – отчасти позволяют материалы ревизских сказок 1816 г. Каргалинской станицы (башкирцев и казаков). Так, в составе Молдавской армии (1-го и 2-го ОКП), 3-го ОКП, ОАКП и башкирских полков находился как минимум 122 чел.⁶ – в основном выходцы из Сеитова посада⁷. По другим данным, из Каргалинской станицы в составе 3-го ОКП было 76 чел., в ОАКП – 4 чел. [13, с.180–181] (без учета находившихся в Молдавской армии казаков 1-го и 2-го ОКП).

Тем не менее, довольно проблематично установить точное распределение по полкам всех сеитовских татар, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Исключением в этом плане являются каринские татары.

В одном из дел ф.6. (Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора) Объединенного государственного архива Оренбургской области нами обнаружена информация об участии в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. каринских татар из рода князей Араслановых, Давлетьяровых и Касимовых⁸.

При более детальном ознакомлении с источником приходится констатировать, что информация, сосредоточенная в ревизских сказках Каргалинской станицы 4-го кантона ОКВ и 9-го Башкирского кантона Башкиро-Мещерякского войска, не дает исследователю полную картину о чис-

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.29. Оп.1/153. Д.113. Л.408–408 об.

⁶ В их число могли войти и некоторые казаки поселений, входивших в Каргалинскую станицу 4-го кантона Оренбургского казачьего войска.

⁷ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.145. Л.665–747; ОГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.25. Л.167–231 об.

⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.4484 (7079).

ленности сеитовских татар, участвовавших в Наполеоновских войнах. Таким образом, не все из них отмечены в ревизских сказках.

Возвращаясь к соотношению каринских татар, надо отметить, что в общей сложности в 1816 г. в Сеитовом посаде проживало 209 душ м.п. каринских татар. Целесообразно, на наш взгляд, привести более подробные данные об участии каринских татар в Наполеоновских войнах.

Таблица №1

Распределение каринских татар – участников Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. – по родам и полкам⁹

Полк	Араслановы	Давлетьяровы	Касимовы	Итого
3-й Оренбургский казачий полк	4 ¹⁰	13	2	19
Оренбургский Атаманский казачий полк	0	1	0	1
1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки Молдавской армии	4	5	1	10
8-й Башкирский полк	1	3	0	4
Всего	9	22	3	34

По данным таблицы №1 выясняется, что 16,2% каринских татар принимали участие в Наполеоновских войнах. Большая их часть – 19 чел. (55,8%) – служила в 3-м ОКП. 22 человека из всех каринских татар, представленных в таблице, принадлежали к роду Давлетьяровых.

Обращает на себя внимание небольшая доля башкирцев из каринских татар (4 чел.). Дополнительные источники позволили установить среди участников-башкирцев сеитовского татарина Абдуллу Галиакберова (1785 г.р.). Он, судя по всему, числился в 8-м Башкирском полку, но был не из числа каринских татар, также как и Абсалям Абдуллатипов. Таким образом, в составе 8-го Башкирского полка воевали не менее 6-ти сеитовцев. Кроме этого, в ревизской сказке башкирцев Каргалинской станицы, нами обнаружены еще двое: 1) Хусаин Гумеров (1783 г.р.), находился в армии с 1807 г. (вероятнее всего, он пребывал в распоряжении Молдавской армии); 2) Хисамутдин Бикмухаметов (1783 г.р.), был переведен в 1815 г. из числа оренбургских казаков Каргалинской станицы в башкирцы

⁹ ОГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.4484 (7079). Л.25–29 об.

¹⁰ В число казаков 3-го ОКП мы включили Фейзуллу Сейфуллина. В графе, где указана полковая принадлежность, у данного казака присутствует запись – «в казаках». ОГАОО. Ф.6. Оп.3. Д.4484 (7079). Л.29.

той же станицы; он находился «в армии» с 1812 г. и, скорее всего, отправился в поход в числе казаков 3-го ОКП¹¹.

Подключим дополнительные источники, напрямую не связанные с периодом Наполеоновских войн, а именно сведения из дела о причислении в башкирцы 323 душ государственных крестьян Сеитова посада во главе с Абдулгафаром Бахтияровым (1848–1852 гг.). Часть этих татар была исключена из состава Каргалинской станицы Оренбургского казачьего войска по указу Сената от 5 января 1819 г., «полученному в упрздненной Оренбургской войсковой канцелярии при предложении бывшего военного губернатора генерала от инфантерии Эссена от 7 ноября 1821 года за №3228». Среди этих исключенных был Абдулгафар Бахтияров. Он вошел в число тех 40 человек, которые перешли в податное сословие за «не несение» службы и уклонение от начальственного надзора¹².

Данное дело интересно тем, что в нем приводятся сведения о сеитовских татарах, имевших награды за участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. – всего об 11 лицах, здравствующих на момент подачи их прошения. К сожалению, в источнике не приводятся их фамилии. Материалы ревизской сказки башкирцев Сеитова посада за 1859 г. (X ревизия), а также казаков Каргалинской станицы ОКВ и башкирцев Башкиро-Мещерякского войска за 1816 г. (VII ревизия) позволили частично восстановить данный список. Так, в числе причисленных башкирцев из государственных крестьян значатся следующие татары: Мухаметшариф Ягаферов (1786 г.р.), Исхак Бахтияров (1784 г.р.), Исхак Ибрагимов (1789 г.р.), Абдулхалик Абдулвахитов (1791 г.р.), Сейфулла Габайдуллин (1784 г.р.), Абдулла Ибрагимов (1779 г.р.), Исхак Исмагилов (1793 г.р.). Последние трое являлись представителями рода Давлетьяровых и воевали в 3-м ОКП, принимая участие во взятии Парижа (19 марта 1814 г.)¹³ Разумеется, не все сеитовские татары, состоявшие в 3-м ОКП, были задействованы во взятии Парижа – часть из них погибла, другие выбыли по другим причинам: ранение, взятие в плен, пропажа без вести и т.д.

К сожалению, не сохранились ревизские сказки Каргалинской станицы 1834 г. (VIII ревизия), что не позволило определить точное число умерших и вернувшихся сеитовских татар с военных походов против Наполеона.

¹¹ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.161. Л.688 об., 707 об., 730 об.; ОГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.25. Л.222 об.

¹² НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.6045. Л.1–2.

¹³ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.6045. Л.1–2 об., 17, 23; НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.704. Л.321–386; Ф. И-138. Оп.2. Д.707 а. Л.1–61 об.; ОГАОО. Ф.98. Оп.2. Д.25. Л.167–231 об.

Боевой путь сеитовских татар в Отечественной войне 1812 г.

Позднее формирование ОАКП и 3-го ОКП способствовало тому, что сеитовские татары, входившие в эти полки, не принимали участия в боевых действиях Отечественной войны 1812 г.

Первым боевым крещением оренбургских казаков, как и сеитовских татар, воевавших в составе 1-го и 2-го Оренбургских казачьих полков в Отечественной войне 1812 г., стало столкновение у местечка Любомль (17–18 сентября) [16, с.110]. 6 октября 1812 г. русские войска неожиданно атаковали корпус Мюрата под Тарутином. Огромную роль в поражении французов в этой битве сыграли казаки – «ударил столь быстро на беспечного неприятеля; что он, долго не державшись, предпринял ретираду, которая скоро потом сделалась бегством» [17, с.66–67]. Необходимо отметить, что сеитовские татары не принимали участия в знаменитом Бородинском сражении.

С большой долей вероятности можно утверждать, что сеитовские татары были задействованы в захвате Брест-Литовска (29 сентября), освобождении Минска (16 ноября), в боях под городом Борисовым (12 ноября) и последующем его взятии, в операции на реке Березине (14–17 ноября). Последний крупный бой сеитовских татар в Отечественной войне 1812 г. произошел 22–23 ноября при местечке Молодечно. После этого казаки 1-го и 2-го ОКП были возвращены в Молдавию для охраны границы с Османской империей [9, с.95; 11, с.148].

Манифестом императора Александра I от 25 декабря 1812 г. объявлялось о полном изгнании из России французских войск¹⁴. Казаки 1-го и 2-го Оренбургских казачьих полков вернулись домой только в 1819 г., пробыв в походе почти 12 лет [16, с.111].

Что касается казаков 3-го ОКП, то они 21 октября 1812 г. под командованием майора Якова Белякова направились в Нижний Новгород, где находились до 1 января 1813 г. и были присоединены к формируемому там ополчению под начальством генерал-лейтенанта графа Толстого [18, с.21, 25].

Боевой путь сеитовских татар в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

Направляясь в Заграничные походы, российская армия, возглавляемая М.И. Кутузовым, насчитывала 140 тыс. человек. 8 февраля 1813 г. без боя была занята Варшава. В Отечественной историографии бытует точка зрения, что с Урала были направлены 26 конно-казачьих полков, но, видимо, их было 25 (кроме Оренбургского Атаманского казачьего и 3-го Оренбургского казачьего пятисотенного, это 5 полков уральских казаков, 2 тептярских, один Ставропольский калмыцкий, и, наконец, 15 Башкирских полков [2, с.32]. Судя по всему, была допущена опечатка, которая впоследствии

¹⁴ РГВИА. Ф.395. Оп.2/131. Св.21. Д.8. Л.5–6.

стала закономерностью в трудах отечественных ученых. Дискуссионным является и участие казаков 3-го ОКП во взятии Берлина 4 марта 1813 г., так как 3 марта полк находился в г. Глухов (совр. Сумская область Украины), а 8 апреля производился его смотр в Киеве [2, с.33; 18, с.25].

Боевой путь сеитовских татар ОАКП и 8-го Башкирского полка

ОАКП 29 ноября 1812 г. получил приказ держать путь из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург. 8 марта 1813 г. казаки выступили в поход через Кенигсберг до крепости Данциг, где и были включены в состав блокадного корпуса [10, с.44].

Появившись в Данциге 17 апреля, казаки ОАКП принимали активное участие в его блокаде. Есть данные о награждении 14 нижних чинов полка знаками отличия Военного ордена в сражениях 16, 17 и 21 августа. Александр I был несогласен на капитуляцию крепости без пленения гарнизона. У генерала Раппа отсутствовали средства к продолжению сопротивления, поэтому 29 декабря 1813 г. он признал окончательную капитуляцию, а 2 января 1814 г. гарнизон Данцига был вынужден сложить оружие. В 1814 г. казаков ОАКП отпустили домой, куда они прибыли в декабре 1814 г. [6, с.231; 18, с.24].

Заслуживают внимание и данные о 8-м Башкирском полке, в котором наблюдалось наименьшее число сеитовских татар из всех полков, в которых они воевали. 6 октября 1812 г. 8-й Башкирский полк выступил в поход через Самару на Нижний Новгород. Спустя почти год – 9 сентября 1813 г. – полк вошел в состав Польской армии генерал-лейтенанта барона И.К. Розена и в составе данного корпуса действовал до взятия русской армией крепости Глогау (30 марта 1814 г.). Война для казаков 8-го Башкирского полка завершилась в Париже [3, с.111–112]. Что касается 1-го и 9-го Башкирских полков (куда также вошло население 9-го Башкирского кантона), то в них сеитовских татар не наблюдалось – к такому выводу мы пришли, изучив ведомость за 1842 г., в которой приведены сведения об участниках Наполеоновских войн по 9-му Башкирскому кантону.

Боевой путь сеитовских татар 3-го ОКП

3-й ОКП под начальством генерала Л.Л. Беннигсена 20 августа 1813 г. вошел в так называемую Польскую армию, сеитовские татары участвовали в разгроме французов в сражении под Кульмом 17–18 августа 1813 г. После этой битвы русские войска начали движение в сторону Лейпцига. 16 сентября 1813 г. казаки 3-го ОКП в составе армейского партизанского отряда численностью 2300 чел. (8 эскадронов регулярной конницы, 6 казачьих полков, 6 орудий) под командованием генерал-майора А.И. Чернышева приступили к осаде г. Кассель, который защищали 4200 весторальских и французских воинов (без учета гражданского населения). Осада длилась трое суток, вечером 18-го сентября начальник Кассельского гарнизона французский генерал Жак-Александр-Франсуа подписал акт о

капитуляции города. 19 сентября русские войска торжественно вошли в Кассель. К началу октября сеитовские татары достигли Лейпцига, где с 4 по 7 октября и произошло крупнейшее сражение, вошедшее в историю под названием «Битва народов». Казаки 3-го ОКП приняли непосредственное участие в знаменитой битве, внося свою лепту в общую победу [2, с.33; 8, с.204].

После битвы при Лейпциге часть армии Л.Л. Беннигсена последовала за отступающими французами в г. Эрфурт. 3-й ОКП, вместе с некоторыми башкирскими полками, был определен к отряду атамана Платова. Все они были задействованы в октябрьских битвах при Веймаре (10 числа) и Ганану (18–19), 21 октября – в сражении неподалеку от окрестностей Франкфурта-на-Майне. В конце октября отряд дошел до г. Висбаден, где и располагался до середины декабря 1813 г. [17, с.87]. В результате ожесточенных баталий численность 3-го ОКП сократилась до 277 чел., лишь в 1815 г. в него направили пополнение в виде сменной команды, состоявшей из 8 офицеров, 9 урядников, 253 казаков [5, с.92].

К концу декабря 1813 г. 3-й ОКП передали в корпус генерала Остен-Сакена, точнее в казачий отряд генерала А.Г. Щербатова, состоявшего из 1-го Тептярского, 4-го Уральского и одного из Донских полков. Данный иррегулярный корпус перешел на левый берег Рейна в ночь с 19 на 20 декабря. Казаки 3-го ОКП принимали участие в битвах у г. Бриенн (17 января 1814 г.), а также при г. Ла-Ротьер (20 января). После этого отряд Щербатова был передан для маневров в тылу противника в отряд генерала А.Н. Сеславина. Главной задачей отряда было нападение на незначительные партии французов и осуществление связи между различными группировками российских войск [9, с.97–98].

При повсеместном отступлении и сосредоточении главной армии у г. Бар-Сюр-об отряду Сеславина предписали 5 февраля 1814 г. отойти на правый фланг для установления связи с армией генерал-фельдмаршала Г.Л. Блюхера. 9 марта отряд находился уже на левом берегу р. Барбрюйсы¹⁵, прикрыв левый фланг главной армии в ходе боя при г. Арси-сюр-Об. На следующий день казаки преследовали французов, отступивших после неудачи в г. Арси. 11 марта союзные войска держали путь на Фершампенуаз, где планировалось установить связи с Силезской армией Блюхера. Достигнув Фершампенуаза (13 марта), союзники решили идти на Париж, и с этой целью отряд Сеславина выдвинулся в сторону г. Провень для разведки местности и преследования отступающего неприятеля до Парижа (корпусов маршалов Мортье и Мармона). Французы вынуждены были бежать и держали путь в г. Нанси. 15 марта перед «сеславинцами» стояла задача преследовать неприятеля вдоль берега р. Сена и не позволять французам строить мосты [18, с.28–29].

¹⁵ Так написано в тексте.

17 марта 1814 г. союзники с востока и севера подошли к французской столице. На военном совете в Бонди было принято решение немедленно штурмовать город, чтобы закончить операцию до подхода в тыл союзников Наполеона. Сеитовские татары 3-го ОКП держали левый фланг. Русская армия с союзниками составляли довольно внушительный военный контингент – порядка 100 тыс. чел. (из которых 63 400 являлись российскими солдатами). Париж защищали солдаты маршалов Мармона, Монсея и Мортье (вместе с пожарными, жандармами и ветеранами) – 25 тыс. чел. Несмотря на существенное превосходство над наполеоновской армией в численности и боевом опыте, битва за Париж вышла одной из самых упорных за всю военную кампанию 1814 г. Виной тому стали спешка и отсутствие координации между союзниками. 19 мартом датируется торжественный въезд российской армии в столицу Франции. Некоторые части, вступив в город, заняли караулы. Война была закончена. До возвращения домой, которое состоялось в июне 1820 г., полк нес пограничную службу, до 1816 г. – на границе с герцогством Варшавским, после его присоединения к Российской империи охранял уже границу с Пруссией [5, с.92; 7, с.23; 14, с.238–239]. Согласно сведениям дореволюционного исследователя М.Л. Юдина, все казаки 3-го ОКП были награждены медалями за взятие Парижа [18, с.30].

Таким образом, сеитовские татары принимали активное участие в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., часть из них участвовала в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и после ее окончания была передислоцирована на другой театр военных действий. Реформа оренбургских военных властей по переводу татар-казачков Каргалинской станицы ОКВ в 9-й Башкирский кантон способствовала их разделению по полкам Оренбургского края, сформированным для противодействия наполеоновской армии. Следует констатировать, что львиная доля сеитовских татар была включена в состав 3-го ОКП и принимала участие во всех сражениях данного полка. Оставшиеся сеитовские татары были распределены между полками 1-го и 2-го ОКП (Молдавская армия), задействованными в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. (казаки данных полков пробыли в походе почти 12 лет, вернулись домой только в 1819 г.), а также 8-м Башкирским полком (6 чел.) и ОАКП. Татары Сеитова посада принимали участие в знаменитой «Битве народов» (сражении под Лейпцигом), а также во взятии Парижа. По нашим подсчетам насчитывалось 122 человека сеитовских татар (их может быть больше), состоявших в казачьем и башкирском сословиях, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

Сеитовские татары, как и многие другие сословные и территориальные группы татар, внесли важную лепту в победу, часть из них погибла на поле боя, многие вернулись с увечьями. Некоторые из них, как видим, были причислены в податное сословие, однако вернулись на непродолжительное время в 1850-е гг. в состав военно-служилого сословия, но уже

башкирского, и состояли в нем до упразднения Башкиро-Мещерякского войска в 1865 г. и перевода его населения в сельские обыватели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аминов Р.Р.* Земельные правоотношения татар Сеитова посада Оренбургской губернии во второй половине XVIII – середине XIX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. №10. Т.2. С.12–20.
2. *Бражников А.А.* Боевой путь казаков-нагайбаков в Заграничном походе русской армии в 1813–1814 годах // Вестник СамГУ. 2009. №7 (73). С.31–35.
3. *Гатиятуллин З.* Башкиры 9-го и 10-го кантонов в Отечественной войне 1812 года // Ватандаш. 2013. №4. С.110–133.
4. *Денисов Д.Н.* История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. 190 с.
5. *Кобзов В.С.* Наши земляки – участники Отечественной войны 1812 года // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. №1 (1). С.90–94.
6. *Кортунов А.И.* Оренбургский Атаманский казачий полк в составе русской армии в 1812–1814 гг. // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Материалы V Международной научно-практической конференции. Том II. Уфа: Башкирский государственный педагогический институт им. М.Акмиллы, 2011. С.230–232.
7. Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812–1814 гг. с Наполеоном / сост. отстав. ген.-майором Лобовым. Оренбург: Тип. А.Н. Гаврилова, 1912. 27 с.
8. *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара–Челябинск: [Б.и.], 2008. 478 с.
9. *Кузнецов В.А.* Участие Оренбургского края в Отечественной войне 1812 года // Народы Южного Урала на страже Родины: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К.Минина и Д.Пожарского, 1150-летию Российской государственности / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. С.41–50.
10. *Кузнецов В.А.* Об участии полков Оренбургского края в Отечественной войне 1812 года // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. №1 (1). С.95–103.
11. *Матвиевский П.Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки // Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Вып. 17. Оренбург: [Б.и.], 1962. 184 с.
12. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 7. Оренбург: Типография О. Яковлева, 1907. 472 с.
13. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург: Типолитография Б.А. Бреслина, 1907. 520 с.
14. *Могилевский Н.А.* От Немана до Сены: заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М.: Кучково поле, 2012. 288 с.
15. ПСЗ РИ-1. Т.XXII. №16596.

16. *Тептеев А.Г.* Участие казаков Нагайбацкой станицы в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813–1814 годов // *Правопорядок: история, теория, практика.* 2013. №1 (1). С.109–115.

17. *Усманов А.Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. 136 с.

18. *Юдин М.Л.* Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годах. Ташкент: Типографическое издательство Штаба Туркестанского военного округа, 1912. 54 с.

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила 26.12.2023

Принята к публикации 29.01.2024

Participation of the Tatars of Seitov Posad in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article examines the participation of the Tatars of Seitov Posad, who were in the class of Cossacks (Orenburg Cossack Army) and Bashkirs (Bashkir-Meshcheryak Army) in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814. In particular, the combat path of the Seitov Tatars is examined, based on archival data, and information is provided on the number of Tatars who fought against Napoleon's army. The ratio of the Karin Tatars of Seitov Posad by regiments and clans has been established. Most of the Seitovites were involved in the Foreign Campaigns of 1813–1814; the participation of the Seitov Tatars in the Patriotic War of 1812 was noted only in the example of the Cossacks from the Moldavian Army.

Keywords: Seitov Posad, Seitov Tatars, Orenburg Cossack army, Orenburg Ataman Cossack Regiment, 3rd Orenburg Cossack Regiment, 8th Bashkir Regiment, Karin Tatars

For citation: Aminov R.R. Participation of the Tatars of Seitov Posad in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.* 2024, vol.14, no.1, pp.71–83. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.71-83> (In Russian)

REFERENCES

1. Aminov R.R. Land relations of the Tatars of Seitov posad of the Orenburg province in the second half of the 18th – mid-19th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2020, vol.10, no.2, pp.12–20. (In Russian)
2. Brazhnikov A.A. The combat path of the Nagaibak Cossacks in the Foreign campaign of the Russian army in 1813–1814. *Bulletin of Samara State University*. 2009, no.7 (73), pp.31–35. (In Russian)
3. Gatiyatullin Z. Bashkirs of the 9th and 10th cantons in the Patriotic War of 1812. *Vatandash*. 2013, no.4, pp.110–133. (In Russian)
4. Denisov D.N. *History of settlement and ethnocultural development of the Tatars of the Orenburg Territory (18th – early 20th centuries)*. Orenburg: Orenburg State Agrarian University Publ., 2006, 190 p. (In Russian)
5. Kobzov V.S. Our fellow countrymen – participants of the Patriotic War of 1812. *Law and order: history, theory, practice*. 2013, no.1 (1), pp.90–94. (In Russian)
6. Kortunov A.I. Orenburg Ataman Cossack Regiment as part of the Russian army in 1812–1814. *Humanistic heritage of enlighteners in culture and education. Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference*. Volume 2. Ufa: Akmulla Bashkir State Pedagogical Institute, 2011. Pp.230–232. (In Russian)
7. *Brief historical note on the participation of the Orenburg Cossacks in the Patriotic War of 1812–1814 with Napoleon*. Compiled by Major General Lobov. Orenburg: A.N. Gavrilov Publ., 1912. 27 p. (In Russian)
8. Kuznetsov V.A. *Irregular troops of the Orenburg region*. Samara– Chelyabinsk, 2008. 478 p. (In Russian)
9. Kuznetsov V.A. Participation of the Orenburg region in the Patriotic War of 1812. *Peoples of the Southern Urals on guard of the Motherland: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812, the 400th anniversary of the victory of the People's Militia of K. Minin and D. Pozharsky, 1150th anniversary of Russian statehood*. Ed. by V.V. Amelin. Orenburg: Orenburg State Agrarian University Publ., 2012. Pp.41–50. (In Russian)
10. Kuznetsov V.A. On the participation of regiments of the Orenburg region in the Patriotic War of 1812. *Law and order: history, theory, practice*. 2013, no.1 (1), pp.95–103. (In Russian)
11. Matvievsky P.E. Orenburg Territory in the Patriotic War of 1812. Historical essays. *Scientific notes of the Orenburg State Pedagogical Institute*. Vol.17. Orenburg, 1962. 184 p. (In Russian)
12. *Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army*. Vol.7. Orenburg: O. Yakovlev Publ., 1907. 472 p. (In Russian)
13. *Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army*. Vol.8. Orenburg: B.A. Breslin Publ., 1907. 520 p. (In Russian)
14. Mogilevsky N.A. *From Neman to the Seine: foreign campaign of the Russian army 1813–1814*. Moscow: Kuchkovo field Publ., 2012. 288 p. (In Russian)
15. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1*. Vol.22, no.16596. (In Russian)

16. Tepteev A.G. Participation of the Cossacks of the Nagaibak village in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813– 1814. *Law and order: history, theory, practice*. 2013, no.1 (1), pp.109–115. (In Russian)

17. Usmanov A.N. *Bashkir people in the Patriotic War of 1812*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1964. 136 p. (In Russian)

18. Yudin M.L. *Orenburg residents in the wars of 1812–1814*. Tashkent: Turkestan Military District Headquarters Publ., 1912. 54 p. (In Russian)

About the author:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Received December 26, 2023

Accepted for publication January 29, 2024

УДК 94(47).072.5

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.84-93

Татары и войска ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Выявление, изучение и популяризация материалов по военной истории коренных народов Российской Федерации остается одним из актуальнейших вопросов современной исторической науки. Цель исследования – рассказать о роли татарского народа в формировании войск ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Не менее важная задача – актуализация интереса к военной истории татарского народа в период Российской империи в целом, с поиском и выведением в публичное пространство имен героев и участников военных кампаний. Ведущим методом при исследовании данной проблемы стал комплексный подход, основанный на изучении разных видов источников. Материалы исследования: в работе задействованы специальные исторические исследования (монографии и научные статьи), опубликованные исторические источники первой четверти XIX века и справочные издания. Результаты и научная новизна работы: установлены факты участия татарского народа в формировании войск ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг., выявлены личности татарских меценатов из числа купцов, жертвовавших на нужды ополчения, татарских офицеров из числа дворян, служивших в войсках ополчения разных центральных губерний. Приводится биография ветерана рязанского ополчения, майора и кавалера, князя Асфендияра Муртазаевича Девлеткильдеева.

Ключевые слова: Ополчение, Отечественная война 1812 г., Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., татары меценаты, татарские офицеры, татары-ополченцы

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Татары и войска ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.84–93. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.84-93>

«Гроза двенадцатого года» явилась объединяющим народы России катастрофическим по своему масштабу событием. Ни одна война до этого не вызывала столь бурной реакции в обществе у всех сословий, в том числе и мистического характера, что отразилось и в народном творчестве [12, с.42–61]. Это касается подлинно народного характера войны, ведь все этносы, состоявшие в подданстве Российской империи, откликнулись на нее, и она стала действительно первой Отечественной.

В современной историографии вопросы участия народов России, в том числе и татар, в этой военной кампании часто становились предметом специального рассмотрения. Однако в центре внимания всегда находились иррегулярные войска, представители военно-служилого сословия (казаки, мещераки, башкирцы, тептяри), а также крымские и польско-литовские татары. Подробное изучение службы татар в регулярной армии еще только предстоит. Это же касается и народного (дворянского, земского) ополчения.

Под ополчением понимаются временные воинские формирования в составе российской армии, созданные на период войны. Земская милиция (первое ополчение) была организована еще в 1806 г., а после Тильзитского мира в 1807 г. распущена. После начала Отечественной войны император Александр I в Манифесте от 6 июля 1812 г. о сборе внутри государства земского ополчения призвал «собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкреплении первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» [10, с.521]. В документе определялся порядок формирования ополчения, способы его финансирования и обеспечения. Немаловажно подчеркнуть, что в манифесте содержалось также обязательство распустить ополчение по окончании военных действий.

В формировании ополчения приняли участие 16 губерний Европейской России, объединенных в три ополченских округа, а также 4 губернии Украины. В 1-й Московский округ вошли Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Тверская и Ярославская губернии. 2-й Петербургский округ составили Санкт-Петербургская и Новгородская губернии. 3-й Поволжский округ – Вятская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Пензенская и Симбирская губернии. Как видим, среди этих регионов довольно большой процент составили губернии с компактным расселением татар.

Как известно, основу ополчения составляли помещицы (крепостные) крестьяне, которые поступали в ополчение от лица помещика в виде пожертвования, при этом попытка самостоятельного поступления в ополчение с их стороны приравнивалась к побегу. Однако в указанных регионах доля татарских помещицких крестьян была минимальна. Наибольший их процент был в Оренбургской губернии, которая не была охвачена Манифестом. Так, например, в Пензенской губернии к началу 1812 г. численность мурзинских дворовых людей составляла всего 50 человек, из которых только 28 были мужчинами. При этом самих мурз и татар в регионе насчитывалось почти 28500 человек [5, с.27].

Кроме крепостных крестьян в ополчение вступали представители сословий ремесленников и мещане в силу самообязательства сословия. Желавшие поступить в ополчение добровольно должны были получить согласие градского (посадского) общества, предварительно уплатить все подати и оставаться на собственном иждивении на все время пребывания в ополчении. Кроме того, мещане допускались к занятию даже обер-офи-

церских должностей, из их числа комплектовался и унтер-офицерский состав. После окончания военных действий им разрешалось оставаться на военной службе [10, с.522].

О количестве выставляемых ополченцев из числа мещан и ремесленников решения принимались на всесословных собраниях городов. В Казани такое собрание состоялось 21 июля (2 августа) 1812 г. Проходили они и в Касимове Рязанской губернии с участием татар-мещан, и в Костроме с участием представителей татарской подгорной слободы. Широко известен факт, как казанская мещанка Нигабидуллина, отдав в ополчение старшего сына, пришла в татарскую ратушу просить, чтобы в казанское ополчение взяли и младшего сына [8, с.214–220]. Среди 6 человек, добровольно записавшихся в Вятское ополчение в городе Сарапуле, был и Абдулвакит (Абдулвахит) Сейфуллин [16, с.168]. В специально разработанных Правилах для скорейшего образования военного ополчения 3-го округа отмечалось, что возраст воинов должен быть от 17 до 45 лет, а обращать внимание нужно было на крепость телосложения, а именно «слабых ни в каком виде не принимать». При этом рост воинов не имел значения, «лишь бы не был карла». Также подчеркивалось: «людей не раздевать, не брить и к присяге не приводить, ибо воины не суть рекруты» [3, с.17].

Отдельный вопрос – пожертвования татарского мещанского общества, в особенности купечества, на нужды ополчения. Казанский гражданский губернатор Борис Мансуров поручил директору казанской гимназии профессору Яковкину сделать перевод императорского манифеста на татарский язык. Всего было напечатано 200 экземпляров татарского варианта манифеста, который рассылался татарам в Казани и по всей губернии. В своем донесении Мансуров отмечал, что «сие средство сделалось виною сильного впечатления на сердца сих иноверцев и открыло усерднейшее соревнование к пользам отечества» [1, с.6].

Как отмечает исследователь И. Валиуллин, еще до обнародования Манифеста, 3 июля 1812 г., татарская община Казани внесла 4 100 рублей на комплектование и обмундирование 2-го Костромского пехотного полка. 21 августа 1812 г. с гильдейских купцов, подчинявшихся Татарской городской ратуше, было поручено собрать 8360 рублей. Русское мещанское сословие Казани собрало в качестве пожертвований около 10 тысяч рублей [6, с.10–12]. Нужно иметь в виду, что, как верно заметил исследователь И. Файзрахманов, к началу войны с Францией большинство представителей казанского купечества всех трех гильдий отбыли по коммерческим делам на Макарьевскую ярмарку [15, с.173–174], где они внесли свой значительный вклад в формирование нижегородского ополчения. Исчерпывающую информацию в этом вопросе предоставляет «Список торговцев по татарскому ряду, пожертвовавших нижеозначенными суммами на настоящее ополчение, внесенными через казанского 1-й гильдии купца Мусу Измайлова Апанаева» [9, с.69–71]. Всего по татарскому ряду было собрано

5245 рублей. Интересно, что среди жертвователей были татары из самых разных регионов России и сословий:

– Астраханский первой гильдии купец Неяз Юсупов Измайлов, 1000 р. Дана особая квитанция.

– Арский купец Назир Баязитов, 400 р.

– Торговый татарин Батыр Аитов, 200 р.

– Малмыжский первой гильдии купец Муса Абдуллов Утямышев, 500 р. Дана особая [квитанция].

– Казанский первой гильдии купец Муса Апанаев, 500 р. Дана особая [квитанция].

– Бухарец Валея Ушалов, 500 р.

– Казанский первой гильдии купец Муса Адамов, 200 р.

– Касимовский Мурза Ахмет Деветьгилдеев, 200 р.

– Казанский купец Абдухарим Бакиров, 100 р.

– Арский купец Мухамет Рахим Валотов, 100 р.

– Арский купец Муртиза Бурнаев, 100 р.

– Казанский татарин Халит Амиров, 100 р.

– Касимовский¹ Тимор Пулит Макрютов, 100 р.

– Казанский купец Халит Беляев, 30 р.

– Казанский купец Муса Якупов, 25 р.

– Арский купец Хамза Губаев, 25 р.

– Арский купец Муса Назиров, 20 р.

– Арский купец Махмут Назиров, 25 р.

– Арский купец Абдул Халит Ибраев, 25 р.

– Арский купец Мухмин Тагиров, 25 р.

– Арский купец Сулеман Назиров, 25 р.

– Абзелил Галлеев, 25 р.

– Касимовский Салих Шакулов, 100 р.

– Бухарец Мустафа Ишиндаев, 25 р.

– Сеитовский первой гильдии купец Мухамет Гали Хабибулин, 100 р.

– Мамадышевский купец Мунисыл Аблаков, 25 р.

– Сеитовский Хабибула Габайдулин 25 р.

– Абдул Латиф Аббасов, 10 р.

– Казанский купец Габайдула Сукров, 50 р.

– Халит Исаков, 10 р. [9, с.69–71]

Были и другие татары, а также русские купцы, торговавшие в татарском ряду.

Казанское татарское купечество продолжало жертвовать на нужды ополчения и позже, в конце 1812 г. и в 1813 г. [6, с.11–12]. Также известна цифра пожертвований на пензенское ополчение, поступившая от местного татарского населения – 179 рублей 80 копеек [5, с.36]. Причем 130 рублей

¹ Здесь и далее не указано кто именно: купец, мурза, крестьянин и т.д.

внесли служилые татары деревень Нагорные Поляны, Большие и Сельские Полянки [5, с.107].

Особого упоминания достойно астраханское татарское купечество. Кроме выше наванного астраханского первой гильдии купца Неяза Юсупов[ича] Измайлова, внесшего 1000 рублей на нужды нижегородского ополчения на Макарьевской ярмарке, были и другие татарские купцы. В своем донесении министру полиции А.Д. Балашову от 28 июля 1812 г. астраханский гражданский губернатор С.С. Андреевский отмечал: «Собранное дворянство, чиновники, купечество, армянское сословие, татары и другие иноверцы... по выслушании высочайшего манифеста, на их языки переведенного, будучи преисполнены неограниченного усердия и рвения... воспламенились сильным желанием принести денежные пожертвования, вследствие чего открыта тотчас же общая подписка, по которой назначено: 1) Армянским обществом – 72765 руб., 2) Татарским – 21000, 3) Индийцами, персиянами и хивинцами, поселившимися навсегда в Астрахани, – 28850» [14, с.110–120]. Далее губернатор отдельно отмечает астраханских татар в этом деле. Так, по сообщению С.С. Андреевского, татарами, индийцами, персиянами и хивинцами «руководствовал» купец первой гильдии из татар Давыд Измайлов: «Он, пожертвовав от себя 10 тыс. руб., как примером своим, так и стараниями довел упоминаемых людей до того, что они назначили более 45 тыс. руб., да и во всяком случае, где только начальство желает сохранить или получить для казны пользу, сей почтенный гражданин есть почти необходимый человек, всегда доставляющий верный успех» [14, с.110–120].

Безусловно, самой привилегированной частью ополчения, из которой формировался офицерский состав, являлось собственно российское дворянство. При этом служба в ополчении рассматривалась ими не как повинность, а как самообязательство сословия. Татары-мусульмане из числа князей и мурз, успевшие к этому времени восстановить свои дворянские права, приняли самое деятельное участие в формировании офицерского корпуса войск ополчения.

Так, в «Списке Рязанского ополчения штаб и обер-офицерам, особенно отличившимся храбростью и мужеством в делах под крепостью Глогавом» 29 июня 1814 г., находим майора 1-го казачьего полка Рязанского ополчения князя Девлеткильдеева, награжденного орденом св. Владимира 4 степени с бантом за то, что «при вылазке неприятеля 1-го и 3-го декабря сражаясь с ним оказали мужество и неустрашимость и смелым наступлением, нанеся ему чувствительный вред, прогнали его до самых укреплений» [4, с.42–43].

Что же это за князь Девлеткильдеев? Князь *Асфендияр Муртазаевич (Александр Мартынович) Девлеткильдеев* родился в 1788 г. Майор и кавалер. В службу вступил в гвардейский Казанский полк унтер-офицером 20 декабря 1802 г.; пожалован: в портупей-юнкеры 30 апреля 1804 г., в корнеты 9 января 1805 г., в поручики 6 июня 1807 г.; переведен во 2-й Ка-

занский татарский полк ротмистром 6 июня 1809 г. [11, с.25]. По другим данным: 9 января 1805 г. поступил портупей-юнкером в Лейб-гвардии Казачий его величества полк, 6 июня 1809 г. в чине поручика переведен во 2-й Тептярский полк [7, с.533]. Далее переведен в Татарский Уланский полк – 20 ноября 1810 г.; отставлен «за ранами» майором с мундиром; в 1812 г. поступил в Конный полк Рязанского ополчения; участвовал в Заграничных походах, в 1814 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом; избран исправником в Касимовский земский суд 7 января 1816 г.; перемещен в Котельнический земский суд Вятской губернии 13 сентября 1826 г.; в Уржумский земский суд – 14 января 1828 г.; награжден 2-мя бриллиантовыми перстнями; перемещен в Нолинский земский суд 18 февраля 1831 г.; по болезни уволен 19 июня 1831 г. Участвовал в битве под Аустерлицем; с 6 марта по 18 апреля 1808 г. участвовал в блокаде Свеаборга; с 18 апреля по 5 мая в походе от Гельсингфорса к Або; с 25 мая по 15 июня – от Христианштадта до г. Воды; при отражении шведского десанта на Ботническом заливе у Христианштадта получил контузию от картечи в спину; с 6 по 23 августа 1810 г. был послан в Киргизскую степь для встречи каравана под командованием майора Моисеева; с 23 июля 1813 г. в заграничных походах. Имел медали: за войну 1812 г. и за взятие Парижа в 1814 г. Жена: Хайзар, дочь мурзы Салеха Шакулова [11, с.25].

Также отметим, что его родной брат князь Сеит-Баттал Муртазаевич Девлеткильдеев прошел всю войну и заграничные походы в Гродненском гусарском полку, отставлен в 1815 г. майором и кавалером.

В пензенском ополчении социальный состав офицеров также был преимущественно дворянским. За исключением лиц духовного звания, обер-офицерских детей и некоторых прочих, дворянами являлись 88,6% всех офицеров пензенского ополчения. При этом 1,1% из них происходили из татарских мурз, такой же процент указан и для группы «из дворян магометанского закона» [13, с.367–378].

В 3-м пехотном полку пензенского ополчения служили штабс-капитан Мансур Мамлеев и подпоручик Сейт Ефар Мамлеев, во 2-м пехотном полку пензенского ополчения – прапорщики Зебир Муратов и Мерсалим Муратов, а также известно о прапорщике пензенского ополчения Сеите Сафарове без указания полка [2, с.2, 16].

29 июля 1813 г. «за отличное усердие и труды» бывшие чиновники, определенные во 2-й пехотный полк пензенского ополчения, Зебир Муратов и Мерсалим Муратов были высочайшим указом возведены в чин прапорщиков [2, с.27].

Штабс-капитан 3-го пехотного полка пензенского ополчения князь Мамлеев был награжден 12 июня 1814 г. орденом св. Анны 3-го класса за то, что «при вылазке неприятеля из крепости Магдебурга декабря 19-го 1813 г., находясь в стрелках, отличал себя мужеством и расторопностью и ранен в руку» [2, с.35].

Таким образом, татарский народ поддержал войска ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. как материально, так и участием своих героических сыновей. Удалось установить личности татарских меценатов из числа купцов, жертвовавших на нужды ополчения в период войны и заграничных походов. Не менее важная задача – установить фамилии татарских офицеров из числа дворян, служивших в войсках ополчения разных центральных губерний. Особняком среди этих офицеров выделяется биография ветерана рязанского ополчения, майора и кавалера, князя Асфендияра Муртазаевича Девлеткильдеева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анухтин В.Р.* Казанское дворянское ополчение 1812–1813–1814 гг.: очерк и материалы о формировании, передвижении, военных действиях Казанско-Вятской народной военной силы и о пожертвованиях казанского дворянства в Отечественную войну. М.: Типография В.И. Воронова, 1912. 68 с.
2. *Анухтин В.Р.* Краткий очерк истории сформирования и действий Пензенского дворянского ополчения в Отечественную и Освободительную войны 1812–1814 годов. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 48 с.
3. *Анухтин В.Р.* Нижегородское дворянское ополчение 1812–1814 гг.: краткий очерк и материалы о сформировании Нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границей. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 65 с.
4. *Анухтин В.Р.* Рязанское дворянское ополчение 1812–1814 гг.: очерк и материалы о формировании и передвижении в 1812 г. и о военных действиях Рязанского ополчения за границей в 1813 г. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 76 с.
5. *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в «эпоху Отечественной войны 1812 г.». Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 312 с.
6. *Валиуллин И.* «На жертвование в пользу Отечества» (Татарская община г. Казани в 1812 г.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. №1. С.9–12.
7. [*Жеребков А.Г.*] История Лейб-гвардии Казачьего его величества полка. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. 636 с.
8. *Лопина И.Ю.* Социально-классовый состав земского ополчения России 1812–1814 годов (на примере ополчений 3-го округа) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №71. С.214–220.
9. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сборник документов / сост.: Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Н.Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.
10. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 880 с.
11. *Рындин И.Ж.* Кн. Асфендияр Муртазаевич (Александр Мартынович) [Девлеткильдеев] // Материалы и исследования по Рязанскому краеведению. Т.10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии.

Вып. 3: Давыдовские - Исленьевы. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2008. 409 с.

12. *Сазонова Л.И.* Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. Март (№2). С.42–61.

13. *Спиридонова Л.М.* Социальный облик офицеров Пензенского ополчения 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции, 5–7 сентября 2011 г. / сост. А.В. Горбунов. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2012. С.367–378.

14. *Соколов А.Р.* Материальная помощь населения России армии в 1812 году // Вопросы истории. 1998. №9. С.110–120.

15. *Файзрахманов И.З.* Татары в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сборник. 2012. №2. С.172–181.

16. *Фоминых А.А.* Опыт совместной работы над историческими телевизионными передачами сотрудников архива и сотрудников телевидения // Роль архивов в популяризации исторического наследия России и Вятского края, формировании общенационального единства, гражданственности и патриотизма: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Киров, 12 декабря 2018) / КОГБУ «ЦГАКО». Киров: ООО «Веси», 2018. С.162–175.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; ScopusID: 56707127600; e-mail: xalimabd@mail.ru

Поступила 21.11.2023

Принята к публикации 07.02.2024

Tatars and militia troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Identification, study and popularization of materials on the military history of the indigenous peoples of the Russian Federation remains one of the most pressing issues of modern historical science. The purpose of the study is to tell about the role of the Tatar people in the formation of militia troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814. An equally important task is to actualize interest in the military history of the Tatar people during the period of the Russian Empire as a whole, with the search and bringing into the public space the names of heroes and participants in mili-

tary campaigns. A comprehensive approach based on the study of different types of sources has become the leading method for investigating this problem. Research materials: the work involves special historical studies (monographs and scientific articles); published historical sources of the first quarter of the 19th century and reference publications. The results and scientific novelty of the work: the facts of the wide participation of the Tatar people in the formation of militia troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814 were established, the personalities of Tatar philanthropists from among merchants who donated to the needs of the militia, Tatar officers from among the nobles who served in the militia troops of different central provinces were established. The biography of a veteran of the Ryazan militia, major and cavalier, Prince Asfendiyar Murtazaevich Devletkildeev is given.

Keywords: Militia, Patriotic War of 1812, Foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814, Tatars philanthropists, Tatar officers, Tatar militiamen

For citation: Abdullin Kh.M. Tatars and militia troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.84–93. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.84-93> (In Russian)

REFERENCES

1. Apukhtin V.R. *The Kazan noble militia of 1812–1813–1814: an essay and materials on the formation, movement, and military operations of the Kazan-Vyatka people's military force and on donations of the Kazan nobility in the Patriotic War*. Moscow: Voronov Publ., 1912. 68 p. (In Russian)
2. Apukhtin V.R. *A brief outline of the history of the formation and actions of the Penza noble militia in the Patriotic and Liberation Wars of 1812–1814*. Moscow: Yakovlev Publ., 1912. 48 p. (In Russian)
3. Apukhtin V.R. *Nizhny Novgorod noble militia of 1812–1814: a brief essay and materials on the formation of the Nizhny Novgorod military force and on the actions of the regiments of the Nizhny Novgorod militia in 1813 abroad*. Moscow: Yakovlev Publ. 65 p. (In Russian)
4. Apukhtin V.R. *Ryazan noble militia of 1812–1814: an essay and materials on the formation and movement in 1812 and on the military actions of the Ryazan militia abroad in 1813*. Moscow: Yakovlev Publ. 76 p. (In Russian)
5. Belousov S.V. *Penza province in the "era of the Patriotic War of 1812"*. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2016. 312 p. (In Russian)
6. Valiullin I. "For a donation in favor of the Fatherland" (The Tatar community of Kazan in 1812). *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2009, no.1, pp.9–12. (In Russian)
7. Zherebkov A.G. *The history of the Life Guards of His Majesty's Cossack regiment*. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1876. 636 p. (In Russian)
8. Lapina I.Y. Socio-class composition of the zemstvo militia of Russia in 1812–1814 (on the example of the militias of the 3rd district). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008, no. 71, pp.214–220. (In Russian)

9. *Nizhny Novgorod province in the era of the Patriotic War of 1812: a collection of documents*. Compiled by E.E. Lebedev, D.S. Mochalov, Ya.M. Khoroshkin. Nizhny Novgorod: Committee for Archives of the Nizhny Novgorod region, 2012. 360 p. (In Russian)

10. *The Patriotic War of 1812*. Encyclopedia. Moscow: Russian political encyclopedia Publ., 2004. 880 p. (In Russian)

11. Ryndin I.J. Prince Asfendiyar Murtazaevich (Alexander Martynovich) Devletkildeev. *Materials and research on Ryazan local history*. Vol.10: Materials on the history and genealogy of noble families of the Ryazan province. No.3: Davydovskiye – Islenyovy. Ryazan: Ryazan Institute for Educational Development Publ., 2008. 409 p. (In Russian)

12. Sazonova L.I. The legend of Napoleon the Antichrist: the Old Believer version of the anti-Napoleonic myth. *Slavonic Studies*. 2012. March (no. 2), pp.42–61. (In Russian)

13. Spiridonova L.M. Social image of officers of the Penza militia of 1812. *Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the 17th International Scientific Conference, September 5–7, 2011*. Compiled by A.V. Gorbunov. Mozhaisk: State Borodino Military Historical Museum-Reserve, 2012. Pp.367–378.

14. Sokolov A.R. Material assistance of the population of Russia to the army in 1812. *Questions of history*. 1998, no. 9, pp.110–120. (In Russian)

15. Fayzrakhmanov I.Z. Tatars in the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of 1813–1814. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2012, no. 2, pp.172–181. (In Russian)

16. Fominykh A.A. Experience of joint work on historical television broadcasts by archive staff and television staff. *The role of archives in popularizing the historical heritage of Russia and the Vyatka Region, the formation of national unity, citizenship and patriotism*: Materials of the Interregional scientific and Practical Conference (Kirov, December 12, 2018). Kirov: Vesi Publ., 2018. Pp.162–175. (In Russian)

About the author:

Abdullin Khalim Minnullovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600; e-mail: xalimabd@mail.ru

Received November 21, 2023

Accepted for publication February 7, 2024

УДК 94(470)575

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.94-108

Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.)*

Г.С. Султангалиева

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Алматы, Республика Казахстан*

Цель данной статьи – раскрыть отдельные сюжеты включения татарских переводчиков и толмачей Оренбургской Пограничной комиссии в дипломатическую деятельность в Хивинском ханстве. По долгу службы и знаний восточных языков толмач Мухамет-Шариф Аитов, переводчики Искендер и Сулейман Батыршины выполняли коммуникативные функции между посольствами хивинского хана в Оренбурге и региональной администрацией и сопровождали русские дипломатические миссии в Хиву и хивинские посольства в Санкт-Петербург. Результатом их дипломатической деятельности стали научные сведения о внутривосточном и международном положении Хивы, что позволило региональной администрации и Центру вырабатывать стратегии действий и принимать определенные решения. Статья основана на архивных документах, извлеченных из фондов центральных архивов Казахстана и России, и исторической литературы.

Ключевые слова: дипломатическая деятельность, татарские переводчики, толмачи, Хива, Оренбургская Пограничная комиссия

Для цитирования: Султангалиева Г.С. Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.94–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.94-108>

Образование Оренбургской губернии (1744 г.) и Оренбурга как политико-административного центра управления обширным регионом стало констатацией факта продвижения границы имперской России к кочевьям казахов Младшего и части Среднего жузов. Это стало шагом в развитии новых направлений политики регионов и Центра в отношении среднеазиатских ханств. Подтверждением стал следующий факт: оренбургский губернатор, наряду с задачей установления сотрудничества с местным населением обширного полиэтничного Оренбургского края (казахами, башкирами, татарами и др.), был наделен широкими полномочиями по установлению дипломатических и торговых взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами и использовал их. Оренбург постепенно превращался в

* Статья подготовлена в рамках проекта ИРН №14871932.

опорный пункт внешней торговли Российской империи со странами Среднего Востока, а Оренбургская таможня – в одно из крупных учреждений в империи. Подтвердить это может факт, что на Меновой двор Оренбурга съезжались не только представители из Степи или Средней Азии, но и из Афганистана, Персии, Китая и других стран.

В этом ракурсе обозначилась роль переводчиков, толмачей и писарей Оренбургской губернской канцелярии. Укомплектование штатного расписания толмачами и переводчиками из русских чиновников на окраине империи, которые знали бы восточные языки, было проблематично и дорого для государственной казны. В связи с этим представители татарского населения Волго-Уральского региона, в силу знания ими быта, культуры и казахского языка, имели возможность естественным образом выполнять дипломатические функции, участвуя в регулярных встречах региональных властей с представителями казахской знати (ханами, султанами, биями, старшинами), включаться в разные дипломатические миссии империи в соседние среднеазиатские ханства, доставлять сведения о внутривосточном и международном положении, взаимодействии их с казахским кочевым народом. В документах первой половины XVIII в. татарские толмачи отмечены как лица, которые участвовали в установлении сотрудничества между оренбургской администрацией и казахской элитой Младшего и Среднего жузов. В первой половине XVIII в. деятельность татарских толмачей – Араслана Бекметева, Романа [Рахманкула] Уразлина, Уразая Абдуллина – началась под руководством начальника Оренбургской экспедиции Ивана Кирилловича Кирилова (1734–1737). Они хорошо знали хана Младшего жуза Абулхайра (1710–1748), его окружение, влиятельных казахских султанов, биев, старшин и могли своевременно информировать региональные власти о настроениях казахской знати, характере взаимоотношений между ними, местах их кочевий, маршрутах и т.д. Российская администрация понимала, что коммуникативные функции должны исполнять лица, которые не вызывали бы отторжение у представителей местной знати, а наоборот, вызывали бы доверие в отношениях между ними. И это не случайно, так как в лице татар, как подчеркивал известный востоковед Василий Владимирович Бартольд, русское правительство в XVI–XVII вв. располагало готовыми кадрами переводчиков. По сути, российской властью был восстановлен исторический опыт использования татар в качестве переводчиков, толмачей в странах Передней Азии в XVI–XVII вв. [2, с.182]. При этом интересно отметить, что термин «толмач»¹ появился в дипломатической практике Московского государства, начиная с 1470-х гг. В это же время были засвидетельствованы и выражения «королев толмач», «солтанов толмач», «государев толмач», «ханский толмач», означающие профессиональные наименования лиц, сопровождавших послов, послан-

¹ Толмач – переводчик, кто изъясняет, переводит взаимный разговор двух или более говорящих различными языками.

ников и гонцов во время посольств, выполнявших обязанности устных переводчиков на переговорах, в официальных беседах с иностранными послами, приезжавшими в Москву [20, с.120–121]. Роль переводчиков, толмачей восточного происхождения Посольского приказа в XVI – начале XVIII в. рассматривалась историком Андреем Беляковым [3; 4; 5; 6]. На основе архивных документов им установлено, что долгое время переводы с восточных языков осуществляли представители семей служилых татар, для которых такая служба была наследственной [3, с.26–39]. О большом интересе к изучению деятельности переводчиков, толмачей свидетельствуют конференции под общим названием «Переводчики и переводы конца XVI – начала XVIII столетия», проведенные Институтом российской истории РАН в 2019 и 2023 гг. [14; 15]. К сожалению, материалы вышеназванных конференций ограничены только началом XVIII в., в связи с чем не представлены исследования о дипломатической роли переводчиков и толмачей в Казахской степи и среднеазиатских ханствах, начиная с 30-х гг. XVIII в. до первой половины XIX в. Вместе с тем создание Оренбургской губернии и продвижение территории Российской империи в направлении Младшего, Среднего, Старшего жузов и среднеазиатских ханств потребовало расширение штата толмачей и переводчиков как в Коллегии иностранных дел, так и в губернской канцелярии.

Неслучайно 29 июля 1770 г. Екатерина II утвердила доклад Сената «О имени в Оренбургской губернии переводчиков и толмачей», расширявший штат толмачей до 3 единиц и 1 переводчика с калмыцкого языка, а 11 июня 1784 г. – о необходимости установления жалования переводчикам, толмачам и муллам, служившим на Сибирской линии [16, с.99–100].

Деятельность переводчиков, толмачей обуславливалась ролью Оренбургского региона в восточной политике империи, от них требовалось знание не только «тюрки», но и большие познания в других восточных языках. Председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.П. Веселицкий (1817–1820) отмечал, что канцелярии местной администрации «нужны знающие восточные языки, особенно для перевода письма»². Подготовка молодых юношей из местного населения региона стала одним из направлений деятельности оренбургской администрации. Ими были открыты Азиатские школы, кадетские корпуса в Оренбурге и Омске, где уделялось большое внимание лингвистической подготовке воспитанников. Более того, предусматривалась возможность отправки в Казань. Так, выпускники Омской Азиатской школы Уразгали Курбанаков, Айса Бикмаев, младший брат переводчика Ибниамина Бикмаева, в 1823 г. были отправлены в Казанскую гимназию для углубления знаний по восточным языкам

² Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.209. Л.3.

и стали специалистами, знающими «...татарский, персидский и арабский языки»³.

Конечно, требования региональной администрации к квалификации переводчиков своих ведомств имели определенный резон. В первой половине XIX в. роль Оренбурга особенно возросла в связи с проникновением английских разведывательных миссий в Центральную Азию и сопредельных с ней стран, территории которых в стратегических планах Британского правительства рассматривались как потенциально выгодные рынки сбыта для английских промышленных товаров и удобный плацдарм дальнейших военно-политических действий в этом регионе.

Знаменательно, что в этот период в Оренбурге работали такие известные деятели, как В.А. Перовский, оренбургский губернатор (с 1833 по 1842 г. и с 1851 по 1857 г.), Г.Ф. Генс (1825–1844), известный востоковед В.В. Григорьев (1852–1859) – председатели Оренбургской пограничной комиссии (созд. в 1799 г.). Масштаб их деятельности, естественно, влиял на чиновников всех уровней региональной администрации, в том числе на переводчиков и толмачей, которые включались в новые направления региональной политики, в новые сферы приложения своих знаний и в новые проекты по реализации стратегических замыслов русского правительства в отношении Степи и среднеазиатских ханств.

В стратегических планах Российской империи особая роль отводилась Хивинскому ханству, так как через эту территорию можно было выйти к торговым путям, ведущим в соседние среднеазиатские ханства (Бухара, Коканд), что делало ее весьма важной для российско-среднеазиатской торговли. В первой половине XIX в. отношения между Россией и Хивой, несмотря на развитие торговых контактов, были напряженными. Одной из причин являлось разграничение сфер влияния в казахских степях. Несмотря на то, что пограничные с Хивинским ханством казахские земли находились в течение почти столетия в составе имперской России, правители Хивы претендовали на контроль над казахскими родами, кочующими вдоль побережья Каспийского моря. Обострению отношений способствовали и нападения хивинцев на торговые караваны, следовавшие из Оренбурга в Бухару и в обратном направлении. Хивинские власти пытались контролировать эти торговые тракты, взимать пошлины с караванов, идущих с товарами [17, с.46–48]. Вопрос о русских пленниках, находившихся в Хиве, и механизм их освобождения являлись также ключевыми в отношениях между странами.

В 1818 г. поручик Башкиро-Мещеряжского войска Абдулнасыр Субханкулов был отправлен с секретной миссией в Хиву, чтобы решить вопрос с хивинским ханом о взаимной охране торговых караванов и по возможности добиться от Хивы возмещения убытка российским купцам,

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.И-4. Оп.1. Д.2526.

ограбленным хивинцами [22, с.17–23; 23, с.64–69]. Но здесь российского посланника встретили крайне недружелюбно, и вопрос об охране торговых путей не был решен. Однако поручик А. Субханкулов предоставил исторический материал, который способствовал расширению представлений российских властей о Хиве, занятиях хивинцев, а также о событиях, происходивших в это время в регионе [9, с.206–218].

Практически через год, в 1819 г., была послана следующая экспедиция с переводчиком Оренбургской губернской канцелярии Мендияром Бекчуриным с целью урегулирования торговых взаимоотношений с Хивой. М. Бекчурин должен был передать хивинскому визирю письмо от министра иностранных дел Российской империи Карла Нессельроде (1816–1856), утвержденное императором Александром I. Однако хивинский хан Мухаммад Рахим (1806–1825) проигнорировал это послание, отправив М. Бекчурина обратно без официального ответа [21, с.140–142].

В 1836 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский писал директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. Родофиникину, что хивинцы «испытывают свои силы и способы» и распоряжаются «в орде как дома», считая казахов своими подданными, «с небывалой смелостью распространяют влияние свое на роды, которые даже не подходят никогда к пределам Хивы» [12, с.277]. Свидетельством этого явилось обращение в первой половине XIX в. казахского населения Западной части Оренбургского ведомства к региональной администрации с просьбой защитить их от притязаний хивинцев, которые продолжали собирать закят у них и, более того, пытались расширить пространство своих притязаний и на казахские роды, кочующие в 200 верстах от пограничной линии [12, с.347–353].

Кроме того, Хива отказывалась выдавать русских пленных, несмотря на требования российских властей. Не добившись согласия хивинского хана на их освобождение, русское правительство задержало в 1836 г. всех находившихся в России хивинских купцов, конфисковав их имущество. После неудачных переговоров, происходивших на протяжении 1837–1838 гг., царское правительство решило добиться выполнения своих требований вооруженной силой, поэтому был поддержан проект о военном походе в Хиву, инициированный В.А. Перовским.

16 февраля 1839 г. был утвержден план подготовки и организации военной экспедиции в Хиву. Оренбургская администрация разработала маршрут следования экспедиции. Из-за ограниченности финансового обеспечения Хивинской экспедиции было принято решение о найме верблюдов у казахского населения Западной части Оренбургского ведомства вместо их покупки. К таким многочисленным родам, как табын, адай, кете, жакаим, «для лучшего успеха» был отправлен в начале ноября толмач Оренбургской Пограничной комиссии Мухамед-Шариф Аитов (из дворян Оренбургской губернии) «для доставки 2 тысяч верблюдов». Однако «убеждениями в весьма трудном деле» Аитов сумел собрать

только 500 верблюдов, которых ждали отряды экспедиции в Эмбенском укреплении. В связи с отсутствием денежных средств М.-Ш. Аитов не сумел расплатиться с казахами за «найм верблюдов», за что был пленен казахами рода адай, берш и отправлен в Хиву⁴. Дореволюционный исследователь военных походов российского правительства Михаил Иванин расценивал этот поступок казахов по отношению к чиновнику Пограничной комиссии как доказательство того, что казахи находились «более под влиянием хивинцев», чем Империи [11].

В период пребывания толмача Оренбургской пограничной комиссии М.-Ш. Аитова в качестве пленного в Хиве (до августа 1840 г.) хивинский хан Аллакули (1826–1842) принимал его дважды. В результате переговоров толмач М.-Ш. Аитов в августе 1840 г. был отпущен из плена и привез в Оренбург письмо от хивинского хана В.А. Перовскому и именной подарок – серебряный нож с ручкой из слоновой кости как символ урегулирования конфликта⁵. Дипломатическая деятельность М.-Ш. Аитова в Хиве проявилась и в том, что он сумел убедить хивинского хана отпустить русских пленных, которые через Ново-Александровское укрепление прибыли в Оренбург. Более того, им были собраны сведения внутренней жизни Хивинского ханства, представлявшие определенный интерес для правительства – по данным его послужного списка, в сентябре 1840 г. «за отличные действия в период плена произведен в поручики»⁶. 29 сентября 1840 г. он был командирован в Санкт-Петербург для сопровождения посла хивинского хана, крупного чиновника Хивинского ханства Атанияз ходжу к императорскому двору. Миссия была выполнена успешно, и в феврале 1841 г. М.-Ш. Аитов возвратился в Оренбург⁷.

В мае 1841 г. поручик М.-Ш. Аитов, как человек, знающий лично хивинского хана и его окружение, был включен в состав дипломатической миссии капитана П. Никифорова, выехавшего из Оренбурга в Хиву. В инструкции, данной В.А. Перовским, четко определена цель миссии капитана П. Никифорова и план действий. Во-первых, он должен был объяснить хивинскому хану Аллакули, что Россия не позволит хивинцам по-прежнему собирать дань с казахов к северу от реки Эмбы, так как считает их своими подданными. Во-вторых, нужно потребовать от хана признания за Россией прав на весь восточный берег Каспийского моря. В данной инструкции В.А. Перовский подчеркивал, что П. Никифоров должен был внушить хивинскому хану необходимость оставления при нем толмача М.-Ш. Аитова «как русского чиновника, поелику таковые находятся при всех независимых владельцах» [19]. В.А. Перовский исходил из того, что от английского правительства в качестве посланника при

⁴ ОГАОО. Ф.167. Оп.1. Д.24. Л.7–28 об.

⁵ Там же. Л.22.

⁶ ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.2786. Л.3 об.

⁷ Там же. Л.1–12.

хивинском хане в 1840 г. был назначен капитан Р. Шекспир [19, с.142]. Выбор фигуры толмача Пограничной комиссии М.-Ш. Аитова как представителя Российской империи в Хивинском ханстве свидетельствовал о доверительном отношении оренбургского губернатора к нему, о высокой оценке его знаний восточных языков, о признании за ним дипломатических способностей, ибо на него возлагалась важная миссия. Однако хивинский хан принял миссию П. Никифорова настороженно и не согласился на присутствие поручика М.-Ш. Аитова при хивинском дворе. Несмотря на решение хивинского хана, капитан П. Никифоров на основе предписаний министра иностранных дел и Оренбургского военного губернатора поручил М.-Ш. Аитову остаться на несколько месяцев в Хиве, но вначале выехать в Бухару под видом «отправления по делам службы», позже вернуться в Хиву под предлогом возвращения в Оренбург и «разведать о видах английского правительства в Хиве» [19, с.141–142].

Значимость роли толмача М.-Ш. Аитова в дальнейшем развитии взаимоотношений Хивы и Российской империи проявилась и позже, когда он был назначен приставом при представителе хивинского хана в Оренбурге – Ишбае Бабаеве – и сопровождал хивинских посланников в Санкт-Петербург. Дело в том, что российские власти в конце 40-х гг. XIX в. стали укреплять свои позиции на подступах к среднеазиатским ханствам, создавая опорные пункты для «расширения торговых связей и политических действий». В 1847 г. на путях, ведущих к ханствам с северо-запада и северо-востока, были заложены два укрепления: Раимское (близ устья Сырдарьи) и Копал (у Семиреченского Алатау). В ответ на практические действия российского правительства в Оренбурге появились посланники Хивы для выяснения целей строительства укрепления на р. Сырдарье и требовали отправки в Хиву российского чиновника, который лично мог бы уверить хана, что построение укрепления в Степи «не может иметь никаких последствий в отношении влияния России на Хивинское ханство». В контексте этих событий интерес представляет докладная записка штабс-капитана М.-Ш. Аитова «О командировании чиновника в Хиву» председателю Оренбургской пограничной комиссии от 12 октября 1848 г.⁸

Беспокойство хивинского хана, по мнению М.-Ш. Аитова, вызвало и то, что казахи, кочевавшие близ Хивы, которых он считал своими подданными, удалились и стали кочевать недалеко от Раимского укрепления. В ответ на это хивинцы стали нападать на казахские кочевья и грабить их. Подозрение хивинского хана, что укрепление «...есть предшествование владычества России над Хивой», по прогнозам М.-Ш. Аитова, ухудшило ситуацию в Степи, ибо Хива стала принимать всевозможные меры, чтобы подчинить казахское население своей власти, «...для сего будет возмущать или притеснять их». Исходя из этого, М.-Ш. Аитов рекомендовал

⁸ ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.414. Л.68–71 об.

председателю Пограничной комиссии М.В. Ладыженскому (1844–1853) принять меры и немедленно послать российского чиновника в Хиву. М.-Ш. Аитов, исходя из своего опыта, а именно неоднократного пребывания в Хиве и постоянного общения с хивинскими послами в Оренбурге и в Санкт-Петербурге (сопровождал их в 1844 г.), объяснял, почему хивинцы требуют личного объяснения от русского чиновника и им недостаточно официального письма, так как «не имеющие на письме никаких дел, едва ли могут принять за существенную истину, что-либо письменно им сообщенное». В своей докладной записке он подчеркивал, что «если для достоинства России непристойно назначить чиновника от высшего правительства, то, по крайней мере, от имени главного начальника Оренбургского края». При этом российский чиновник должен был внушить хивинскому хану, что укрепление построено в Степи «с целью обезопасить проходы азиатских караванов и восстановить спокойствие между казахами, которые грабили караваны или взыскивали непомерную пошлину»⁹.

М.-Ш. Аитов, прослужив в штате Пограничной комиссии около сорока лет, вышел в отставку 28 июня 1856 г. «с мундиром и пенсионом». Согласно ст. 527 «о военных чинах заслуги за службу» пенсия была назначена по чину штабс-капитана, а не по разряду, к которому относилась занимаемая им должность¹⁰.

Дипломатическая деятельность переводчиков и толмачей Пограничной комиссии со второй половины XIX в. прослеживается уже и через другие исторические фигуры. С середины 40-х гг. XIX в. в штате Пограничной комиссии работали на должности переводчиков братья Искендер и Сулейман Батыршины (из дворян Оренбургской губернии). Младший переводчик Искендер Батыршин по поручению председателя Пограничной комиссии М.В. Ладыженского в 1852 г. составил две служебные записки о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ирмухамеде [Илекее] Касымове [10, с.300–318]. Записки были составлены на основе расспроса и бесед с потомком хана Младшего жуза Абулхайра (1718–1748), правнука хана Ералы (1791–1794) султана Ермухамеда Касымова, который хорошо знал хивинского хана Мухамед Эмина и находился под его патронатом с 1847 г., но через два года по навету придворных советников был заключен в тюрьму, откуда он смог бежать в январе 1852 г. на Оренбургскую пограничную линию. Появление столь загадочной и влиятельной фигуры в Оренбурге вызвало интерес В.А. Перовского, который поручил председателю Пограничной комиссии собрать подробные сведения о казахском султанине Ирмухамеде Касымове и составить характеристику о нем. Нужно отметить, что И. Батыршин отнесся к поручению

⁹ ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.414. Л.70–71 об.

¹⁰ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.7230. Л.1–21 об.; ЦГА РК. Ф.И-4. Оп.1. Д.2786; Д.2728.

основательно, он не только опирался на сведения, данные Е. Касымовым о Хиве, казахских родах, кочующих вдоль Сырдарьи, но и на архивные дела Комиссии и опрос очевидцев этого времени, а именно хорунжего Башкирского войска Карамышева и казахского заседателя Пограничной комиссии султана Тлеукабыла Абултаева [10, с.318]. Широкий кругозор переводчика И. Батыршина, личное знакомство с представителями казахской кочевой элиты позволило ему представить региональной администрации системную информацию о внутривосточном положении Хивинского ханства и характере взаимоотношений с казахами Младшего жуза. Большая ценность представленной «Записки» для региональной администрации и Центра состояла в том, что И. Батыршин дал подробное описание маршрута для прохода регулярных войск империи в Хиву через Казахские степи с указанием рек, колодцев, оврагов, кладбищ и расстояний между ними.

16 мая 1853 г. И. Батыршин был зачислен в военный отряд В.А. Перовского, который двигался вверх по течению Сырдарьи от Раимского укрепления до крепости Ак Мечеть «для обозрения укреплений и устройства вообще дел на Сыре»¹¹. Во время своего участия в качестве переводчика в военном походе И. Батыршин вел дневник, который включал сведения о кочующих вдоль Уральского (созд. в 1845 г.) и Раимского (1847 г.) укреплений, Карабутацкого форпоста (1847 г.), казахских родах, взаимоотношениях, кочующих вдоль Сырдарьи с Хивой казахов, маршрутах хивинских караванов и т.д. [13, с.300–362].

Старший переводчик Пограничной комиссии Сулейман Батыршин также участвовал в подготовке военного похода В.А. Перовского в 1853 г. Согласно данным послужного списка С. Батыршина, он был командирован в Степь «для скорейшего найма верблюдов» у ордынцев «под транспортировку казенного провианта». За оперативность действий и своевременную поставку гужевого транспорта в 1854 г. был произведен в титулярные советники со старшинством¹². 16 октября 1857 г. указом Александра II было утверждено предложение министра иностранных дел А.М. Горчакова об отправке русского посольства в Хиву и Бухару. Дело в том, что 20 июля 1857 г. в Оренбург прибыло посольство от хивинского хана в количестве 16 человек с подарками (двумя аргамаками) для императора Александра II. Этот шаг со стороны Хивы был расценен региональной администрацией и Санкт-Петербургом как начало урегулирования дипломатических отношений. Вполне возможно, что во время пребывания хивинского посольства в Оренбурге переводческие функции осуществлял старший переводчик Пограничной комиссии И. Батыршин, так как 20 апреля 1858 г. по рекомендации оренбургского губернатора А. Катенина С. Батыршин был включен в состав военно-дипломатической миссии

¹¹ ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.2761. Л.11 об.

¹² ЦГА РК. Ф.И-25. Оп.5. Д.245. Л.46–60.

флигель-адъютанта Н.П. Игнатъева в Хиву и Бухару в качестве драгомана, т.е. переводчика восточных языков. Членом экспедиции стал и прапорщик Военно-топографического департамента Генерального штаба А.С. Муренко, благодаря которому были запечатлены участники данной дипломатической миссии [1]. В мае 1858 г. из Оренбурга путь экспедиции проходил через Эмбенское укрепление, по западному берегу Арала и далее в Хиву. Сулейману Батыршину эти просторы казахских кочевий были известны, так как он неоднократно командировался в Степь по разным поручениям, лично знал многих влиятельных родоправителей. Основная задача миссии в Хиве – получить разрешение хивинского хана на право свободного плавания торговым русским судам по реке Амударья и постоянного пребывания торгового агента Российской империи в Хиве, однако этот вопрос не был решен [8, с.420–474]. 22 августа 1858 г. С. Батыршин был награжден знаком отличия за беспорочную службу. Дипломатические способности С.Батыршина проявились и в 1859 г., когда он распоряжением оренбургского губернатора был назначен приставом при бухарском посольстве для сопровождения их в Санкт-Петербург к высочайшему двору¹³. В дальнейшем судьба С. Батыршина претерпела ряд сложностей [18, с.151–179]. По сведениям известного исследователя А.И. Добромыслова, С. Батыршин был оклеветан муллою Курманом перед военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзекком и сослан в Уфимскую губернию, затем в г. Онегу Архангельской губернии, где пробыл 5 лет, затем получил прощение и право службы. В последние годы жизни занимал должность члена городской управы г. Ташкента [7, с. 470].

Роль Оренбурга как опорного центра в проведении центрально-азиатской политики Российской империи расширяла сферу деятельности татарских переводчиков Пограничной комиссии. Уникальное расположение региона, его отдаленность от Санкт-Петербурга ставили перед оренбургскими губернаторами отличные от внутренних губерний задачи.

Оренбургский губернатор имел право принимать официальные посольства среднеазиатских ханств и других стран Среднего Востока. Исследование позволило установить, что для приема этих посольств в Оренбурге не отправлялись переводчики Азиатского департамента министерства иностранных дел. Дипломатическую деятельность выполняли татарские переводчики и толмачи Оренбургской пограничной комиссии. Они присутствовали на встречах посольств, получали полную информацию о лицах, входящих в посольство, способствовали организации приема посольств оренбургской администрацией, находились в постоянном общении с членами посольства, сопровождали посольства до Санкт-Петербурга, если в составе их посольства не было своего переводчика. От компетенции и деятельности переводчиков Пограничной комиссии во многом зависело не только осуществление международного общения, но

¹³ ЦГА РК. Ф.И-25. Оп.5. Д.245. Л.46–60.

получение «нужной информации» о характере и назначении посольств, о влиятельных чиновниках, о численности, боеготовности армии сопредельных государств, что способствовало формированию стратегии и тактики региональной администрации и Центра по отношению к среднеазиатским ханствам.

Татарские переводчики и толмачи входили, конечно, в число особо ценных чиновников региональной администрации. Кроме жалования они получали вознаграждения и подарки от российского правительства в ходе дипломатической деятельности, что являлось признанием важности их услуг. Татарские переводчики, осуществляя международное коммуникативное посредничество, вносили вклад в развитие дипломатических контактов и торгово-экономических отношений между странами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбом фотографий миссии полковника Н.П. Игнатъева в Хиву и Бухару 1858 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Ignatiev/text7.phtml> (дата обращения: 17.10.2023).

2. *Бартольд В.* История изучения Востока в Европе и России. Л.: Ленинградский гублит, 1925. 338 с.

3. *Беляков А.* Устокасимовы: переводчики Посольского приказа второй половины XVI–XVII вв. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М.: Ин-т российской истории РАН. 2023. С.26–39.

4. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 367 с.

5. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Изд-во Индрик, 2021. 306 с.

6. *Беляков А.В.* Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.2. Рязань, 2001. С.36–42.

7. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 17. Тверь, 1902. С.422–497.

8. *Залесов Н.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 году // Русский вестник. 1871. Т.91. С.421–474; Т.92. С.40–82.

9. Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. // История Казахстана в русских источниках. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С.206–218.

10. Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ирмухамеде [Илекее] Касымове. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о

поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С.300–318.

11. *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.

12. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867): сб. док. и материалов / сост. Ф.Н. Киреев. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 743 с.

13. Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / предисл., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. Астана, 2012. С.279–372.

14. Переводчики и переводы в России конца XVI – начало XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М.: Ин-т российской истории РАН, 2019. 236 с.

15. Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М.: Ин-т российской истории РАН. 2023. 460 с.

16. ПСЗ РИ-1. Т. XIX. №13489.

17. *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 392 с.

18. *Самигуллин И.М.* История одной фотографии. Превратности судьбы советника тургайского областного правления Сулеймана Батыршина // Историческая этнология. 2020. Т.5, №1. С.151–179. DOI: 10.22378/ie.2020-5-1.151-179

19. Сборник материалов для Туркестанского края. Т.3. Ташкент, 1912. С.141–142.

20. *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовянке, 1971. 220 с.

21. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 406 с.

22. *Шкунов В.Н.* Миссии поручика Абдулнасыра Субханкулова в Бухару и Хиву в 1810 и 1818 гг. // Восток. 1997. №4. С.17–23.

23. *Шкунов В.* Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. №3/4. С.64–69.

Информация об авторе:

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-8875-0572; e-mail: sultangalievagulmira@gmail.com

Поступила 22.12.2023

Принята к публикации 23.01.2024

Subjects of the diplomatic activities of Tatar translators
of the Orenburg Border Commission in Khiva
(first half of the 19th century)

G.S. Sultangalieva

*Al Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

The purpose of this article is to reveal individual stories of the inclusion of Tatar translators and interpreters of the Orenburg Border Commission in diplomatic activities in the Khiva Khanate. Due to their duty of service and knowledge of oriental languages, interpreter Mukhamet-Sharif Aitov, translators Iskender and Suleiman Batyrshin performed communicative functions between the embassies of the Khiva Khan in Orenburg and the regional administration and accompanied the Russian diplomatic missions to Khiva and the Khiva embassies to St. Petersburg. The result of their diplomatic activities was scientific information about the internal political and international situation of Khiva, which allowed the regional administration and the Center to develop action strategies and make certain decisions. The article is based on archival documents extracted from the funds of the central archives of Kazakhstan and Russia, and historical literature.

Keywords: diplomatic activity, Tatar translators, interpreters, Khiva, Orenburg Border Commission

For citation: Sultangalieva G.S. Subjects of the diplomatic activities of Tatar translators of the Orenburg Border Commission in Khiva (first half of the 19th century). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.94–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.94-108> (In Russian)

REFERENCES

1. Album of photographs of the mission of Colonel N.P. Ignatiev to Khiva and Bukhara in 1858. *Oriental literature* [Electronic resource]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Ignatiev/text7.phtml> (accessed: 17.10.2023). (In Russian)
2. Bartold V. *History of the study of the East in Europe and Russia*. Leningrad: Leningrad Provincial Administration for Literature and Publishing, 1925. 338 p. (In Russian)
3. Belyakov A. Ustokasimovs: translators of the Ambassadorial Prikaz of the second half of the 16th–17th centuries. *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Vol.3. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp.26–39. (In Russian)
4. Belyakov A.V. *Servants of the Ambassadorial Prikaz 1645–1682*. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2017. 367 p. (In Russian)

5. Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytsev D.V., Shamin S.M. *Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: materials for the dictionary*. Moscow: Indrik Publ., 2021. 306 p. (In Russian)
6. Belyakov A.V. Kasimov Tatars – village residents, interpreters and translators of the Ambassadorial Prikaz. *Materials and research on Ryazan local history*. Vol.2. Ryazan, 2001. Pp.36–42. (In Russian)
7. Dobrosmyslov A.I. Turgai region. Historical sketch. *News of the Orenburg department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol.17. Tver, 1902. Pp.422–497. (In Russian)
8. Zalesov N. Embassy to Khiva and Bukhara of Colonel Ignatiev in 1858. *Russian Bulletin*. 1871, vol.91, pp.421–474; vol.92, pp.40–82. (In Russian)
9. Remarks of Lieutenant Abdunasyr Subkhankulov about his trip from Orenburg to Khiva in the summer of 1818. *History of Kazakhstan in Russian sources*. Vol.6. Travel diaries and memos about trips across the southern steps. 18th–19th centuries. Almaty: Dyke-Press Publ., 2007. Pp.206–218. (In Russian)
10. Note by the junior translator of the Orenburg Border Commission Iskander Batyrshin about the Khiva Khanate and the Khan of the Syrdarya Kazakhs Irmukhamed Kasymov. *History of Kazakhstan in Russian sources*. Vol.6: Travel diaries and service notes about trips across the southern Kazakh steppes of the 18th–19th centuries. Almaty: Dyke Press Publ., 2007. Pp.300–318. (In Russian)
11. Ivanin M. *Description of the winter campaign in Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: Public Benefit Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
12. *Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries (1771–1867): collection of documents and materials*. Compiled by F.N. Kireev. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 1961. 743 p. (In Russian)
13. A short diary kept by translator Iskender Batyrshin during the campaign against Akmechet. *History of Kazakhstan in documents and materials*. Vol.2. Ed. by B. Zhanaev. Astana, 2012. Pp.300–362. (In Russian)
14. *Translators and translations in Russia at the end of the 16th – early 18th centuries: materials of the international scientific conference*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2019. 236 p. (In Russian)
15. *Translators and translations in Russia before the beginning of the 18th century: materials of the international scientific conference*. Vol.3. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. 460 p. (In Russian)
16. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. Collection 1. Vol.19, no.13489. (In Russian)
17. Rozhkova M.K. *Economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the 19th century and the Russian bourgeoisie*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949. 392 p. (In Russian)
18. Samigullin I.M. History of one photograph. Ups and downs of Turgai province administration counselor, Suleyman Batyrshin's life. *Historical ethnology*. 2020, vol. 5, no. 1, pp. 151–179. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179 (In Russian)
19. *Collection of materials for the Turkestan region*. Vol.3. Tashkent, 1912. Pp.141–142. (In Russian)
20. Sergeev F.P. *Russian diplomatic terminology of the 11th–17th centuries*. Kishinev: Kartya Moldovanske Publ., 1971. 220 p. (In Russian)

21. Khalfin N.A. *Russia and the khanates of Central Asia (first half of the 19th century)*. Moscow: Science Publ., 1974. Pp.140–142. (In Russian)

22. Shkunov V.N. Missions of lieutenant Abdunasyr Subkhankulov to Bukhara and Khiva in 1810 and 1818. *East*. 1997, no.4, pp.17–23. (In Russian)

23. Shkunov V. Tatar merchants in Russian-Eastern trade (second half of the 18th – first half of the 19th centuries). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 1997, no.3/4, pp.64–69. (In Russian)

About the author:

Sultangalieva Gulmira Salimzhanovna – Dr. Sci. (history), Professor, Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-8875-0572; e-mail: sultangalievagulmira@gmail.com

Received December 22, 2023

Accepted for publication January 23, 2024

УДК 94(470.41)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.109-116

«Я вообще большой поклонник Индии и Востока, –
это, должно быть, басаргинское татарство»
(вице-адмирал Григорий Гаврилович Басаргин –
военный губернатор Астраханской губернии
и командующий Каспийской флотилией)

К.З. Насыров

*Адвокатская палата Республики Башкортостан
Уфа, Российская Федерация*

В истории Российской империи до сегодняшнего времени имеется довольно много малоизученных тем. Одной из них являются сюжеты с участием офицеров императорского военно-морского флота России тюркского происхождения в освоении и описании водного пространства. В данном исследовании рассматривается исторический эпизод, в котором принимал участие военный губернатор Астраханской губернии, командующий Каспийской флотилией вице-адмирал Григорий Гаврилович Басаргин, чьи предки – выходцы из Золотой Орды, оставили заметный след в разрешении ряда насущных вопросов по установлению связей со странами Востока. К тому же, сегодняшняя общественность, да и историческое сообщество в целом, за редким исключением специалистов, занимающихся данной научной тематикой, воспринимают выходцев из тюркских народов, как занятых разрешением исключительно сухопутных задач. Однако было время, когда в огромных дипломатических, политических и военно-морских усилиях со стороны Императорской России по продвижению в юго-восточном направлении принимали деятельное участие и представители тюркских народов.

Ключевые слова: Г.Г. Басаргин, вице-адмирал, Астраханская губерния, Каспийская флотилия, военно-морские офицеры, дипломатическое посольство

Для цитирования: Насыров К.З. «Я вообще большой поклонник Индии и Востока, – это, должно быть, басаргинское татарство» (вице-адмирал Григорий Гаврилович Басаргин – военный губернатор Астраханской губернии и командующий Каспийской флотилией) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.109–116. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.109-116>

В первой четверти XIX в. военно-политическая обстановка на южных и юго-восточных рубежах Российской империи усложнилась. Вновь обострился очаг напряженности на южных границах государства. Ужесточились внутрисоциальные и межплеменные отношения в соседней Персии, что зеркально отразилось и на обстановке в Кавказском регионе.

Александр I наместником в этом сложном регионе, где решалась судьба спокойствия южных границ России, назначил активного участника Отечественной войны 1812 г. генерала А.П. Ермолова. Всю полноту власти, как военной, так и гражданской, император доверял в руки своего наместника и главнокомандующего войсками на Кавказе. Вдобавок ко всему в подчинение генералу А.П. Ермолову передавались силы и средства Каспийской флотилии. В Персии, практически на границе с Россией, интенсивно начинают хозяйничать представители Великобритании. Они не только взяли под контроль вопросы экспортной торговли Персии, но и занялись подготовкой ее вооруженных сил, а также переоснащением персиян современными видами вооружений.

А.П. Ермолов увидел в этом реальную угрозу для безопасности южных границ России [9, с.48]. Более того, англичане силами отдельных офицеров-разведчиков устанавливали связи с предводителями среднеазиатских ханств¹. В целях опережающего действия в 1819 г. А.П. Ермолов принял решение отправить капитана Генерального штаба Н.Н. Муравьева с дипломатической миссией в Хиву.

Перед Н.Н. Муравьевым ставилась задача упрочить дипломатические и торговые отношения с Хивинским ханством, а в ближайшем будущем подготовить почву для установления таких же отношений и с Бухарским эмиратом. Также в программу экспедиции входила прокладка морского маршрута от Астрахани и до Красноводского залива Каспийского моря с выходом на туркменский берег, поиск полезных ископаемых, изучение и определение наличия возможных речных путей в Индию через владения Хивинского ханства, определение лоции для безопасного морского судоходства, оптимизация установленной транспортной логистики. Для успешного решения своих задач Н.Н. Муравьеву были даны силы и средства Каспийской флотилии. Морскую составляющую экспедиции возглавлял офицер Императорского флота России лейтенант Григорий Гаврилович Басаргин – командир корвета «Казань».

Первоначальные сведения о фамилии Басаргиных, древнем дворянском роде татарского происхождения, известны с XV в. Великий русский художник М.А. Врубель так писал о своем деде Г.Г. Басаргине: «...я вообще большой поклонник Индии и Востока, – это, должно быть, басаргинское татарство...» [6, с.108]. Хитросплетения судеб предков великого художника сложились таким образом, что его дедом со стороны отца был наказной атаман Астраханского казачьего войска генерал-майор М.А. Врубель.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф.237. Оп.12. Д.456. Л.56.

Род Басаргиных ведет свое начало от рынды (старшего телохранителя, оруженосца) [7, с.119] Ивана Грозного в 1556 г. – Кира Басаргина [2, с.142]. Эти сведения подтверждает и князь П.В. Волконский в изданной им «Российской родословной книге» в 7 главе «Фамилии, существовавшие ранее 1600 г.» [8, ч.1, с.21]. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в «Боярском списке 1700 г.» хранятся сведения о Еремии Босаргине² – кровном родственнике Г.Г. Басаргина. Исходя из вышеприведенного становится очевидным, что у Г.Г. Басаргина (1790–1853 гг.) был один путь служения Отечеству – военная стезя.

В 1802 г. Григорий Гаврилович Басаргин поступил в морской корпус кадетом, в 1805 г. был произведен в гардемарины и определен на действующий флот. Он был направлен для продолжения службы в Каспийскую флотилию – в 1817–1822 гг. Г.Г. Басаргин последовательно командовал транспортом «Пчела», корветом «Казань», транспортом «Кура», возглавлял военно-морскую составляющую экспедиции Н.Н. Муравьева к туркменским берегам на корвете «Казань». Однотипные корабли «Пчела» и «Кура» были построены строителем А.П. Антипьевым в Казанском адмиралтействе. Транспорт «Кура» под командованием А.П. Ладыженского участвовал в миссии Н.Н. Муравьева, исполняя функции корабля обеспечения. В командование транспортом «Кура» Г.Г. Басаргин вступил в 1822 г. Необходимо отметить, что практически все корабли Каспийской флотилии были заложены, построены и спущены на воду в Казанском адмиралтействе, просуществовавшем до тридцатого года XIX столетия. По результатам работы комиссии вице-адмирала П.М. Рожнова оно было упразднено и далее строительством кораблей для Каспийской флотилии занималось уже Астраханское адмиралтейство [11, с.208–221]. 16-ти пушечный корвет «Казань» был построен в серии из 4-х единиц, имел размеры 33,6 x 9,5 x 3,8, строитель А.П. Антипьев. Г.Г. Басаргин командовал корветом с 1819 по 1821 гг., судно было разобрано в Астрахани в 1827 г. [13, с.32–33].

Г.Г. Басаргин создал и лоцию Красноводского залива³, установив тем самым морской путь от российского побережья Каспийского моря до туркменских берегов в качестве составной части торгового сухопутно-морского пути в Среднюю Азию. В 1823–1826 гг. он руководил описанием Балханского залива, являющегося внутренним заливом Красноводского и реки Актам, впадающей в этот залив. Причем при описании Бакинского рейда лейтенант Г.Г. Басаргин обнаружил новый риф, доселе неизвестный русским мореплавателям [4, с.87].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Оп.2. Д.43. Л.349–710.

³ РГАВМФ. Ф.212. Оп.9. Д.370. Л.1–6.

В чине капитан-лейтенанта Григорий Гаврилович участвовал в Персидской войне 1826–1828 гг., командуя последовательно бригами «Баку» и однотипным бригам «Орел» Артиллерийское вооружение состояло из 12-ти орудий. Бриг «Баку» под командованием Г.Г. Басаргина в январе 1827 г. пришел в Астрабадский залив и высадил десант, в составе которого были и астраханские казаки. Десант успешно выполнил поставленную боевую задачу и уничтожил укрепления персов. Командир брига капитан-лейтенант Г.Г. Басаргин сошел на захваченный плацдарм и, используя полученный дипломатический опыт в посольстве Н.Н. Муравьева, успешно провел переговоры с вождями туркменских кочевых племен, результатом которых стало то, что туркмены повернули свое оружие против Персии. Г.Г. Басаргин за отличие в боевых действиях при блокаде неприятельских берегов у Астрабадского залива Каспийского моря награжден орденом Св. Анны 2 степени. В 1829–1835 гг. командовал отрядом из 4-х бригам у острова Сары в Каспийском море. После производства в чин капитана 1 ранга в 1837 г., Г.Г. Басаргин был переведен на Балтийский флот, где командовал кораблем «Эмгейтен». Через 5 лет службы на Балтике вновь переведен служить на Каспийское море [13, с.87].

В 1842 г. Г.Г. Басаргин был назначен командиром Астраханского порта. 26 марта 1844 г. он был удостоен чина контр-адмирала, 2 октября 1852 г. произведен в вице-адмиралы. Необходимо отметить, что Г.Г. Басаргин принял участие и в подготовке экспедиций в Аральском море. Используя свои отношения с главным командиром Астраханского порта Г.Г. Басаргиным, Оренбургский военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса В.А. Обручев (1795–1866 гг.) обратился к нему за чертежами мореходных палубных судов. Чертежи были предоставлены [1, с.56]. Позднее А.И. Бутаков, руководитель Аральской экспедиции 1848 г., отмечал, что первые аральские шхуны «Николай» и «Михаил» были построены по образцу каспийских рыболовных судов. Они были неуклюжи на воде и тяжело управлялись, но причину проявления их низких мореходных качеств он не назвал [3, с.1–28].

Осознавая, что для профессиональной описи Аральского моря необходим и профессиональный экипаж из моряков, В.А. Обручев вновь обратился к Г.Г. Басаргину о предоставлении в его распоряжение моряков из Каспийской военной флотилии. Просьба В.А. Обручева была удовлетворена, в результате чего из Астрахани через Аральск в Оренбург прибыл отряд моряков под командованием унтер-офицера Рахматуллы Абизарова. Это были профессионалы своего дела, многие из них имели знаки отличия за 15 лет безупречной службы на море. Переход на верховых лошадях команды моряков из Астрахани по снегам и морозам был совершен в феврале – марте 1848 г. [10, с.10].

Исторический эпизод о Г.Г. Басаргине, его вкладе в описание Каспийского моря нашел свое отражение и в историографии советского периода [12, с.477]. 6 августа 1853 г. Г.Г. Басаргин скоропостижно скончался в Астрахани [4, с.374–376].

Примечательно то, что сын Г.Г. Басаргина – Владимир Григорьевич Басаргин – пошел по стопам своего отца и продолжил его дело служения Отечеству в Императорском флоте России.

В.Г. Басаргин, 1838 г.р., поступил в Морской корпус гардемаринном, и через 2 года находился на защите Кронштадта от англо-французской эскадры. В 1858–1860 гг. находился в кругосветном плавании на корвете «Рында». За отличие по службе был произведен в чин лейтенанта в 1860 г. Очередное кругосветное плавание было совершено в 1861–1864 гг. на корвете «Новик» совместно с корветом «Рында». Распоряжением командира отряда кораблей контр-адмирала Попова 21 ноября 1862 г. назначен командиром корвета «Рында» и на этом корабле из кругосветного плавания вернулся в Кронштадт. Судьба повернулась так, что, как мы отмечали ранее, предок Басаргиных был рындой у царя Ивана Грозного, а его потомок стал командиром одноименного корвета. Корвет «Рында» – винтовой корабль на паровой тяге водоизмещение 885 тонн, был построен в 1856 г. на Охтенской верфи в Санкт-Петербурге, имел 11 артиллерийских орудий и 200-сильную главную двигательную установку. Строителем являлся поручик Иващенко [5, с.127].

Далее служба В.Г. Басаргина проходила на броненосных фрегатах Балтийского и Черноморского флотов. Первый адмиральский чин был пожалован ему 1 января 1886 г. и одновременно Владимир Григорьевич был назначен в свиту Александра III флаг-капитаном Его Императорского Величества. С сентября 1890 г. по май 1891 г. командуя отрядом кораблей, сопровождал наследника престола цесаревича Николая Александровича в плавании в Тихом океане. 1 января 1892 г. был произведен в вице-адмиралы, 17-го апреля 1893 г. скончался. Именем В.Г. Басаргина названы улица во Владивостоке, мыс на входе в залив Золотой Рог (г. Владивосток), гора на Аляске [4, с.189–192].

Таким образом, в первой четверти и первой половине XIX в., наряду с представителями других национальностей, активное участие в продвижении Императорской России к государствам Среднеазиатского (Центральноазиатского) региона, имея целью выход к северным рубежам Индии и Китая, принимали и представители тюркских народов, «...но разве это не в традициях нашей державы от самых ее истоков» [10, с.20].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большаков Л.Н.* Быль о Тарасе. Ч.2: На Арале. Оренбург: Кора, 1993. 268 с.
2. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т.3 (5). СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. 492 с.
3. *Бутаков А.И.* Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г. // Вестник РГО. Ч.7. СПб., 1853. Разд. 7. С.1–28.
4. *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список. Ч.6. СПб.: Тип. Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1858. 662 с.
5. *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1872. 754 с.
6. *Врубель М.А.* Письма к сестре, воспоминания о художнике Анны Александровны Врубель, отрывки из писем отца художника. Л.: Комитет популяризации художественных изданий при Государственной академии истории материальной культуры, 1929. 205 с.
7. *Даль В.И.* Словарь живого русского языка. Т.4. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1914. 814 с.
8. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч.1. СПб.: Тип. К. Вингера, 1854. 350 с.
9. *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч.2. 1816–1827 г. М.: Унив. тип. Катков и К°, 1868. 626 с.
10. *Каторин Ю.Ф.* Андреевский флаг над барханами. Участие российских моряков в завоевании Средней Азии. СПб.: Гангут, 2018. 208 с.
11. *Насыров К.З.* Комиссия вице-адмирала П.М. Рожнова по упразднению Казанского адмиралтейства в 1826–1830 гг. // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: материалы Всероссийской научной конференции (г. Казань, 25–26 октября 2018 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С.208–221.
12. Русские мореплаватели. М.: Военное изд-во, 1953. 672 с.
13. *Чернышев А.А.* Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. Т.2. М.: Воениздат, 2002. 480 с.

Информация об авторе:

Насыров Камиль Зиннатович – кандидат исторических наук, адвокат, Адвокатская палата Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-6016-6075; e-mail: adv.nkz012@mail.ru

Поступила 21.12.2023

Принята к публикации 02.02.2024

"In general, I'm a big fan of India and the East – this must be Basargin Tatarism" (Vice-Admiral Grigory Gavrilovich Basargin – military governor of the Astrakhan province and commander of the Caspian flotilla)

K.Z. Nasyrov

*Bar Association of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russian Federation*

In the history of the Russian Empire until today, there are quite a few little-studied topics. One of them is stories with the participation of naval officers of the Imperial Russian Navy of Turkic origin. This study examines the historical episode in which the military governor of the Astrakhan province, the commander of the Caspian flotilla, Vice-Admiral Grigory Gavrilovich Basargin took part, whose ancestors came from the Golden Horde, left a noticeable mark in resolving a number of pressing issues in establishing ties with the countries of the East. In addition, today's public, and the scientific community as a whole, with the rare exception of specialists dealing with this scientific topic, perceive the immigrants from the Turkic people as being engaged in solving exclusively terrestrial problems. However, there was a time when representatives of our people took an active part in the enormous diplomatic, political and naval efforts on the part of imperial Russia to advance in the southeast direction.

Keywords: G.G. Basargin, Vice-Admiral, Astrakhan province, Caspian flotilla, naval officers, diplomatic embassy

For citation: Nasyrov K.Z. "In general, I'm a big fan of India and the East – this must be Basargin Tatarism" (Vice-Admiral Grigory Gavrilovich Basargin – military governor of the Astrakhan province and commander of the Caspian flotilla). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.109–116. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.109-116> (In Russian)

REFERENCES

1. Bolshakov L.N. *A true story about Taras*. Part 2: On the Aral. Orenburg: Kora Publ., 1993. 268 p. (In Russian)
2. Brockhaus F.A., Efron I.A. *Encyclopedic Dictionary*. Vol.3 (5). St. Petersburg: Semenov Publ., 1891. 492 p. (In Russian)
3. Butakov A.I. Information about the expedition equipped for the inventory of the Aral Sea in 1848. *Bulletin of the Russian Geographical Society*. 1853. Part 7. Section 7. Pp.1–28. (In Russian)
4. Veselago F.F. *General maritime list. Part 6*. St. Petersburg: Marine Ministry Publ., 1858. 662 p. (In Russian)
5. Veselago F.F. *List of Russian military courts from 1668 to 1860*. St. Petersburg: Marine Ministry Publ., 1872. 754 p. (In Russian)
6. Vrubel M.A. *Letters to my sister, memories of the artist Anna Aleksandrovna Vrubel, excerpts from the letters of the artist's father*. Leningrad: Committee for the

popularization of art publications at the State Academy of the History of Material Culture Publ., 1929. 205 p. (In Russian)

7. Dal V.I. *Dictionary of the Living Russian Language*. Vol.4. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf Publ., 1914. 814 p. (In Russian)

8. Dolgorukov P.V. *Russian genealogy book. Part 1*. St. Petersburg: K. Wingeber Publ., 1854. 350 p. (In Russian)

9. Ermolov A.P. *Notes of Alexey Petrovich Ermolov. With applications*. Part 2: 1816–1827. Moscow: Katkov and company Publ., 1868. 626 p. (In Russian)

10. Katorin Yu.F. *St. Andrew's flag over the dunes. Participation of Russian sailors in the conquest of Central Asia*. St. Petersburg: Gangut, 2018. 208 p. (In Russian)

11. Nasyrov K.Z. Commission of Vice-Admiral P.M. Rozhnov on the abolition of the Kazan Admiralty in 1826–1830. *Kazan Admiralty (1718–1830): Volga peoples and traditions of Russian shipbuilding: materials of the All-Russian Scientific Conference (Kazan, October 25–26, 2018)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. Pp.208–221. (In Russian)

12. *Russian sailors*. Moscow: Military Publishing House, 1953. 672 p. (In Russian)

13. Chernyshev A.A. *Russian sailing fleet: handbook in 2 volumes*. Vol.2. Moscow: Voenizdat Publ., 2002. 480 p. (In Russian)

About the author:

Nasyrov Kamil Zinnyatovich – Cand. Sci. (history), lawyer, Bar Chamber of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-6016-6075; e-mail: adv.nkz012@mail.ru

Received December 21, 2023

Accepted for publication February 2, 2024

УДК 093+94(470.5)"1843/1844"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.117-124

Формулярные списки мещеряков
Башкиро-Мещеряцкого войска 1843–1844 гг.
как источник по военной истории татар

Р.Ф. Масагутов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Общество татарских краеведов Республики Башкортостан

Уфа, Российская Федерация

Статья посвящена анализу особенностей формулярных списков татар-мишарей, входивших в состав Башкиро-Мещеряцкого войска. Несмотря на отсутствие должного внимания к данному виду источников в научной литературе, сведения из них представляют большой интерес в контексте военной истории татар в период имперской России. Среди пласта специфических документов особо следует выделить формулярные списки о службе и достоинстве военных чинов, поскольку они позволяют сформировать социальный портрет, восстановить послужной и боевой путь татарского военнослужащего. Вместе с тем в источнике ярко прослеживается социальная дифференциация мещеряков. Так, сыновьям рядовых казаков и урядников сложно было продвигаться по карьерной лестнице. Изучив материалы формулярных списков, автор делает вывод о преимущественно линейном характере службы мещеряков в рассматриваемый период. Небольшая часть военнослужащих была задействована в подавлении бунтов местного населения, а дипломатическая и заграничная служба носила эпизодический характер.

Ключевые слова: татары-мишари, мещеряки, формулярные списки, военнослужащие, урядники, казаки, кантоны, ведомости

Для цитирования: Масагутов Р.Ф. Формулярные списки мещеряков Башкиро-Мещеряцкого войска 1843–1844 гг. как источник по военной истории татар // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.117–124. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.117-124>

Татары-мишари после завоевания Казанского ханства использовались царским правительством для закрепления власти и охраны границ государства от кочевников. Так, в 1676 г. мещеряки, совместно с русскими войсками, участвовали в усмирении ногайцев и башкир [1, с.122]. После этого их поселили на территории Западного Приуралья «для безопасности города Уфимска и земель, занятых ими после бежавших оттуда ногайцев» [8, с.271].

Основной обязанностью уфимских мещеряков была станичная служба, которая осуществлялась дозорными конными отрядами – «станциями»

[4, с.221]. Кроме того, они сопровождали царских дипломатов к сибирским татарам, калмыкам, казахам, каракалпакам и другим народам. По царской грамоте 1688 г. мещеряки должны были служить в Уфе вместе с уфимскими дворянами и иноземцами, за что их освободили от уплаты ясака [3, с.272].

Превращение мещеряков в военно-служилое сословие официально закрепилось 10 апреля 1798 г. с введением кантонной системы и организацией Башкиро-Мещеряцкого войска. Башкиры и татары–мишари были встроены в новую систему административно-территориального управления – кантоны, делившиеся, в свою очередь, на юрты. На территории Оренбургской губернии было образовано 11 башкирских, 5 мещеряцких и 7 казачьих кантонов [5].

Введением кантонной системы правительство реализовывало свои военно-политические цели. Во-первых, переложило на башкир и мещеряков основную тяжесть сторожевой службы по охране юго-восточных рубежей, во-вторых, получило более мобилизационный резерв для привлечения в случае необходимости к военным действиям.

Наиболее ценным источником по истории военной службы мещеряков являются формулярные списки. Формулярные (послужные) списки – это форма систематического и регулярного учета лиц, находившихся на военной или гражданской службе, существовала с середины XVIII в. до 1917 г. Формулярные списки являлись основанием для статистических данных о количестве генералов, офицеров и солдат в армии, для начисления жалования за полугодие (с начала 20-х гг. XIX в. – за треть года). Послужные списки составлялись за определенное число лет, прослуженных в армии, при выходе в отставку и начислении пенсии, представлении на получение чина, должности, переводе из одной части в другую, в случае отдачи под суд [6, с.36]. Таким образом, занесенные в формуляр сведения приобретали свойства официальной, юридически-значимой информации.

В отчетной документации по личному составу русской армии термин «формулярные списки» встречается со второй половины XVIII в., но потребность иметь формализованные и, по возможности, подробные документы по учету персонального состава появилась в России с возникновением кадровой армии [9, с.25]. При этом изначально при ведении послужных ведомостей отсутствовала строго установленная форма. Сенатским указом 1789 г. были установлены формуляры со следующими графами: «1. Чин, имя, фамилия и должность, им отправляемая, и сколько от роду лет; 2. Из какого звания происходит; 3. Сколько имеет во владении мужского пола душ, людей и крестьян, в которых уездах и как имена селений; 4. Когда в службу поступил и в одной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний и не был ли, особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время (годы, месяцы, числа); 5. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет и когда именно; 6. Не был ли в штрафах и под судом, и если был,

то за что именно, когда и чем дело кончилось; 7. К продолжению штатской службы способен, и к повышению, чем достоин или нет и за что; 8. Не был ли в отставке с награждением чина или без одного и когда; 9. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся» [7, с.57].

Формулярные списки Башкиро-Мещерякского войска хранятся в Национальном архиве Республике Башкортостан (НА РБ) в фонде Оренбургского военного губернатора (Ф.И-2). Хронологически они охватывают период с 1836 по 1863 год. К сожалению, формулярные списки мещеряков до сих пор не удостоены должного внимания и не введены в научный оборот. В 2012 г. Институтом истории, языка и литературы АН РБ был издан двухтомник «Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-Мещерякского войска за 1836–1842 годы» [2], но в книгах опубликованы сведения лишь по башкирским кантонам.

Наибольший интерес для изучения военной истории татар представляют формулярные списки военнослужащих пяти мещерякских кантонов за 1836–1842 гг. (дело №14139 фонда И-2 НА РБ¹). Как правило, формулярные списки состоят из ведомости о состоянии юрт кантона, формулярного списка о службе и достоинстве чиновников и урядников, именного списка служащих рядовых казаков. Иногда встречаются и кондуитные списки о поведении и способности обер-офицеров и зауряд-чиновников (хорунжие, зауряд-есаулы, зауряд-сотники, зауряд-хорунжие).

Ведомость о состоянии юрт кантона фиксировала число чиновников, урядников и казаков, лиц духовного звания в юртах, включала сведения о юртовых старшинах, их помощниках и писарях. Также в ведомости были отражены названия деревень, входивших в состав юрты, что очень удобно для определения принадлежности деревни к юрте и кантону.

Отдельного внимания заслуживают формулярные списки о службе и достоинстве чиновников и урядников. Они представлены в виде таблиц, графы которых содержат сведения о фамилии, имени, отчестве мещеряка, его чине, должности, возрасте, социальном происхождении, знаках отличия, имущественном положении (владении недвижимостью), образовании, месте службы, времени вступления на службу и назначении на занимаемую должность, участия в походах и сражениях, взысканиях по службе, судимости, времени нахождения в отпусках и отставке, семейном положении. Фиксировался также уровень грамотности: большая часть чиновников владела татарской грамотой (умели читать и писать), 20% знали и русскую, и татарскую грамоту, 10% были безграмотными. Недостатком записываемых сведений является то, что обозначалось лишь полученное «казенное» образование чиновника, тогда как татары-мишари в большинстве обучались в медресе, что не указывалось в формулярных списках, и об окончании ими медресе можно предположительно узнать лишь по языкам,

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-2. Оп.1. Д.14139.

которыми владел кантонный начальник. Например, знание арабского и персидского языков, скорее всего, говорит о получении религиозного образования, хотя это не является абсолютно достоверной информацией, некоторые могли изучать языки, получая домашнее образование.

Списки позволяют проследить послужной путь каждого чиновника и урядника, восстановить хронологию и географию службы. Анализ списков позволяет выявить преимущественно линейный характер службы мещеряков в рассматриваемый период. Кроме того, имеются сведения об участии чиновников в подавлении бунтов местного населения. Так, зауряд-хорунжий 3-й юрты 1-го мещеряцкого кантона Абдулгалим Махмутов, 36 лет, находился на линейной службе в 1835 г. в Петропавловской крепости, в 1841 г. в крепости Танальщкой, а в 1843 г. в отряде для усмирения бунтовавших крестьян Челябинского уезда².

Эпизодически присутствует информация о дипломатической и заграничной службе мещеряков. Кантонный начальник 4-го мещеряцкого кантона Ибрагим Сейфуллин сын Валитов по предписанию Оренбургского военного губернатора с 1825 г. был письмоводителем у султана Средней Орды Юсупа Нуралеева, а с 1834 г. числился в двухсотенном отряде при том же правителе, охранял торговые караваны и участвовал в примирении джигалбайлинцев с аргинцами. В 1835 г. сопровождал председателя Оренбургской пограничной комиссии по киргизской степи. Во время походов в составе армии Юсупа Нуралеева был ранен, но в плен не попал³.

В списках имеются сведения и об участии татар-мишарей в антинаполеоновских кампаниях. Юртовой старшина 1-го мещеряцкого кантона Ахмет Хусеинов с 1812 г. «находился в походах против французских войск со 2-м мещеряцким полком» и был награжден серебряной медалью за взятие Парижа. Такой же медалью удостоили зауряд-сотника 3-го мещеряцкого кантона Ардашира Тарзиминова сына Галикеева, пробывшего в 1813–1815 гг. в заграничных походах⁴. Некоторые старшины, урядники и зауряд-хорунжие, преимущественно 4-го мещеряцкого кантона, составили печально известный 1-й мещеряцкий полк Москвы. В боевых действиях он участия не принимал, а был оставлен для несения караульной службы в сгоревшей Москве. Служба 1-го Мещеряцкого полка в Москве, начавшаяся в декабре 1812 г., закончилась только в 1817 г.

Данные о судимости у многих отсутствуют, однако таковые люди были. Так, зауряд-есаул 4-го мещеряцкого кантона Шагимардан Мансуров находился под судом за кражу лошадей, но по Всемиловейшему манифесту освобожден. Кроме этого, необходимо отметить урядника того же 4-го кантона Хисметулла Гаитова, который за разграбление питейного дома находился под судом и был наказан в 1818 г. 25 ударами плетью, также

² НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.14139. Л.923.

³ Там же. Л.1161–1163.

⁴ Там же. Л.922, 1085.

он обвинялся в краже, но по манифесту 1826 г. освобожден. Были и другие случаи противоправных действий мещеряков. Некоторые мещеряки вели себя непотребно, как, например, Абдуллатиф Шарыпов, который был предан суду за пьянство и «ослушание против начальства»⁵.

Раздел формулярных списков «из какого состояния» позволяет выявить социальное происхождение чиновника. Например, юртовой старшина зауряд-хорунжий Аллагиар Бектемиров происходил из старшинских детей. Указание в формулярных списках родовых фамилий мещеряков позволяет выявить состав татарской элиты в Башкиро-Мещерякском войске. Среди занимающих высокие должности отмечены представители таких аристократических родов, как Даутовы, Супхангуловы, Байбурины, Ишбулатовы, Карачурины и др. Стоит отметить, что даже в ревизских сказках 1850 и 1859 гг. родовые фамилии зачастую отсутствуют.

Высшие должности передавались по наследству, тогда как сыновьям обычных урядников и казаков с трудом удавалось сделать военную карьеру. Вместе с тем элита в мещерякском войске на 60% состояла из младших и зауряд-офицеров, которые имели не выше армейского чина поручика. Лишь небольшая часть кантонных начальников сумела подняться по служебной лестнице достаточно высоко.

Интересные сведения можно почерпнуть из графы «семейное положение». Здесь записывалось количество жен чиновника, их имена и происхождение. Также обозначалось количество детей. Большой процент полигамных браков свидетельствует об их высоком социальном статусе, так как иметь несколько жен могли лишь состоятельные люди. Кроме того, данная информация позволяет раскрыть семейно-родственные связи внутри национальной элиты, формирование наследственных династий кантонных начальников.

Формулярные списки рядового состава содержат лишь скудные сведения: имена и прозвания, время вступления в службу, а также информация о том, сколько раз несли службу.

В заключение хотелось бы отметить, что формулярные списки мещеряков представляют особую ценность для изучения военной истории татар, так как являются уникальным источником информации о военнотружущих мещерякских кантонов, дают обширные биографические данные и сведения о прохождении военной службы татар-мишарей. Данные списки позволяют составить социальный портрет мещерякского чиновника, определить его принадлежность к аристократическим родам, проследить карьеру, а также выявить родовые связи.

⁵ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.14139. Л.1175 об.–1176, 1190 об.–1191, 1192 об.–1193.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габдуллин И.Р.* Формирование мещеряцкого населения в Уфимском уезде в XVI – начале XVII века // Археография Южного Урала: исторический и современный опыт народов Волго-Уральского региона в развитии и укреплении архивного дела. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Государственной архивной службы России. Уфа, 28 октября 2008 г. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. С.120–128.
2. Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы: в 2 кн. / сост.: А.Я. Ильясова, З.Г. Гатиятуллин. Кн.1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 924 с.
3. *Дэн В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. Т.II. Ч.2. М.: Университетская типография, 1902. 319 с.
4. *Масагутов Р.Ф.* Перепись вахмистра Петра Сорнева 1720 г. как исторический источник по изучению поселенческой сети татар-мишарей в Петровскую эпоху // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.219–228.
5. ПСЗ РИ-1. Т.ХХV. №18477.
6. *Радимушкина А.В.* Формулярные списки как источник по истории генералитета и офицерского корпуса в Войске Донском в XVIII – первой половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: Научно-образовательный и прикладной журнал. 2011. №5 (165). С.36–39.
7. *Сайфуллина Л.Ф.* Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009. 205 с.
8. *Сулейманов А.М.* Бузовьязовские династии и их шежере. Уфа: ООО «Информ-реклама», 2016. 516 с.
9. *Целорунго Д.Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2017. 280 с.

Информация об авторе:

Масагутов Руслан Фанисович – научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); председатель Общества татарских краеведов Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-7221-0981; e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Поступила 6.12.2023

Принята к публикации 1.02.2024

Formulary lists of Meshcheryaks of the Bashkir-Meshcheryak army
of 1843–1844 as a source on the military history of the Tatars

R.F. Masagutov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

*Society of Tatar local historians of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russian Federation*

The article is devoted to the analysis of the features of the formulary lists of the Tatar-Mishars who were part of the Bashkir-Meshcheryak army. Despite the lack of due attention to this type of sources in the scientific literature, information from them is of great interest in the context of the military history of the Tatars during the period of imperial Russia. Among the layer of specific documents, special mention should be made of the formulary lists about the service and dignity of military ranks, since they make it possible to form a social portrait and restore the service and combat path of the Tatar military man. At the same time, the source clearly shows the social differentiation of the Meshcheryaks. Thus, it was difficult for the sons of ordinary Cossacks and constables to move up the career ladder. Having studied the materials of the formulary lists, the author concludes that the service of the Meshcheryaks was predominantly linear in the period under review. A small part of the military personnel was involved in suppressing riots of the local population, and diplomatic and foreign service was sporadic.

Keywords: Tatars-Mishars, Meshcheryaks, formulary lists, military personnel, constables, Cossacks, cantons, statements

For citation: Masagutov R.F. Formulary lists of Meshcheryaks of the Bashkir-Meshcheryak army of 1843–1844 as a source on the military history of the Tatars. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.117–124. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.117-124> (In Russian)

REFERENCES

1. Gabdullin I.R. Formation of the Meshcheryak population in the Ufa district in the 16th – early 17th centuries. *Archaeography of the Southern Urals: the historical and modern experience of the peoples of the Volga-Ural region in the development and strengthening of archival affairs. Materials of the 8th Interregional Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the State Archival Service of Russia. Ufa, October 28, 2008*. Ufa, 2008. Pp.120–128. (In Russian)
2. *Documents and materials on the history of the Bashkir people (1836–1842): formulary lists on the service of officials of the Bashkir-Meshcheryaks army for 1836–1842, in 2 books*. Compiled by A.Ya. Ilyasova, Z.G. Gatiyatullin. Book 1. Ufa: Institute of Language, Literature and Arts, 2012. 924 p. (In Russian)
3. Dan V.E. *The population of Russia according to the fifth revision. Poll serve in the 18th century. and population statistics at the end of the 18th century*. Vol.2. Part 2. Moscow: University Printing House, 1902. 319 p. (In Russian)

4. Masagutov R.F. The Census of Sergeant Peter Sornev (1720) as a historical source for the study of the settlement network of Tatars-Mishars in the Peter the Great era. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022, vol.12, no.4, pp.219–228. (In Russian)

5. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. Vol.25, no.184777. (In Russian)

6. Radimushkina A.V. Formulary lists as a source on the history of the generals and officer corps in the Donskoy Army in the 18th – first half of the 19th century. *News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences: Scientific, Educational and Applied Journal*. 2011, no.5 (165), pp.36–39. (In Russian)

7. Sayfullina L.F. *Cantonous chiefs of Bashkiria: national regional elite of the first half of the 19th century*. Dissertation for Cand. Sci. (history). Ufa, 2009. 205 p. (In Russian)

8. Suleimanov A.M. *Buzovyaz dynasties and their shezhere*. Ufa: Inform-Advertising Publ., 2016. 516 p. (In Russian)

9. Tselorungo D.G. *Officers and soldiers of the Russian army of the era of the Patriotic War of 1812: Social portraits and service*. Borodino: State Borodino Military History Museum-Reserve, 2017. 280 p. (In Russian)

Masagutov Ruslan Fanisovich – Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Chairman of the Executive Society of Tatar Local Historians of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-7221-0981; e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Received December 6, 2023

Accepted for publication February 1, 2024

УДК 94(574)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.125-134

Процесс замены арабографичного алфавита на кириллицу в Степном крае

Д.Ш. Муфтахутдинова

Казанский государственный институт культуры

Казань, Российская Федерация

В статье рассматриваются причины замены татарского арабографичного алфавита на кириллицу. На основе архивных данных прослеживается процесс смены алфавитов с помощью миссионеров, чиновников государственного аппарата, казахских просветителей, преподавателей из числа татар в русских учебных заведениях. Работа написана на основе архивных документов из Центрального архива Республики Казахстан, Государственного архива Республики Татарстан. Основным методом исследования является проблемно-хронологический подход, позволивший рассмотреть изучаемые процессы в динамике социокультурных процессов, происходивших в Степном крае. Работа может быть полезной при изучении этноконфессиональной политики Российской империи и взаимовлияния культур тюркских народов.

Ключевые слова: татары, казахи, мусульмане, русификация, христианизация, алфавит, просветители

Для цитирования: Муфтахутдинова Д.Ш. Процесс замены арабографичного алфавита на кириллицу в Степном крае // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.125–134. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.125-134>

Язык и письменность любого народа – это основной этномаркирующий признак, отделяющий один народ от другого. Это – ядро его духовной культуры, менталитета, системы ценностей, самосознания. Утрата или замена письменности, какой подвергся ряд мусульманских народов Российской империи в начале XX в. – это катастрофический эксперимент, нанесший непоправимый урон культуре и отсекавший тюркоязычные народы от предыдущего духовного наследия, последствия которого ощущаются и сегодня.

В историографическом плане данная тема поднималась в основном в рамках государственной национально-культурной политики первых лет советской власти в связи с задачей преодоления культурной отсталости нерусских народов, религиозных пережитков и формирования национальной интеллигенции. К работам подобного типа можно отнести труды М.И. Исаева [5] и К.М. Мусаева [10]. В таком же ракурсе эта проблема интерпретируется и сегодня, например, в трудах А.Х. Даудова и Е.П. Ма-

мышева [2]. Однако процесс замены арабографичного алфавита татар на кириллицу был запущен еще до революции и активно внедрялся в жизнь во второй половине XIX – начале XX в. Цель данной работы – проследить процесс замены арабографичной письменности татар и казахов на кириллицу во второй половине XIX в. в Оренбургском и Степном генерал-губернаторствах.

К середине XIX в. русская державная интеллигенция и православные миссионеры начинают остро ощущать рост влияния татарской элиты в Волго-Уральском регионе, Сибири и Казахской степи. Распространение татарской образовательной системы, татарской культуры и предпринимательства имперские культуртрегеры воспринимали как серьезный вызов русскому проекту национального строительства. Посредническая роль татар в интеграции казахского народа в общеимперское пространство, которую раньше власти поощряли, теперь виделся им как конкретный источник угрозы. Кардинальные изменения конфессиональной политики в Степном крае в конце 1860-х гг. – многофакторный процесс, и причина этого кроется не только в «татарско-мусульманском культурном засилье», хотя в политическом дискурсе того времени это занимает одно из видных мест. После завоевания Средней Азии казахские земли превратились во «внутреннюю окраину» России, и их нужно было ввести в российское правовое и культурное пространство. Преобразования в степи были вызваны новыми национальными проектами, которые предполагали обрусение инородцев через школу и систему образования. Этот проект давал надежду русским культуртрегерам воплотить в жизнь идеал «единой и неделимой России».

Существенный урон татарской культуре в Степном крае в конце 1850-х гг. удалось нанести сотрудникам Оренбургской пограничной комиссии: они перевели делопроизводственную переписку с казахами с арабской графики на кириллицу, а затем удалили из приказов всех татарских письмоводителей.

Для разработки алфавита на кириллице применительно к казахскому языку власть привлекала татарских чиновников. В частности, в этом деле был задействован специалист по тюркским языкам, переводчик, преподаватель восточных языков в Неплюевском кадетском корпусе и русско-казахской школе при Оренбургской пограничной комиссии Мирсалих Бекчурин. Именно им был составлен алфавит на кириллице с добавлением фонем, соответствующих фонетике казахского языка. При губернаторе Н.А. Крыжановском в 1866 г. этот алфавит был одобрен Министерством народного просвещения и утвержден [1, с.202].

Однако этот процесс начался гораздо раньше. В 1858 г. начальник Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев (в будущем крупный востоковед, профессор) поставил перед уволенным из противомусульманского отделения Казанской духовной академии преподавателем, видным миссионером Н.И. Ильминским задачу – перевести с русского на казах-

ский язык «Циркулярные правила о пенсиях семей уважаемых киргизов, убитых во время преследования возмутившегося Каенсары». В помощь Н.И. Ильминскому были приставлены три выпускника Оренбургской русско-киргизской школы: Колумбеков, Кусков и Бахтияров. Они убедили Н.И. Ильминского, что при переходе казахского языка на кириллицу фонетический строй языка почти не меняется. Н.И. Ильминский пишет: «Во время своих занятий с киргизскими юношами я заметил, что в школе они сильно пропитались татарским языком. Несмотря на строгий наказ перевести его бумагу на чисто киргизский язык..., они особенно на первых порах, постоянно сбивались на татарские формы, обороты и мне немало труда стоило исправить их на киргизский путь... Но мало-помалу родной язык вступил в свои права и в наших переводах стали являться самостоятельные и удачные киргизские обороты»¹.

Вернувшись в Казань, он выработал для крещеных татар письменность на основе русской графики, с добавлением нескольких фонем. В 1862 г. с помощью крещеного татарина Василия Тимофеева он создал алфавит и букварь на кириллице. В этом издании появилась одна дополнительная буква «н» для обозначения носового «н». Во втором издании в 1871 г. под специфические звуки татарского языка «ә», «ү», «ө» были приспособлены такие буквы русского алфавита как «ä», «ÿ», «ö» [14, с.103]. Этот букварь был впервые издан в 1862 г. и до революции переиздавался 11 раз. Он использовался для обучения чтению и письму крещеных татар.

Казахский алфавит разрабатывался в это же время. Н.И. Ильминский обозначал специфические фонемы казахского языка графически – титлом. Существенным недостатком данного алфавита было то, что в нем не было букв е, в, и, ф, ц, х, ч, щ, ь, ы, э, ю, я [7, с.136]. Таким образом, эти алфавиты не отражали в полной мере фонетику ни татарского, ни казахского языков. Поэтому Министерством народного просвещения был одобрен и утвержден алфавит, разработанный Мендияром Бекчуриным. Именно на этом алфавите Ибрагим Алтынсарин издает в 1879 г. свои знаменитые книги: «Киргизскую хрестоматию» и «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку».

Разработка алфавита на кириллице для крещеных татар и казахов открывали широкие возможности миссионерам, чтобы, в первую очередь, нейтрализовать влияние татарской мусульманской культуры на крещеных татар. Дело в том, что в 1840–1850-е гг. при Казанской духовной академии было выпущено большое количество богослужебной литературы на татарском языке, но напечатанной на арабской графике. Это породило интерес крещен к мусульманской литературе и культуре, а затем привело к переходу в ислам. В 1860–1870-е гг. начался новый этап перевода богослужебных книг, на этот раз уже на основе кириллицы. Профессор противому-

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.968. Оп.1. Д.56. Л.10 об.

сультманского отделения Казанской духовной академии П. Знаменский писал: «С начала шестидесятых годов начался новый период христианского просвещения татар, период Ильминского» [3, с.243]. В 1869 г. в Казани по инициативе председателя Братства св. Гурия и попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова начала работать переводческая комиссия во главе с Н.И. Ильминским [6, с.321].

Переводы богослужебных книг на татарский язык стали матрицами для переводов на другие тюркские языки Российской империи. В целях предотвращения татаризации казахов и внедрения православия «переводческой комиссией» в Казани были переведены на казахский язык 33 книги с общим тиражом 42645 экземпляров [11, с.254]. Всего до революции с русского на казахский язык было переведено 307 книг, 288 из них религиозного содержания [12, с.193]. Казахи, будучи мусульманами, относились к такой литературе с большим недоверием и настороженностью. Об этом сохранилось свидетельство в виде письма генерал-губернатора Степного края барона Таубе «Об открытии миссионерского стана в станице Щучинской для распространения христианской религии среди киргиз Акмоллинской области. Декабрь 1889 г.». Он сообщает, что в 1889 г. тобольский архиеп., преосвященный Авраамий, при посещении города Кокчетав, «объясняя киргизам истины Евангельского учения... раздал книжки Св. Писания с переводом на киргизский язык. К этому собеседованию киргизы, однако, отнеслись недоверчиво, вообразив, что их насильно будут обращать в христианство. Ввиду этого они на другой же день явились в Уездное Управление за разъяснением о причинах, побудивших Преосвященного разговаривать с ними о вере, и справиться о том, не будут ли их насильно крестить. При этом они возвратили розданные преосвященным книжки Св. Писания»².

В письме Н.И. Ильминского от 16 мая 1878 г. попечителю Казанского учебного округа В.В. Катаринскому весьма наглядно изложена стратегия обрусительной политики: «... сознательное усвоение грамоты инородческими детьми для нас важно в том отношении, что мы сейчас же можем дать им для чтения книги на их родном языке, а все инородческие книги – религиозного содержания. ... Следует ли и стоит ли так ускорять христианское образование инородческих детей? ... Утверждение крещеных татар в христианстве есть в то же время борьба с магометанством, которая усложняет и затрудняет наше дело. ... Магометанство отторгает не одних только крещеных татар, но и других инородцев крещеных и язычников»³.

Опыт, проведенный над крещеными татарами, следовало распространить и на казахов. Особой заботой миссионеров было не допустить прокиновения через татарскую культуру в казахский язык мусульманских

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.64. Оп.1. Д.458. Л.7 об.

³ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.181. Л.45.

терминов на арабском и персидских языках, что в значительной степени, по их мнению, усложнило бы внедрение христианства. С подачи православных миссионеров, ратующих якобы за сохранение казахского языка от татаризации, выпускник русско-казахской школы Ибрагим Алтынсарин выступал за очищение казахского языка от того, что он называл «татаризмами», на самом деле от арабских и персидских слов, которые были введены в оборот в процессе исламизации казахов. «Татарский книжный язык, переполненный арабо-персидскими словами, непонятен для неграмотных киргизов, и книги, написанные на этом языке, исключительно религиозного характера представляют и с этой стороны неудобства для обращения в... школах на светские потребности», – писал И.Алтынсарин [9, с.114]. Еще более откровенно выразил русификаторские планы ученик Н.И. Ильминского и директор ташкентской гимназии Н.П. Остроумов: «Русский алфавит представляется с одной стороны хорошим средством к удобнейшему усвоению инородцами русского языка и русского образования, а через это и к объединению инородцев с русским народом, а с другой стороны он дал русской администрации края возможность охранять кочевое население от татарского или вообще от мусульманского влияния»⁴.

В конце 1870-х гг. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков предписал губернатору Акмолинской области В.С. Цытовичу в деловых бумагах, касающихся распоряжений, писать «киргизский текст русскими буквами и о постепенной замене татарских переводчиков природными киргизами»⁵. В ответ В.С. Цытович в своем донесении от 4 октября 1877 г. №103 отмечал: «... во вверенной мне области все распоряжения местной администрации пишутся по-русски, исключая в весьма редких случаях бийские решения, и объявляются заинтересованным лицам также по-русски, в случае незнания этого языка, объясняются им чрез переводчика по-киргизски, ...я вместе с сим сделал распоряжение, обязав в то мое время уездных начальников, на будущее время не допускать в переводчики и письмоводители лиц татарского происхождения...»⁶.

Этой же политики придерживался военный губернатор Тургайской области генерал-майор А.П. Константинович. В своей записке, адресованной министру внутренних дел графу Дмитрию Андреевичу Толстому, он подробно описал, как в январе 1882 г. лично объезжал три уезда, Буртинский, Каратугайский и Акбинский, для пропаганды русского алфавита⁷. Он лично объяснял народу, что письма и жалобы, написанные на арабской графике, якобы не доходят до разбирательства, поскольку мало специалистов, читающих на ней, а письма на казахском языке, написанные на кириллице, якобы разбираются в его канцелярии в первую очередь: «Прави-

⁴ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.43. Л.19 об.

⁵ ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.458. Л.7 об.

⁶ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1. Д.2040а. Л.31.

⁷ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.71. Л.5–6.

ла эти, в моем присутствии, были прочитаны при довольно многочисленном собрании народа, в трех волостях уезда (Буртинской, Каратугайской и Актюбинской). ... Я, в каждой волости, лично старался объяснить собравшемуся народу причину употребления мною, в настоящем случае, русского алфавита, а также ту пользу, которая неминуемо последует для них от этого нововведения. Основные мотивы моих разъяснений по этому поводу заключались в следующем: изложенные в общих чертах характер жалоб, приносимых мне на решения народного суда, и указов на оступления, делаемые биями, а также на недостаточное толкование ими истцам и ответчикам прав их порядка обжалования решений суда, я перешел к тому, что жалобы на таковые приговоры биев, вследствие несоблюдения жалующимися установленных порядков, в большинстве случаев, к крайнему моему сожалению, оставляются без последствий⁸. Далее он доказывал казахам, что на кириллице речь киргизов абсолютно не искажается, а вот при переводе на русский язык татарские толмачи могут исказить первоначальный смысл обращения. Поэтому он делал вывод, что казахи, заинтересованные в своих делах и карьере, быстрее должны учить русский язык и осваивать кириллицу.

Губернатор Тургайской области генерал-майор А.П. Константинович в январе 1882 г. сообщал министру внутренних дел графу Д.А. Толстому о том, что на вверенной ему территории все делопроизводители заменены на казахов и «в настоящее время во всей области нет уже ни одного волостного писаря из татар или башкир»⁹. Однако из архивных документов, сохранившихся в Оренбурге и Алматы, видно, что переписка на татарском языке активно функционировала до конца 1870-х гг. Показательно, что даже «Положение об управлении степными областями» 1868 г. было переведено для казахов не на их язык, а на татарский [13, с.21]. Окончательным завершением данного процесса стало правительственное распоряжение 1876 г. «О замене татарских переводчиков в степи природными киргизами» [15, стб.1709].

Замена татарских служащих в Степи требовала и перестройки образовательной системы. Новый проект русско-киргизских школ при укреплениях разработал председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев. По проекту при укреплениях должны были быть открыты школы с контингентом 25 учеников и один учитель. В школе исключалось преподавание татарского языка. Учащиеся должны были изучать русский и казахский язык и начальную арифметику. Поскольку эти школы все время были недоукомплектованы, в качестве приходящих учеников в ней могли обучаться дети русских поселенцев [4, с.96]. Однако для реализации данного проекта в казне не было средств. На помощь пришел выпускник Оренбургской русско-казахской школы И.Алтынсарин, слу-

⁸ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.71. Л.1 об.

⁹ Там же. Л.1 об.

живший переводчиком в Оренбургском укреплении. Он обратился к казахам с предложением собрать деньги для открытия школ. Подчеркивая большую важность обучения казахских детей в русско-казахских школах, он смог собрать необходимые средства для их открытия [8, с.581]. Вскоре начальником одной из таких школ в Тургае стал сам зауряд-хорунжий Ибрай Алтынсарин. Из работы Н.И. Ильминского выясняется, что в организованной им школе преподавали Закон Божий. Описывая смету на содержание школы, Н.И. Ильминский сообщает: «Если учитель по совместительству за плату исполнял обязанность переводчика при начальнике укрепления, то его жалование уменьшалось до 200 рублей и оставшиеся 100 рублей платили местному священнику за обучение детей русских поселенцев Закону Божьему» [4, с.107]. Также в школах при укреплениях преподавали и основы ислама. Власть совершенно четко понимала, что если этого предмета не будет, то казахи не отдадут своих детей в школу. Учителями в этих школах были выпускники Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминского, как правило, крещеные татары. Преподавать исламские науки они, конечно, не могли, а звать для преподавания мусульман противоречило доктрине данных школ. С подачи Н.И. Ильминского был найден компромисс: И.Алтынсарин под надзором миссионера написал учебник «Шариати ислам». Григорий Косач пишет: «...ислам приземлялся под бдительным оком миссионера, стремящегося не допустить, чтобы «достоинство магометанского пророка» было описано «сильными и живыми чертами» [9, с.115]. Однако и эти школы не оправдали надежды русификаторов. Историк советского времени Т.Т. Тажибаев пишет: «Опыт работы казахских школ при укреплениях... не оправдал надежд царской администрации. Инспектор народных училищ Туркестанского края Н.П. Остроумов писал: «Из этих школ не вышло ни одного обруселого, ни образованного киргиза, так как обе школы обладали слишком мелкими образовательными средствами и еще потому, что учителями в этих школах были инородцы, едва ли проникнутые идеей обрусения» [16, с.25]. В целом, русско-инородческие школы до революции занимали довольно скромное место в системе просвещения нерусских народов на территории Степного края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байгужин И.Г.* Культурно просветительская деятельность Мирсалиха Бекчурина // Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 28 мая 2020 г. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2020. С.200–203.
2. *Даудов А.Х., Мамышева Е.П.* Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С.7–12.
3. *Знаменский П.* О татарских переводах христианских книг // Русский архив. Вып. 2. 1894. №10. С.243–249.

4. *Ильминский Н.И.* Воспоминания об И.А. Алтынсарине: [Письма и бумаги И.А. Алтынсарина]. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. 396 с.

5. *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М.: Наука, 1979. 351 с.

6. *Исхаков Р.Р.* К истории создания первого татарского кириллического алфавита и формирования письменной традиции татар-кряшен (крещеных татар) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17, №3. С.319–322.

7. *Исхан Б.Ж., Даутова С.Б., Оспанова Б.Р.* Языковая политика и казахский алфавит // Успехи современного естествознания. 2014. №9 (часть 1). С.136–140.

8. *Карпыкова Г.У., Утегенова Б.М., Оспанова С.О.* Развитие школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века // *Vylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is.2. Pp.576–587.

9. *Косач Г.* Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени // Вестник Евразии. 1998. №1–2. С.110–130.

10. *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алматы: Гылым, 1993. 242 с.

11. *Муфтахутдинова Д.Ш.* Эволюция конфессиональной политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – начало XX века): монография. Казань: Рос. ислам. ун-т, 2018. 345 с.

12. *Остроумов Н.* Памяти моего незабвенного учителя Н.И. Ильминского // Туркестанский сборник. Т.520. СПб., 1891. С.191–193.

13. *Ремнев. А.В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. №4. С.5–31.

14. *Сальникова А.А., Галиуллина Д.М.* Татарские буквари на кириллице: от букваря Н.И. Ильминского до советских учебников конца 1930–1950-х гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. №4(13). С.102–120.

15. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.6: Царствование императора Александра II. 1874–1876 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1878. Стб.1709.

16. *Тажыбаев Т.Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата: Казахское государственное издательство политической литературы, 1962. 507 с.

Информация об авторе:

Муфтахутдинова Диляра Шамилевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурологии, искусствоведения, Казанский государственный институт культуры (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0522-4260; e-mail: dilaratatar@mail.ru

Поступила 11.12.2023

Принята к публикации 05.02.2024

The process of replacing the Arabic alphabet with Cyrillic alphabet in the Steppe region

D.Sh. Muftakhutdinova

Kazan State Institute of Culture

Kazan, Russian Federation

The article discusses the reasons for replacing the Tatar Arabographic alphabet with the Cyrillic alphabet. Based on archival data, the process of changing alphabets with the help of missionaries, government officials, Kazakh educators, and Tatar teachers in Russian educational institutions is traced. The work was written on the basis of archival documents from the Central Archives of the Republic of Kazakhstan, the State Archives of the Republic of Tatarstan. The main research method is a problem-chronological approach, which made it possible to consider the processes under study in the dynamics of sociocultural processes that took place in the Steppe region. The work may be useful in studying the ethno-confessional policy of the Russian Empire and the mutual influence of the cultures of the Turkic peoples.

Keywords: Tatars, Kazakhs, Muslims, Russification, Christianization, alphabet, enlighteners

For citation: Muftakhutdinova D.Sh. The process of replacing the Arabic alphabet with Cyrillic alphabet in the Steppe region. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.125–134. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.125-134> (In Russian)

REFERENCES

1. Baiguzhin I.G. Cultural educational activities of Mirsalikh Bekchurin. *Muslim in the service of the Russian Empire (dedicated to the 200th anniversary of Mirsalikh Bekchurin): collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference on May 28, 2020*. Ufa: World of Press Publ., 2020. Pp.200–203. (In Russian)
2. Daudov A.Kh. Mamysheva E.P. From the history of romanization of national alphabets of the USSR. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2*. 2011, no.2, pp.7–12. (In Russian)
3. Znamensky P. About Tatar translations of Christian books. *Russian archive*. 1894, vol.2, no.10, pp.243–249. (In Russian)
4. Ilminsky N.I. *Memoirs of I.A. Altynsarin: letters and papers of I.A. Altynsarin*. Kazan: V.M. Klyuchnikov Publ., 1891. 396 p. (In Russian)
5. Isaev M.I. *Language construction in the USSR (processes of creating written languages of the peoples of the USSR)*. Moscow: Science Publ., 1979. 351 p. (In Russian)
6. Iskhakov R.R. On the history of the creation of the first Tatar Cyrillic alphabet and the formation of the written tradition of the Tatar-Kryashens (baptized Tatars). *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015, vol.17, no.3, pp.319–322. (In Russian)

7. Iskhan B.J., Dautova S.B., Ospanova B.R. Language policy and the Kazakh alphabet. *Advances in current natural sciences*. 2014, no. 9 (part 1), pp. 136–140. (In Russian)

8. Karpykova G.U., Utegenova B.M., Ospanova S.O. Development of school education in the Turgai region in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 2018, vol.48, no.2, pp.576–587. (In Russian)

9. Kosach G. Ibrahim Altynsarin: a person in the stream of time. *Bulletin of Eurasia*. 1998, no.1–2, pp.110–130. (In Russian)

10. Musaev K.M. *Languages and scripts of the peoples of Eurasia (region of the former USSR)*. Almaty: Gylym Publ., 1993. 242 p. (In Russian)

11. Muftakhutdinova D.Sh. *Evolution of the confessional policy of the Russian state towards the Muslims of the Volga region and the Urals (second half of the 16th – early 20th century): monograph*. Kazan: Russian Islamic University, 2018. 345 p. (In Russian)

12. Ostroumov N. In memory of my unforgettable teacher N.I. Ilminsky. *Turkestan collection*. 1891, vol.520, pp.191–193. (In Russian)

13. Remnev A.V. Tatars in the Kazakh steppe: comrades and rivals of the Russian Empire. *Bulletin of Eurasia*. 2006, no.4, pp.5–31. (In Russian)

14. Salnikova A.A., Galiullina D.M. Tatar primers in Cyrillic: from the primer of N.I. Ilminsky to Soviet textbooks of the late 1930s–1950s. *Domestic and foreign pedagogy*. 2013, no.4(13), pp.102–120. (In Russian)

15. *Collection of resolutions on the Ministry of Education*. Vol.6: The reign of Emperor Alexander II. 1874–1876. St. Petersburg: V.S. Balashev Publ., 1878. Column 1709. (In Russian)

16. Tazhibayev T.T. *Enlightenment and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century*. Alma-Ata: Kazakh State Publishing House of Political Literature, 1962. 507 p. (In Russian)

About the author:

Muftakhutdinova Dilyara Shamilevna – Cand. Sci. (history), Docent, Associate Professor of the Department of Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0522-4260; e-mail: dilaratatar@mail.ru

Received December 11, 2023

Accepted for publication February 5, 2024

УДК 94(47)"1914/1918"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.135-144

Первая мировая война в материалах Хабиба Зайни

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казанский научный центр Российской академии наук

Казань, Российская Федерация

В статье анализируется военный опыт участника Первой мировой войны – Хабиба Зайни (1890–1967). Он воевал на Западном фронте в составе 3-й армии, был активным общественным деятелем. До мобилизации работал преподавателем медресе «Галия» в Уфе. В 1960-е годы Х.Зайни подготовил мемуары, в которые вошли и эпизоды о войне. Его фронтовая жизнь охватывает период с августа по октябрь 1917 года. Автор делает вывод о том, что материалы прапорщика Х.Зайнетдинова (Х.Зайни) представляют другую картину повседневности татарина-военнослужащего, отличную от традиционной интерсекциональной призмы солдат-татар. При подготовке статьи использованы источники личного происхождения (автобиография, воспоминания), а также делопроизводственные материалы штаба 3-й армии и публикации из газеты «Голос 3-й армии».

Ключевые слова: Первая мировая война, татары, солдаты-мусульмане, эго-документ, Хабиб Зайни

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Первая мировая война в материалах Хабиба Зайни // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.135–144. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.135-144>

Введение. К 100-летию начала Первой мировой войны нами была подготовлена монография «Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918)» [2]. Данный опыт – это первое комплексное обобщение истории татарского народа сквозь призму событий Первой мировой войны, представление как фронтовой, так и тыловой жизни через этническую картину мира. В своей работе мы старались охватить широкий круг источников: от делопроизводственных документов, материалов повременной печати до татарских баитов. Рефлексия войны нашла отражение и в татарской художественной литературе (в поэзии и прозе), а также в мемуарах. Последний вид эго-документов, как и фотоматериалы, очень часто хранится в семейных архивах, и не всегда исследователи имеют доступ к ним. Лишь иногда правообладатели таких архивов делятся своими материалами в научно-популярных сообществах [3], поэтому введение в научный оборот источников такого рода продолжается.

В данной публикации представляются мемуары еще одного татарского солдата, участника Первой мировой войны – Зайнетдинова Хабиба Халиловича (1890–1967). В научной литературе он получил известность под именем Хабиб Зайни. Родился в Троицке (Оренбургская губерния) в семье Халилия-хальфы (1853–1932). Его отец преподавал в медресе Джамала Субханкулова и «Мухаммадии», открытой купцами Яушевыми. Хабиб получил начальное образование в Троицке – в медресе и местной русско-татарской школе [1]. Некоторое время был шакирдом уфимского медресе «Галия», но позднее, благодаря финансовому содействию Общества мусульманских приказчиков г. Троицка, решил продолжить обучение в Османской империи. В 1908–1911 гг. Х.Зайни учился в Стамбуле, в местном Учительском институте. После получения диплома он вернулся в Уфу и стал преподавать в медресе «Галия». В этом учебном заведении он вел предметы, связанные с естественными науками, а также татарский язык. Его статьи по педагогике публиковались в этот период в татарских журналах «Шура» (Оренбург) и «Мәктәп» (Казань). Предположительно, в 1915–1917 гг. он находился на военной службе.

В советские годы Хабиб Зайни работал в области народного просвещения: заведовал Татаро-башкирским педагогическим техникумом в Троицке, был деканом географического факультета Уфимского педагогического института, подготовил разные книги по методике преподавания на татарском языке. В 1930-е годы Х.Зайни жил в Средней Азии и тоже работал в системе высшего образования, но в 1938 г. его репрессировали. В лагерях он провел шесть лет. В 1950 г. вернулся в Уфу. Свои воспоминания, в том числе фрагмент о Первой мировой войне, он записал в начале 1960-х годов. Тетради Хабиба Зайни долгие годы хранились в семье его внука – Искандера Зайни. В 2021 г. копии записей были переданы автору публикации. Среди четырех тетрадей с воспоминаниями особый интерес представляет рукопись на татарском языке под названием «Үлемдән калуларым» («Мои спасения от смерти»), в которой описаны экстремальные эпизоды из жизни автора¹. Кроме тетрадей, хранившихся в семье Зайни, часть его личных материалов сохранилась в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Любопытна и его автобиография, составленная также в 1960-е гг.² Попытаемся с помощью обозначенных выше источников личного происхождения представить фронтовой опыт военнотатарина. В качестве дополнительных источников привлечены делопроизводственные материалы штаба 3-й армии из фондов Российского государственного военно-исторического архива и публикации из газеты «Голос III армии».

¹ Зайни Х. Үлемдән калуларым // Рукопись из личного архива И.Б. Зайни.

² Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРПК НБЛ КФУ). 2390 т, IV. Л.2.

Военная служба Хабиба Зайни. Накануне Первой мировой войны в Европе уже возгорались локальные военные конфликты. С одним из них еще в 1912 г. столкнулся и Х.Зайни. В его мемуарах есть эпизод о том, как он оказался в плену в Албании. Судя по всему, речь идет об итало-турецкой войне. Х.Зайни тогда учился в Стамбуле и приехал в Албанию к своему однокурснику. Во время прогулки по Тиране он оказался в числе гражданских заложников итальянских матросов. Х.Зайни освободили после вмешательства российского консула.

Вскоре он вернулся в Россию и начал работать мугаллимом в уфимском медресе «Галия». Любопытно, что в качестве факультатива Х.Зайни ввел уроки физкультуры. Эти занятия практиковались в русских школах еще с конца XIX в., т.е. после проведения военной реформы Александра II. При всеобщем воинском призыве особенно актуальной стала физическая подготовка широких слоев населения, прежде всего, подрастающего поколения – будущих военных.

Совсем скоро мугаллим Хабиб Зайни тоже был призван на военную службу. Началась Первая мировая война. Как пишет он в автобиографии, «в 1914–1915 году был мобилизован в армию и как имеющий высшее образование был отправлен в военное училище»³. К сожалению, в документе не уточняется, в какое именно учебное заведение был отправлен призывник, нет и конкретной даты призыва. Можно предположить, что Хабиб Зайни не попал в первые мобилизации и был призван позднее. Сначала призывали запасных солдат с военным опытом, а с 1916 г. на фронт отправляли уже даже ратников 2-го разряда, т.е. никогда ранее не служивших. Татарская общественность в это время пыталась получить освобождение от военного призыва для мугаллимов, но закон, принятый 6 октября 1916 г., касался лиц старше 40 лет. Окончательно вопрос решился в пользу преподавателей мектебов и медресе только после февральской революции: тогда освобождение от военной службы получили мугаллимы всех возрастов [2, с.36]. Таким образом, мугаллим Хабиб Зайни мог быть призван до введения всех этих льгот.

Лаконичные факты из его автобиографии вызывают множество вопросов: если его призвали в 1914–1915 гг., почему он оказался на фронте только в августе 1917 года? Как следует из этого документа, сначала он проходил обучение в военном училище, потом «был командирован на офицерские курсы переводчиков в распоряжение Одесского военного округа для изучения турецкой военной терминологии»⁴. В мемуарах есть упоминание о том, что он учился в Одессе⁵. Далее Хабиб Зайни пишет, что «в августе 1917 года после ликвидации этих курсов был отправлен в одиночном порядке на действующий фронт в 3-ю армию и зачислен началь-

³ ОРРК НБЛ КФУ. 2390 т, IV. Л.2.

⁴ Там же.

⁵ Зайни Х. Указ. соч. Л.8.

ником заставы 30 полка»⁶. Если же его призвали в 1916 г., то, судя по всему, около шести месяцев было потрачено на обучение.

Дополнительную информацию о солдатах и офицерах Первой мировой войны можно получить из документов Российского государственного военно-исторического архива. Часть материалов этого архивохранилища цифровизована и представлена на интернет-ресурсе gwar.mil.ru. Однако нам не удалось обнаружить точных сведений по солдату Хабибу Зайнетдинову в этой базе данных, военнотружущие со схожим именем оказались уроженцами других населенных пунктов. Конечно, после этого может возникнуть вопрос: а участвовал ли Хабиб Зайни в Первой мировой войне? Мы имеем дело преимущественно с источниками только личного происхождения. Насколько можно доверять им? Но тут следует уточнить, что в базе данных РГВИА представлена «картотека потерь», т.е. речь идет о солдатах и офицерах погибших, получивших ранение, выбывших по болезни, попавших в плен, пропавших без вести. Кроме того, в базе данных имеются документы по награжденным военнотружущим, т.е. по получившим Георгиевские кресты и медали. Если военный не попадал ни под одну из этих категорий, то логично и отсутствие его в базе данных.

Как видно из автобиографии Хабиба Зайни, военный опыт у него был небольшим: т.к. сначала учился, а потом служил в штабе 3-й армии. Также он пишет, что был редактором фронтовой газеты «Голос III армии». Хотя в этом издании нет сведений о составе редакции, но в некоторых публикациях 1917 г. встречается имя прапорщика Зайнетдинова. Очевидно, речь идет о Х.Зайни. Например, в номере от 24 октября сообщается о том, что прапорщик Зайнетдинов является председателем армейского Мусульманского Исполнительного бюро, организатором съезда [5].

Не случайно именно его от имени 3-й армии направили в этот период на Миллэт меджлисе (Национальный парламент), организованный в Уфе в ноябре-декабре 1917 г. Правда, в списках делегатов меджлиса его фамилия указана с ошибкой – Х.Зайнуллин. Он входил во фракцию тюркистов, а также был включен в комиссию по территориальной автономии [6]. Однако в автобиографии об этом эпизоде своей жизни Х.Зайни писал крайне осторожно: «Прибыл в Уфу к концу октября и застал только конец этого съезда. Октябрьскую революцию застал в Уфе. Не дожидаясь конца этого съезда, включился в оторванную войной педагогическую жизнь»⁷.

Итак, не подвергая сомнению участие Хабиба Зайни в Первой мировой войне, приступим к анализу его воспоминаний о войне уже неформального характера. Как уже было отмечено выше, свой непосредственный военный опыт он включил в тетрадь воспоминаний под названием «Мои спасения от смерти», где были собраны экстремальные эпизоды его судьбы, на грани жизни и смерти.

⁶ ОРРК НБЛ КФУ. 2390 т, IV. Л.2.

⁷ ОРРК НБЛ КФУ. 2390 т, IV. Л.2.

Западный фронт глазами Хабиба Зайни. «Обычная перестрелка»⁸ – самая частая формулировка в оперативных сводках 3-й армии Западного фронта в августе 1917 года. Тем временем, прибывшему на фронт Х.Зайни сначала было тяжело из-за непривычно громких звуков. Как и многие солдаты Первой мировой войны, он выделил этот момент. Но самое тяжелое впечатление оставил другой эпизод, случившийся с ним в первые дни после прибытия. Солдаты, вышедшие из окопов на отдых, бросились чистить свою одежду от вшей. Однако постиранное белье светлых оттенков, раскиданное солдатами на зеленой траве, стало в итоге приманкой для аэропланов противника – начался часовой обстрел. Офицеры, в их числе Х.Зайни, укрылись в относительно крепких блиндажах и выжили. А вот большинство солдат, попрятавшихся в хлипких землянках, погибли. *«Землянки сровнялись с землей. На земле валялись подпрыгивающие руки, ноги, головы. Некоторые стихли, а некоторые еще пульсировали. Катаются тела в крови и с разорванными кишками»*, – вспоминал тот день Х.Зайни. – *Снаряды падавшие на наш блиндаж, отскакивали и взрывались. Вместе с выжившими – их было около пяти человек – мы собрали и похоронили в одной большой яме эти ноги, руки, головы и тела.* По его словам, в тот день было не менее ста погибших солдат, а похороны еще вчера живых людей, с которыми он общался только накануне, стали для Х.Зайни сильнейшим потрясением⁹. К сожалению, в срочных донесениях, рапортах, оперативных сводках и других отчетных материалах 3-й армии за август 1917 г. не удалось найти упоминание об этом событии.

Следующее близкое столкновение со смертью случилось уже на заставе. Причем здесь он описывает не столько смерти во время открытых боевых действий, а летальные исходы, вызванные беспечностью солдат. Уставшие от позиционной войны, грязных окопов, замученные вшами, они теряли бдительность и становились легкой мишенью для противника. *«Солдаты очень сильно чесались. Ямы, вырытые для их передвижения, были укреплены чем-то вроде плетней, на подобии деревенских заборов. По этим обходным путям они ходили за едой, – отмечал он. – Из-за того, что шинели за плечами мешали их передвижению, некоторые, несмотря на запреты, шли сверху с котелками на руках. Немецкие снайперы, сидящие на деревьях, стреляли по ним как по диким уткам. В каждый привоз еды застреливали двух-четырех солдат и они выходили из строя»*¹⁰. Текст Х.Зайни во многом это взгляд офицера, сетовавшего на равнодушие солдат. В донесениях военачальников 3-й армии это тоже была частая жалоба летом-осенью 1917 г. – непослушание нижних чинов. Кроме своей оценки, Х.Зайни приводит мнение другого, более опытного офицера. По-

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Оп.1. Д.318. Л.53.

⁹ Зайни Х. Указ. соч. Л.9.

¹⁰ Там же. Л.10.

сле случая с обстрелом солдат на резерве его коллега сетует на то, что солдаты не послушались и стали стирать одежду так невовремя: «*А ведь вошь не съела бы их. Не послушались меня, вот – результат*»¹¹.

К слову, за обмундированием офицеров следили денщики. Хабиб Зайни упоминает денщика Иванова, но, несмотря на все его заботы о чистоте белья начальника и частую смену, каждый день ротный офицер Зайнетдинов «*находил у себя по четыре-пять вшей*»¹².

Как уже отмечалось выше, прапорщик Х.Зайнетдинов принимал активное участие в общественной жизни. Он входил в состав армейского Мусульманского исполнительного бюро. Среди активистов этого движения в октябре 1917 г., кроме него, были также подпоручик Тюмакаев, прапорщик Байбурин, солдаты Минигулов, Гариф Садретдинов, Гадельша Зиянчурин, ефрейтор Гариф Садретдинов, младший урядник Ситдик Патеев [5]. Тем не менее, в мемуарах Х.Зайни нет особых моментов, связанных с этнической или конфессиональной солидарностью солдат. Он упоминает лишь небольшой случай с растерянным молодым солдатом на заставе: «*Когда узнал, что и я татарин, бедолага заплакал*». Юный военнослужащий не знал, как поступить с окопом, полным воды. Тогда начальник заставы Х.Зайнетдинов отпустил солдата в резерв и попросил отправить замену. «*Так я порадовал должно быть изнеженного татарского мальчика*»¹³, – пишет он. Возможно, автор мемуаров сознательно избегал выпячивания этноконфессиональных моментов, дабы придерживаться советской установки на интернационализм.

Впрочем, он включил в свой рассказ любопытные наблюдения, связанные с празднованием мусульманского Курбан-байрама на фронте. Вероятно, это связано и с контекстом лета 1917 г., когда после февральской революции начали еще сильнее звучать требования о правах солдат-мусульман. Да и в кризисные моменты власти обращались к представителям конфессиональных сообществ. Например, 1 сентября 1917 г. в газете «Голос III армии» было опубликовано «Воззвание к мусульманам». От имени Шура (Исполкома Всероссийского мусульманского совета) солдат-мусульман 3-й армии просили «всеми силами поддерживать Временное Правительство в борьбе с контрреволюционным выступлением Корнилова» [4].

Сообщества, в свою очередь, начали выдвигать свои требования. Например, среди документов 3-й армии этого периода есть рапорт от 7 августа 1917 г., в котором докладывается о ходатайстве армейского комитета о нуждах военных-мусульман. Наряду с требованием назначения дивизионных мулл и санитаров-мусульман для проведения религиозных обрядов (главным образом, похоронных), организации мусульманских

¹¹ Зайни Х. Указ. соч. Л.9.

¹² Там же. Л.10.

¹³ Там же. Л.11.

кладбищ в гарнизонах, солдаты просили освобождения от занятий по пятницам, «если позволяет обстановка». Удовлетворение последнего требования командарм считал недопустимым¹⁴.

Тем не менее, в середине августа 1917 г. (по словам Х.Зайни) солдаты 3-й армии отмечали Курбан-байрам. В этой связи их на три дня освободили от занятий в резервных полках. *«В густом лесу, на поляне привезли походную кухню, повесили большой казан, – вспоминал Х.Зайни. – Зарезали в качестве курбана (жертвоприношения) одну раненую жирную лошадь. Из своих же назначили поваров, дежурных («следивших за порядком»). Все радостные, все работают. В казанах варится мясо курбана, готовится куллама [национальное блюдо из теста. – Л.Г.], раскатывали салму [лапша по-татарски. – Л.Г.]. Тут же ходит деятельный полковой мулла. Вместо намазлыков постелили брезенты. Мулла отличается от всех своей чалмой на голове. Построились в ряд [для намаза]. Офицерам указали место в передних рядах. Прочитали гаид (праздничный намаз), сказали такбир (восхваление Аллаха). Полковой мулла рассказал короткий вагаз (проповедь), связанный с религией. Перед муллой скопились садака (денежные подношения). Бедные солдаты, годами измученные войной, в честь гаида просили у Аллаха возвращения домой, к семье во здравии»¹⁵*. К слову, власти с самого начала войны старались учесть религиозные требы и солдат-мусульман. Однако не везде это удавалось, особенно не хватало военных мулл. Единичные фотографии молящихся солдат-мусульман во главе с муллой¹⁶ свидетельствуют скорее о том, как важно было военачальникам того времени зафиксировать, подчеркнуть этот момент религиозной толерантности на фронте.

Х.Зайни также отмечал, что после проповеди муллы один из солдат очень красиво читал Коран. *«Видимо, шакирд»*, – замечает он. Вместе с тем, такого рода религиозные собрания могли стать и удобным местом для агитации за различные политические течения, хотя такие попытки пресекались сразу же. Активист армейского комитета и мусульманского бюро Х.Зайни представляет себя в мемуарах как поборника идей пацифизма, продвигаемых представителями РКП(б). По его словам, после проповеди муллы он сам тоже выступил перед солдатами и говорил о бессмысленности войны для простых слоев населения¹⁷. Возможно, прапорщик Зайнетдинов находился под влиянием различных газет и брошюр, которые в тот период активно распространялись в 3-й армии. Например, 8 августа 1917 г. начальник штаба 3-й армии сообщал о том, что в его ведомстве нашли «вредными» следующие повременные издания: «Голос Правды», «Пролетарское дело», «Рабочий и солдат», «Социал-демократ», «Интерна-

¹⁴ РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1336. Л.694–696.

¹⁵ Зайни Х. Указ. соч. Л.11.

¹⁶ Пестречинский краеведческий музей. ОФ-8242/10.

¹⁷ Зайни Х. Указ. соч. Л.12.

ционал», «Письмо о тактике», «Открытое письмо» Ленина и «Воззвание к солдатам»¹⁸. Вполне вероятно, что Х.Зайни мог рассказать солдатам содержание этих газет и брошюр.

Сразу после Курбан-байрама его направили на передовую (для получения разведанных). Этот момент автор мемуаров связывал с тем, что кто-то из сослуживцев донес о его выступлении, и поэтому ему дали опасное поручение, не соответствующее должностным обязанностям. Тем не менее, он справился с поручением и вернулся живым. «Свистящие пули» и «взорвавшиеся бомбы» рядом, очевидно, остались еще одним сильным потрясением для Х.Зайни и заняли место в его повествовании в главе под названием «Мои спасения от смерти».

Дальнейшая служба прапорщика Х.Зайнетдинова проходила в штабе 3-й армии, который дислоцировался тогда в Полоцке. Там же выходила фронтовая газета «Голос III армии». В мемуарах уже нет упоминаний об этом периоде. Вероятно потому, что в тылу не было прямой угрозы его жизни.

Выводы. Таким образом, представленный эго-документ – воспоминания Хабиба Зайни служат дополнительным источником информации о Первой мировой войне, в особенности о повседневности военнослужащих-мусульман. Ценно и то, что автор мемуаров – прапорщик и активный общественный деятель. Как известно, в тот период среди офицерского состава российской армии татар было мало, а сохранившиеся тексты солдат (в основном, письма и баиты) формируют свою картину фронтовой жизни [2, с.121–135]. Поэтому опыт прапорщика Х.Зайнетдинова открывает другой взгляд на военную повседневность, не связанную с интерсекциональной призмой татарина-мусульманина из нижних чинов. Несмотря на то, что текст носит частный характер и автор не рассчитывал его публиковать, в нем нет упоминаний о случаях армейской дискриминации по этническому, религиозному или иному признаку. Наоборот, представленный Х.Зайни военный опыт, датируемый летом-осенью 1917 г., демонстрирует два полюса: отстаивание военнослужащими религиозных и других прав, с одной стороны, и постоянное нарушение армейской дисциплины, которое становилось причиной массовой гибели солдат, с другой. Из таких противоречий складывалась фронтовая жизнь лета-осени 1917 г., что в итоге стала одним из детерминирующих факторов социально-политических катаклизмов в стране.

¹⁸ РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1339. Л.82–83.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габдрафикова Л.Р.* Дореволюционное детство в текстах татарского педагога советского времени (на примере эго-документов Хабиба Зайни) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т.22, №2. С.207–222.
2. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 396 с.
3. *Габдрафикова Л.* Первая мировая война, семейные истории и поиск своих предков [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/liliyagabdrifikova/pervaia-mirovaia-voina-semeinye-istorii-i-poisk-svoih-predkov-603b8b5a6cd9133fa662d3fc> (дата обращения: 04.01.2024).
4. Голос III армии. 1917. 1 сентября. №110. С.3.
5. Голос III армии. 1917. 24 октября. №143. С.4.
6. *Тагиров И.Р.* Миллет Меджлиси / Tatarica [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/millet-medzhlisi> (дата обращения: 08.01.2024).

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 04.12.2023

Принята к публикации 01.02.2024

The World War I in the materials of Habib Zaini

L.R. Gabdrifikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article is a study of the military experiences of World War I participant Habib Zaini (1890–1967). He fought on the Western Front as part of the 3rd Army and was an active public figure. He worked as a teacher at the Galia madrasah in Ufa before military mobilization. In the 1960s, H. Zaini wrote memoirs, which also include episodes about the war. His life at the Front was the period from August to October 1917. The author comes to the conclusion that H.Zaini's materials reveal a different picture of the everyday life of a Tatar soldier, different from the traditional intersectional prism of Tatar soldiers. In preparing this article, the author used personal

sources (autobiography, memoirs), as well as office materials from the 3rd Army and publications from the newspaper "Voice of the Third Army".

Keywords: World War I, Tatars, Muslim soldiers, ego-document, Habib Zaini

Fot citation: Gabdrafikova L.R. The World War I in the materials of Habib Zaini. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.135–144. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.135-144> (In Russian)

REFERENCES

1. Gabdrafikova L.R. Pre-revolutionary childhood in the texts of a Tatar teacher of the Soviet era on the example of Habib Zaini's ego-documents. *RUDN Journal of Russian History*. 2023. Vol.22, no.2, pp.207–222. (In Russian)
2. Gabdrafikova L.R., Abdullin Kh.M. *Tatars during the World War I (1914–1918)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 396 p. (In Russian)
3. Gabdrafikova L.R. World War I, family histories and ancestor searches. *Dzen* [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/media/liliyagabdrafikova/> (accessed: 04.01.2024). (In Russian)
4. *Voice of the 3rd Army*. 1917. September 1, no.110, p.3. (In Russian)
5. *Voice of the 3rd Army*. 1917. October 24, no.143, p.4. (In Russian)
6. Tagirov I.R. Millet Majlisi. *Tatarica* [Electronic resource]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/millet-medzhlisi> (accessed: 08.01.2024). (In Russian)

About the author:

Gabdrafikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received December 4, 2023

Accepted for publication February 1, 2024

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 930.23(093.2)(470)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.145-163

Новый документ времени царствования Михаила Федоровича о службе «новокрещенов» и татар в сторожевом полку

М.Р. Белоусов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье введен в научный оборот, исследован и опубликован документ по истории дворян и детей боярских Лихвинского, Соловского, Боровского, Верейского и Одоевского уездов, «новокрещенов» Московского, Боровского, Малоярославецкого, Серпуховского, Калужского, Коломенского и Каширского уездов и татар-казаков Боровского уезда (список именной («наряд») «розных городов дворян, которым быть в сторожевом полку на Кропивне»). Список именной, изученный в статье, отложился в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Проведено археографическое описание публикуемого документа. Обоснована предложенная датировка «наряда» служилых людей. Охарактеризован информационный потенциал именного списка. Статья адресована специалистам по социальной истории, генеалогии служилых людей, в том числе «новокрещенов» и татар-казаков, источниковедению делопроизводственных документов.

Ключевые слова: Разрядный приказ, именной список служилых людей, сторожевой полк, дворяне, дети боярские, «новокрещены», татары-казаки

Для цитирования: Белоусов М.Р. Новый документ времени царствования Михаила Федоровича о службе «новокрещенов» и татар в сторожевом полку // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.145–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.145-163>

Для изучения социально-политической истории и генеалогии служилых людей XVII в. существенное значение имеют учетно-служебные документы Разрядного приказа, в частности росписи, фиксировавшие сам факт пребывания человека в составе конкретной служилой корпорации. Не являются в этом смысле исключением и именные списки («наряды») городовых дворян, детей боярских, «новокрещенов» и татар, ежегодно направляемых с воеводами на службу «в украинном розряде» «для приходу крымских людей». Так, в столбцах Московского стола Разрядного приказа

Российского государственного архива древних актов¹ отложился список именной («наряд») «розных городов дворян, которым быть в сторожевом полку на Кропивне»². Этот документ, написанный скорописью первой половины XVII в. на 33 листах, сохранился полностью³.

Структура именного списка («наряда») такова:

1. «Выбор»⁴, в т.ч. «Лихвин»⁵, «Солова»⁶, «Боровеск»⁷, «Веряя»⁸;
2. «Дети боярские дворовые и городовые»⁹, в т.ч. «Лихвин»¹⁰ (в т.ч. «Дворовые»¹¹, «Городовые»¹²), «Солова»¹³ (в т.ч. «Дворовые»¹⁴, «Городовые»¹⁵), «С отцова»¹⁶, «Новики 136-го году»¹⁷), «Одоев»¹⁸ (в т.ч. «Дворовые»¹⁹, «Городовые»²⁰), «Новики 136-го году»²¹);
3. «Казачи одоевские помещики»²²;
4. [«Новокрещены» и «татаровя»²³ (без общего подзаголовка)], в т.ч. «Московсково уезда новокрещоны»²⁴ (в т.ч. собственно «Новокрещены»²⁵

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Разрядный приказ. Оп.9. Столбцы Московского стола.

² Название дано автором публикации на основании более поздней (по сравнению со временем написания текста списка) приказной пометы на обороте первого листа документа: «Наряд розных городов дворя<н>, которым быть в сторожевом полку на Кропивне, а которо<го> году, не написа<но>» [РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.1125. Л.238 об.]. Сохранился подлинный заголовок документа: «Быти на государеве царе и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии службе в сторожевом полку на Кропивне» [РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.1125. Л.238].

³ Там же. Л.238–270.

⁴ Там же. Л.238–240.

⁵ Там же. Л.238–239.

⁶ Там же. Л.239.

⁷ Там же. Л.239–240.

⁸ Там же. Л.240.

⁹ Там же. Л.240–256.

¹⁰ Там же. Л.240–243.

¹¹ Там же. Л.240–241.

¹² Там же. Л.242–243.

¹³ Там же. Л.243–248.

¹⁴ Там же. Л.243–244.

¹⁵ Там же. Л.244–246.

¹⁶ Там же. Л.246.

¹⁷ Там же. Л.247–248.

¹⁸ Там же. Л.248–256.

¹⁹ Там же. Л.248.

²⁰ Там же. Л.249–254.

²¹ Там же. Л.255–256.

²² Там же. Л.256.

²³ Там же. Л.256–270.

²⁴ Там же. Л.256–259.

²⁵ Там же. Л.256–258.

(без подзаголовка), «Новики 136-го году»²⁶), «Боровсково уезда новокрещоны»²⁷ (в т.ч. собственно «Новокрещены»²⁸ (без подзаголовка), «Татаровья»²⁹, «Новики 136-го году»³⁰), «Ярославца Малово»³¹ (в т.ч. собственно «Новокрещен»³² (без подзаголовка), «Новики 136-го году»³³), «Серпуховские новокрещоны и татаровья»³⁴ (в т.ч. «Новокрещоны»³⁵, «Новики 136-го году»³⁶), «Колужские новокрещоны»³⁷ (в т.ч. собственно «Новокрещены»³⁸ (без подзаголовка), «Новики 136-го году»³⁹), «Коломенские новокрещоны»⁴⁰ (в т.ч. собственно «Новокрещены»⁴¹ (без подзаголовка), «Новики 136-го году»⁴²), «Коширские новокрещоны»⁴³ (в т.ч. собственно «Новокрещены»⁴⁴ (без подзаголовка), «С отцова поместья»⁴⁵, «Новики 136-го году»⁴⁶).

В указанных выше структурных частях нижнего порядка именованного списка («наряда») роль перечневых подзаголовков выполняют размеры (в четьях) поместных окладов служилых людей. Размеры поместных окладов, судя по «наряду», составляют (в порядке уменьшения): у выборных дворян – верхушки служилого города – от 900 до 300 четей; у дворовых детей боярских – от 650 до 300 четей; у городских детей боярских – от 500 до 80 четей; у «новокрещенов» – от 650 до 100 четей; у татар – от 300 до 100 четей.

Согласно нашим подсчетам, в именованном списке («наряде») числятся 380 служилых людей: 12 выборных дворян, 25 дворовых детей боярских, 153 городских детей боярских, 39 детей боярских – «новиков», 1 служащий «с отцова» (сына боярского) поместья, 2 казака – одоевских помещи-

²⁶ Там же. Л.258–259.

²⁷ Там же. Л.259–262.

²⁸ Там же. Л.259–261.

²⁹ Там же. Л.261.

³⁰ Там же. Л.261–262.

³¹ Там же. Л.263.

³² Там же. Л.263.

³³ Там же. Л.263.

³⁴ Там же. Л.263–265.

³⁵ Там же. Л.263–264.

³⁶ Там же. Л.264–265.

³⁷ Там же. Л.265–266.

³⁸ Там же. Л.265.

³⁹ Там же. Л.266.

⁴⁰ Там же. Л.266–269.

⁴¹ Там же. Л.266–268.

⁴² Там же. Л.268–269.

⁴³ Там же. Л.269–270.

⁴⁴ Там же. Л.269–270.

⁴⁵ Там же. Л.270.

⁴⁶ Там же. Л.270.

ка, 96 «новокрещенов», 49 «новокрещенов» – «новики», 1 служащий «с отцова» («новокрещена») поместья и 2 татар-казаков.

Время составления именованного списка («наряда») определяется на основании следующих наблюдений: 1) Выборные дворяне, записанные в «наряд» на службу в сторожевом полку на Кропивне, значатся среди выборных дворян в «подлинных» боярских списках 1627/28, 1628 и 1629 гг. с теми же поместными окладами (лихвинцы в списках 1627/28, 1628, 1629 гг. [4, с.176, 251–252, 323]; соловьяне (за исключением А.В. Игнатьева) в списках 1627/28, 1628 гг. [4, с.164–165, 240]; боровичи в списках 1627/28, 1628, 1629 гг. [4, с.170, 246, 317]; вереич в списках 1627/28, 1628 гг. [4, с.167, 243]); кроме того, А.В. Игнатьев был пожалован «ис туляна» в дворяне московские 29 января 7140 (1632) г. [4, с.503], а М.А. Ртищев – «из лихвинцов» в дворяне московские 31 января 7140 (1632) г. [4, с.503]; 2) Все новики, записанные в «наряде», – 7136 (1627/28)-го г. Исходя из этих наблюдений, можно датировать список именованной («наряд») 7137(1628/29)-м г.

Согласно «Дворцовым разрядам», в 7136 (1628) г. «марта в 11 день государь [...] указал быть на своей государеве службе в украинном розряде воеводам по полком: [...] в сторожевом полку на Кропивне князь Иван княж Иванов сын Ромодановской Меншой да Михайло Игнатьев сын Новосильцов» [2, стб.983]; в 7137 (1629) г. «марта в 20 день указал государь быть на своей государеве службе на Украине для приходу крымских людей воеводам по полком: [...] в сторожевом полку на Кропивне столник и воеводы Михайло Петров сын Волынской Щепин да Володимер Прокофьев сын Ляпунов; и Володимера отставили по челобитью дворян и детей боярских тамошних городов, били челом на него недружбою, и на его место велено быть Максиму Петрову сыну Крюкову» [3, стб.47]. Очевидно, дворяне, дети боярские, «новокрещены» и татары должны были находиться в сторожевом полку на Кропивне с указанными воеводами, скорее всего, в 7137 (1629) г.

Среди «новокрещенов» именованного списка («наряда») 1628/29 г. привлекают внимание некоторые лица, явно принадлежащие к служилому роду, изучению которого была посвящена новая статья А.В. Белякова [1]. Речь идет о семье испомещенных под Москвой служилых татар Баймаковых-Резановых, представители которой непосредственно участвовали в организации дипломатических контактов Московского государства с мусульманскими странами в качестве станичников и толмачей [1, с.888–889, 894–895]. В частности, в статье сообщается, что после Смуты Резановы начинают переходить в православие: Кудобердей Уразов стал Гурием, Байкрым Сабанеев (Резанов) – Федором [1, с.894]. Говорится и о Байгилдее Собанине (известен по документам по 1613/14 г.) [1, с.893–894].

Между тем, в рассматриваемом именованном списке («наряде») Гурий Уразов – «Московсково уезда новокрещон» с поместным окладом

650 четв.⁴⁷ (наибольший из окладов у «новокрещенов» «наряда»). Кроме него, «Московсково уезда новокрещонами» были и другие члены рода – Данилко Спиридонов сын Девлеткозин, Матвей Янгилдеев сын Девлеткозин, Кирилко Байгилдеев сын Собаков⁴⁸ (явный сын Байгилдея Собанина), Ондрюшка Федоров сын Резанов (очевидно, сын Федора (Байкрыма) Сабанеева), Семейка Айгилдеев сын Девлеткозин, Офремко Бахтеяров⁴⁹ (видимо, потомок Бахтеяра Баймакова, брата Резана Баймакова [1, с.890]). В перечне серпуховских «новокрещенов» указан Алексей Янсубин сын Собаков⁵⁰ (возможный внук Собаня Резанова [1, с.890–892]). В перечне «Коломенские новокрещоны» указан Филка Иванов сын Резанов⁵¹. А.В. Беляков предположил, что Филипп Резанов был сыном или внуком Собаня Резанова [1, с.894]. Теперь очевидно, что Филипп Иванович Резанов не мог быть сыном Собаня.

Таким образом, информационный потенциал публикуемого ниже документа чрезвычайно велик и предоставляет возможность исследовать различные вопросы истории как городских корпораций служилых людей в целом, так и «новокрещенов» Московского, Боровского, Малоярославецкого, Серпуховского, Калужского, Коломенского и Каширского уездов и татар-казаков Боровского уезда в частности.

* * *

Заголовок документа, данный публикатором, помещен непосредственно перед его текстом и набран курсивом.

Документ публикуется по следующим правилам. Текст передается современным русским алфавитом. Все вышедшие из употребления буквы заменяются современными. Буквенные цифры заменяются арабскими цифрами. Сокращенные слова восполняются отсутствующими буквами. Выносные буквы вносятся в строку. Правила пунктуации – современные. В тех случаях, когда после выносной согласной по современным правилам орфографии требуется мягкий знак, эта буква воспроизводится в позиции перед гласной и на конце слова. В тех случаях, когда после выносной согласной по современным правилам орфографии (в позиции перед гласной) требуется твердый знак, эта буква воспроизводится. Твердый знак между согласными и на конце слов не воспроизводится. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Повреждение текста обозначается угловыми скобками. Номер листа единицы хранения указывается в квадратных скобках.

⁴⁷ Там же. Л.256.

⁴⁸ Там же. Л.257.

⁴⁹ Там же. Л.258.

⁵⁰ Там же. Л.263.

⁵¹ Там же. Л.268.

Текст:

1628/29 г. – Список именной («наряд») «розных городов дворян, которым быть в сторожевом полку на Кропивне»

[Л.238 об.]⁵²

Наряд ^{53.*}розных* городов дворя<н>, которым быть ⁵⁴ в сторожевом полку ⁵⁵на Кропивне, а которо<го> году, не написа<но>* //

[Л.238]

Быти на государеве царевице и великого князя Михайла Федоровича
всего Русии службе в сторожевом полку на Кропивне

Выбор

Лихвин

800 четьи

Иван Матвеев сын Чичерин

По 650 четьи

Меншой Матвеев сын Чичерин

Григорей Тимофеев сын Оринкин

600 четьи

Михайло Олексеев сын Ртищев //

[Л.239]

300 четьи

Богдан Олексеев сын Темирязов

Солова

900 четьи

Иван Иванов сын Хрипков

800 четьи

Иван Нератаев сын Сухотин

650 четьи

Роба Федоров сын Мясоедов

500 четьи

Олексей Внуков сын Игнатъев

Боровеск

700 четьи //

[Л.240]

Степан Ондреев сын Загряской

500 четьи

Июда Ильин сын Загряской

Верея

750 четьи

⁵² Приказная помета, более поздняя по сравнению со временем написания текста списка.

^{53.*} Приписано над строкой.

⁵⁴ Далее зачеркнуты слова на Кропивне.

^{55.*} Приписано позже.

Михайло Тимофеев сын Пушечников
Дети боярские дворовые и городовые
Лихвин
Дворовые
600 четьи
Василей Офонасьев сын Темирязев
550 четьи
Федор Васильев сын Племянников //
[Л.241]
500 четьи
Ондрейн Аврамов сын Тевяшов
450 четьи
Улан Микитин сын Поводов
По 400 четьи
Ондрей Тимофеев сын Оринкин
Дмитрей Микифоров сын Тевяшов
По 350 четьи
Федор Юрьев сын Сомов
Воин Иванов сын Темирязев
Лаврентей Михайлов сын Зыбин
Степан Федоров сын Оринкин
По 300 четьи
Михайло Федоров сын Ртищев
Иван Михайлов сын Внуков
Юрьи Михайлов сын Корташов
Иван Дмитриев сын Нестеров //
[Л.242]
Городовые
350 четьи
Логвин Микифоров сын Темешов
По 300 четьи
Офонасей Сидоров сын Бунаков
Игнатей Юрьев сын Сомов
Иван Васильев сын Борышников
По 250 четьи
Лукьян Федоров сын Нестеров
Осип Петров сын Брагин
Матюшка Захарьев сын Евлахов
Назарко Микитин сын Нестеров
Микифорко Иванов сын Колугин
Олешка Михайлов сын Внуков
200 четьи //
[Л.243]
Федка Иванов сын Салтанов
Солова
Дворовые
650 четьи
Микита Иванов сын Хрипков

500 четъи
Нехорошей Иванов сын Айдаров
350 четъи
Ондрей Аидин сын Сатин
По 300 четъи
Степан Григорьев сын Карцов
Олександро Иванов сын Сухотин
Роман Иванов сын Есипов
Михайло Ропин сын Мясоедов //
[Л.244]
Микита Федоров сын Мясоедов
Городовые
По 500 четъи
Казарин Петров сын Ртищев
Яков Иванов сын Пешков
По 350 четъи
Гаврило Михайлов сын Кожухов
Роман Иванов сын Сатин
По 300 четъи
Левонтей Петров сын Давыдов
Иван Григорьев сын Селиванов
Ларион Бекляев сын Якунин
Степан Салтанов сын Ртищев
Тимофей Ильин сын Сумороков
Гаврило Назарьев сын Жабин
Мартин Микифоров сын Малинин
Ларион Васильев сын Сухотин //
[Л.245]
По 250 четъи
Гаврило Казаринов сын Ртищев
Олексей Иванов сын Якунин
Ондрей Борисов сын Зуборев
Мартин Фторово сын Желтухин
Семен Иванов сын Крекшин
По 200 четъи
Воин Богданов сын Золдугин
Кузма Григорьев сын Чернятин
Ондрей Богданов сын Филимонов
Степан Борисов сын Зуборев
Ларион Безсонов сын Оплечеев
Левонтей Бекляев сын Якунин
Клементей Родивонон сын Пирогов
По 150 четъи
Григорей Петров сын Дивов //
[Л.246]
Захарко Иванов сын Есипов
Олфимко Ермолаев сын Болотов
Ромашко Семенов сын Есипов

Савка Офонасьев сын Шилов
Климко Петров сын Бушмин
Никонко Кузмин сын Бобанин
Савка Михайлов сын Черносвитов
По 100 четьи
Сенка Богданов сын Букалов
Ивашко Жданов сын Рындин
Гаврилко Иванов сын Соломатов
Фатьянко Иванов сын Пирогов
Уарко Иванов сын Конюхов
Архипко Оверкеев сын Олехин
С отцова з 200 четьи
Ортюшка Курбатов сын Есипов //
[Л.247]
Новики 136-го году
По 300 четьи
Васка Оверкеев сын Остафьев
Ивашко Ропин сын Мясоедов
По 200 четьи
Ортюшка Курбатов сын Ширяев
Дейко Иванов сын Чернопятой
Окинфейко Петров сын Обакумов
По 150 четьи
Федка Митрофанов сын Стаханов
Ефтифейко Некрасов сын Якунин
Ондрюшка Степанов сын Буханов
Гришка Иванов сын Олехин
Васка Халезев
Савостьянко Дружинин сын Соломыков
Елистратко Иванов сын Котенев
Степанко Евсевьев сын Стаханов //
[Л.248]
По 100 четьи
Янка Прокофьев сын Якунин
Ефтифейко Оверкеев сын Болотов
Ефтифейко Корнеев сын Неронов
Климко Григорьев сын Тимофеев
Ивашко Лаврентьев сын Исаков
Пронка Костянтинов сын Болотов
Петрушка Офонасьев сын Пенков
Одоев
Дворовые
550 четьи
Хвалимер Меншово сын Шатилов
350 четьи
Петр Микитин сын Колупаев
300 четьи
Семен Микитин сын Колупаев //

[Л.249]

Городовые

400 четьи

Семен Васильев сын Русанов

350 четьи

Григорей Иванов сын Арсеньев

По 300 четьи

Юрьи Иванов сын Беликов

Федор Кузмин сын Козлов

Ларион Федоров сын Павлов

Степан Иванов сын Безобразов

Иван Кондратьев сын Ботвиньев

Семен Бекляев сын Якунин

Степан Ондреев сын Безобразов

Иван Федоров сын Иевлев

По 250 четьи

Безсон Тимофеев сын Воронцов //

[Л.250]

Офонасей Омелянов сын Чеботаев

Сергей Борисов сын Иевлев

Яков Онтонов сын Черников

Платон Ульянов сын Суморотцкой

Левонтей Петров сын Олферов

Епиха Романов сын Короводин

Федор Васильев сын Горяинов

Олексей Борисов сын Чюрсин

Борис Васильев сын Старово

Неустрой Олферьев сын Воронов

Василей Дмитриев сын Лукин

Агап Богданов сын Есипов

Михайло Кондратьев сын Римшин

Игнат Семенов сын Монаков

Первуша Офонасьев сын Кутепов

Лазорь Григорьев сын Ерохин

Яков Данилов сын Росанов

Родивон Григорьев сын Ододуров

Первой Меркулов сын Раевской

Офонасей Григорьев сын Великополской //

[Л.251]

Иван Тимофеев сын Хорошилов

Богдан Федоров сын Ботавин

Роман Семенов сын Русанов

Кузма Васильев сын Якунин

Нагай Иванов сын Кривобородой

По 200 четьи

Михайло Савин сын Скорятин

Обросим Осипов сын Русанов

Семен Иванов сын Шеломов

Понкрат Васильев сын Старово
Казарин Сергеев сын Сергеев
Петр Иванов сын Быканов
Онтон Монаков сын Черников
Третьяк Киреев сын Шепелев
Яков Ефтифеев сын Кононов
Иван Григорьев сын Баздырев
Варакса Яковлев сын Старово
Тит Савин сын Гребенкин
Демид Федоров сын Труфанов //
[Л.252]
Фектист Дмитриев сын Лукин
Пахом Яковлев сын Черников
Устин Костянтинов сын Немцов
Фатей Степанов сын Кононов
Григорей Григорьев сын Калинин
Сила Иванов сын Хорошилов
Олексей Силин сын Есков
Понкрат Степанов сын Старово
Михайло Степанов сын Шепелев
Лавер Ондреев сын Моматов
Олфим Федоров сын Шипилов
Киприян Михайлов сын Хорошилов
Федор Дмитриев сын Воронцов
Павел Яковлев сын Старово
Игнат Свиридов сын Воронцов
Марко Удалов сын Черников
По 150 четьи
Озарко Семенов сын Проскурнин
Ферапонт Данилов сын Шеметов //
[Л.253]
Варакса Ортемов сын Труфанов
Макарко Иванов сын Ерохов
Безсонко Понкратов сын Ерохин
Онтонко Ондреев сын Полянской
Кипреянко Иванов сын Лукьянов
Потапко Понкратов сын Раковской
Якушко Софонов сын Родинской
Степанко Васильев сын Ондреев
Исачко Иванов сын Дудин
Титко Григорьев сын Ерохин
Матюшка Карпов сын Зиборев
Гаврилко Микифоров сын Малово
Созонко Корнеев сын Чюрсин
Гаврилко Парфеньев сын Романов
Кондрашко Жданов сын Калитин
Оркатко Офонасьев сын Римшин
Гордейко Микифоров сын Гололобов

Сенка Олександров сын Короводин
Осипко Григорьев сын Татаров
Свиридко Петров сын Окулшин //
[Л.254]
Ефтифейко Семенов сын Медведев
Ивашко Тимофеев сын Воронцов
Ерофейко Семенов сын Проскурнин
По 100 четьи
Степашко Ондреев сын Шаталов
Ивашко Тимофеев сын Хартиков
Оксенко Григорьев сын Кононов
Ивашко Меншово сын Ларионов
Сенка Минаков сын Башкатов
Родка Жданов сын Васильев
Минка Курдюмов сын Старово
Созонко Евсевьев сын Офонасьев
Федка Иванов сын Самойлов
Левка Захарьев сын Сергеев
Оксенко Онтонов сын Сотников
По 80 четьи
Зиновко Кузмин сын Рукавицын
Ивашко Григорьев сын Гололобов
Пашко Семенов сын Медведев //
[Л.255]
Новики 136-го году
По 300 четьи
Степанко Безсонов сын Офросимов
По 250 четьи
Кондрашко Меркулов сын Раевской
Безсонко Романов сын Русанов
Любимко Семенов сын Русанов
Озарко Самсонов сын Шмоилов
По 200 четьи
Меркулко Семенов сын Шепелев
Куземка Иванов сын Лукин
Иевко Сергеев сын Сергеев
Левка Свиридов сын Воронцов
Осипко Данилов сын Офонасьев
Микифорко Сергеев сын Купреянов
Кондрашко Кузмин сын Самойлов
По 150 четьи //
[Л.256]
Гаврилко Иванов сын Шибанов
Родка Миронов сын Раковской
Павлик Олександров сын Киреев
По 100 четьи
Ивашко Игнатьев сын Гралкин
Петрушка Осипов сын Толмачов

Елистратко Меркурьев сын Офонасьев
Озейко Бурдуков сын Пешков
Казак одоевские помещики
Горчачко Ортемьев сын Чернцов
Васка Савельев сын Востриков
Московсково уезда новокрещоны
650 четьи
Гурей Уразов //
[Л.257]
По 500 четьи
Иван Салтанов сын Турченинов
Олександро Иванов сын Тутаев
По 400 четьи
Василей Банюков сын Нагаев
По 350 четьи
Данилко Спиридонов сын Девлеткозин
Василей Булаев сын Очаков
Матве⁵⁶ Янгилдеев сын Девлеткозин
По 300 четьи
Кирилко Байгилдеев сын Собаков
Трофимко Онофреев
Юшка Онофреев
Олексей Драгичев
По 250 четьи
Степанко Токов
Михалко Григорьев сын Янсубин //
[Л.258]
Кузма Мануков
Ивашко Григорьев сын Очаков
Лукьянко Айгилдеев сын Бодеев
По 200 четьи
Тихонко Найденов сын Чюбышкин
Степанко Есинеев сын Теникаев
Ондрюшка Федоров сын Резанов
Семейка Айгилдеев сын Девлеткозин
Новики 136-го году
По 250 четьи
Юшко Федоров сын Байсубин
Арсенка Айгилдеев сын Исенев
Офремко Бахтеяров
Ивашко Олексеев сын Байтереков
Гаврилко Михайлов сын Миляев
Елистратко Данилов сын Кудаев
Гришка Григорьев сын Бидеев //
[Л.259]
По 200 четьи

⁵⁶ Так в ркп.

Пронка Нестеров сын Надеин
Петрушка Семенов сын Боранов
Ивашко Семенов сын Богданов
Федка Богданов сын Балбеков
Боровсково уезда новокрещоны
450 четьи
Ефим Сеналеев сын Янчюрин
По 400 четьи
Иван Ушаков сын Обдалов
Михайло Юрьев сын Елаков
350 четьи
Иван Метешов сын Жданбулатов
По 300 четьи
Васка Темешов сын Оманшин //
[Л.260]
Яков Булгаков сын Карачюрин
Макар Жданбулатов сын Темирев
Дмитрей Козанов
Овдокимко Офонасьев сын Чекмарев
Карпик Темешов сын Оманшин
Васка Михайлов сын Бахметев
Олешка Иванов сын Таишев
Сенка Ларионов сын Енаев
По 250 четьи
Федотка Токаев сын Янгиреев
Ивашко Сабанчеев
Марко Степанов сын Янглычов
Нестерко Иванов сын Елсупов
Сенка Байгилдеев
Степанко Семенов сын Боранов
Бориско Онтонов сын Корепонов
Баяк Уразов сын Байсубин //
[Л.261]
По 200 четьи
Федка Меншой Иванов сын Тукаев
Ивашко Баженов сын Боранов
Пронка Иванов сын Чернышов
Савка Тимофеев сын Байков
Ефремко Байбирин
150 четьи
Меркулко Филимонов
Епишка Иванов сын Кондоуров
Татаровя
300 четьи
Бинка Богданов сын Сабанчеев
100 четьи
Ивашко Кармышев
Новики 136-го году

По 250 четъи //

[Л.262]

Матюшка Федоров сын Таишев
Дорофейко Иванов сын Акчюрин
Гришка Микитин сын Туганов
Гаврилко Петров сын Коржавин
Степашко Степанов сын Карачюрин

По 200 четъи

Овдокимко Савельев сын Баикин
Куприк Микитин сын Байбахтин
Федка Юрьев сын Еланов
Лукашко Иванов сын Ченбулатов

По 150 четъи

Тихонко Семенов сын Елкуватов
Федка Васильев сын Балстанов
Васка Комаев

По 100 четъи

Иевко Степанов сын Козаков
Федка Ортемьев сын Казаков //

[Л.263]

Ярославца Малово

350 четъи

Иев Елдашев сын Уразов
Новики 136-го году

По 250 четъи

Осипко Исаев сын Богданов
Ортюшка Иванов сын Елдашев
Серпуховские новокрещоны и татаровя
Новокрещоны

350 четъи

Олексей Янсубин сын Собаков //

[Л.264]

300 четъи

Иван Нагаев

По 250 четъи

Еремка Офонасьев
Сергейка Таишев
Гришка Юрьев сын Сендюков
Ромашко Онаньин
Бориско Яковлев
Федка Иванов сын Казаков

По 200 четъи

Куземка Максимов
Федка Максимов сын Боранчеев
Савка Иевлев

Гневашко Меретеев

Новики 136-го году

По 250 четъи //

[Л.265]

Омельяно Нагаев сын Исенев
Трофимко Баушев сын Нелибахтин
150 четьи

Кирилко Федосеев сын Телничеев
Колужские новокрещоны
По 300 четьи

Федор Богданов сын Черетаев
Васка Байбирин
По 250 четьи

Павлик Семенов сын Елдашев
Федка Овдеев
Куземка Иванов сын Ченбулатов
150 четьи

Микифорко Олексеев //

[Л.266]

Новики 136-го году

По 200 четьи

Микитка Васильев сын Сендюков
Евсютка Федоров сын Черетаев
Осипко Бахтышов сын Саткин

Митка Васильев сын Басалтанов
Ромашко Еустратов сын Маников
По 150 четьи

Томилко Юрьев сын Мереткозин
Якушко Ондреев сын Мьяков
Петрушка Михайлов сын Янкуватов

Коломенские новокрещоны
По 350 четьи

Хрисанф Енкуватов сын Юлушев //

[Л.267]

Иван Кулушев сын Кошаев

Федор Чюрашев

По 300 четьи

Карп Янышев

Ивашко Федоров сын Енкуватов

Степашко Мереткозин

По 250 четьи

Степан Курманов сын Балбеков

Якушко Данилов сын Гозин

Федка Семенов сын Разгозин

Ромашко Федоров сын Енкуватов

Ивашко Сергеев сын Юкечев

Пиминко Янышев

По 200 четьи

Сенка Микифоров сын Байкешев

По 150 четьи //

[Л.268]

Филка Иванов сын Резанов
Федка Семенов сын Юкечев
Сенка Курманов сын Балбеков
Федка Григорьев сын Монтяков
Гаврилко Данилов сын Урусов
Олешка Иванов сын Позняков
По 100 четьи
Гришка Анисимов сын Юкечев
Данилко Байсубин сын Зенаев
Федка Борисов сын Харин
Сенка Колушев сын Косаев
Новики 136-го году
По 200 четьи
Гарасимко Григорьев сын Тулубаев
Ефтихейко Осипов сын Черетаев
Еремка Архипов сын Теникаев
Тимошка Харитонов сын Юкечев //
[Л.269]
Васка Федоров сын Широбашев
По 150 четьи
Мартинко Бисубин сын Женаев
Фторышка Семенов сын Разгозин
Игнашко Игнатъев сын Юкечев
Коширские новокрещоны
300 четьи
Данило Олексеев сын Козылеев
По 250 четьи
Лукъян Кирьянов
Онтон Иванов сын Узденев
Семен Иванов сын Олаишев //
[Л.270]
По 200 четьи
Иевко Арсенъев сын Янчюрин
Игнашко Офонасьев сын Тулушев
С отцова поместья
Епифанко Киреев сын Олаишев
Новики 136-го году
По 200 четьи
Олешка Яковлев сын Охметев
Петрушка Олексеев сын Янчюрин
150 четьи
Ивашко Семенов сын Мишкеев //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.1125. Л.238–270.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков А.В.* Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // *Quaestio Rossica*. 2021. Т.9, №3. С.886–901.

2. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии: в 4 т. Т.I. СПб.: Тип. II-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1850. 1224 стб.

3. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии: в 4 т. Т.II. СПб.: Тип. II-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1851. 976 стб.

4. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов / сост. Е.Н. Горбатов. М.: Древлехранилище, 2015. 736 с.

Информация об авторе:

Белусов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Поступила 25.12.2023

Принята к публикации 31.01.2024

The new document from the reign of Mikhail Fedorovich
about the service of the "newly-baptised people"
and Tatars in the guard regiment

M.R. Belousov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article introduces into scientific circulation, investigates, and publishes a document on the history of noblemen and county servicemen of Likhvin, Solova, Borovsk, Vereya and Odoyev counties, "newly-baptised people" of Moscow, Borovsk, Maloyaroslavets, Serpukhov, Kaluga, Kolomna and Kashira counties and Tatar Cossacks of Borovsk county (the nominal list of the "noblemen of different counties who should serve in the guard regiment on Kropivna"). The nominal list studied in the article was deposited in the fund of the Military Records Office of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The article gives an archaeographic description of the published document, and substantiates the proposed dating of the nominal list of military servicemen. The article describes the information potential of the nominal lists of service people. The article is addressed to specialists in social history, the genealogy of

servicemen, including the "newly-baptised people" and Tatar Cossacks, and the source studies of clerical work documents.

Keywords: the Military Records Office, nominal list of service people, the guard regiment, noblemen, county servicemen, newly-baptised people, Tatar Cossacks

For citation: Belousov M.R. The new document from the reign of Mikhail Fedorovich about the service of the "newly-baptised people" and Tatars in the guard regiment. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.145–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.145-163> (In Russian)

REFERENCES

1. Belyakov A.V. Service Tatars in the Diplomatic Service of the Muscovite State: the Baymakov-Rezanov Family. *Quaestio Rossica*. 2021. Vol.9, no.3, pp.886–901. DOI: 10.15826/qr.2021.3.616. (In Russian)

2. *Palace military records, by the highest order published by the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery: in 4 volumes*. Vol.1. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Publ., 1850. 1224 columns. (In Russian)

3. *Palace military records, by the highest order published by the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery: in 4 volumes*. Vol.2. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Publ., 1851. 976 columns. (In Russian)

4. *The "complete" boyar lists of 1626–1633*. Compiled by E.N. Gorbatov. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2015. 736 p. (In Russian)

About the author:

Belousov Maxim Rudolfovich – Cand. Sci. (history), Docent, Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Received December 25, 2023

Accepted for publication January 31, 2024

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 930(470.40)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.164-171

Рецензия на книгу: Николаев Г.А. Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века (Чебоксары, 2022)

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В публикации представлена рецензия на монографию известного историка-аграрника и этнолога Г.А. Николаева «Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века». Отмечается заметный вклад автора в исследование слабо разработанных в отечественной историографии вопросов, связанных с реализацией Великих реформ в Среднем Поволжье, а также их влияния на социальное и культурное развитие сельских жителей, процессы этнокультурного взаимодействия народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в., конфессиональной ситуации на Средней Волге в эпоху капиталистической модернизации в аспекте отношений «свой-чужой». Подчеркивается высокий художественный и научный уровень монографии, ее новизна и актуальность.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, волжская деревня, социальная история, Г.А. Николаев, аграрная история, Великие реформы

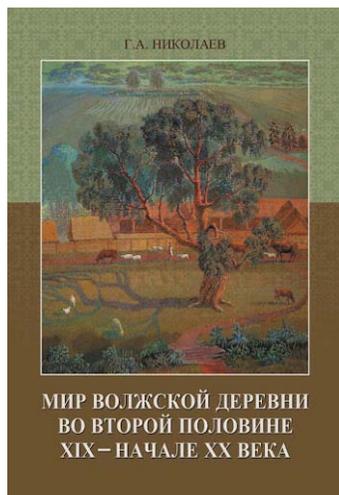
Для цитирования: Исхаков Р.Р. Рецензия на книгу: Николаев Г.А. Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века (Чебоксары, 2022) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.164–171. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.164-171>

В 2022 г. в Чебоксарах увидел свет новый труд известного историка-аграрника, признанного специалиста в области социальной истории многонационального средневожского крестьянства Геннадия Алексеевича Николаева. «Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века» – в этом емком названии отразился весьма широкий круг задач, поставленных автором при подготовке данного труда – посредством отдельных, но тематически связанных между собой исторических очерков обрисовать красочную картину жизни волжской деревни в эпоху коренного перелома, когда происходил болезненный переход от натурального хозяйствования к товарно-денежным отношениям и постепенным отказом от патриархальных устоев. «Мир волжской деревни» включал сложную па-

литру социальных и культурных отношений, базисом которых был особый хозяйственный уклад жизни хлебопашцев. Именно через призму прагматичного хозяйственно-экономического взгляда крестьяне оценивали происходящие процессы, что убедительно показано в исследовании.

Необходимо сказать и о другом важном аспекте объекта исследования, который был в фокусе внимания автора и нашел отражение в рассматриваемой работе – этнокультурном многообразии Среднего Поволжья. Эпоха Великих реформ 1860–1870-х гг. не только определила вектор социально-экономического развития сельских тружеников данного региона, но и способствовала этнокультурной мобилизации проживающих здесь народов. Как следствие отмечается интенсификация межэтнического взаимодействия и рост этнического самосознания сельских жителей. Но данные процессы не привели к сколько-нибудь выраженной конфликтности в контактных зонах. Это было связано с многовековыми традициями совместного сожительства в общей историко-культурной области, а также трезвым, прагматичным умом и опытом хлебопашцев, позволявшим им сохранять межэтническое согласие. «Значим был в коробе бесценных достижений сельчан, – отмечает ученый, – и этнокультурный опыт, а также умение ладить с носителями иных духовных традиций, находить общий язык с живущими по соседству крестьянами других национальностей» [1, с.416].

Именно эти две взаимосвязанные между собой научные проблемы: адаптация и развитие сельского общества в условиях социальной модернизации и этнокультурная мобилизация этносов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. проходит «красной нитью» через всю работу, соединяя воедино исторические очерки, согласно общему видению автора и поставленной им цели. Здесь надо сказать и о художественном таланте Г.А. Николаева, благодаря чему ему в понятной и увлекательной форме удалось показать сложные процессы, происходившие в волжской деревне. С самой первой страницы книга захватывает читателя и ведет его по неизвестным страницам истории аграрных социумов Поволжья, объясняет социокультурные явления не путем сухих, понятных только для узкого круга специалистов фактов, а посредством ярких литературных образов, метафор, цитат из исторических источников. Благодаря этому приводимые в книге сюжеты «оживают» и становятся доступными для широкой аудитории. Как справедливо отмечает научный редактор А.К. Салмин, «монография получилась увлекательной, с большим количеством конкретных примеров, заботливо подобранных автором на основе ранее не

опубликованных архивных источников, статистических данных, фольклорных произведений и др. Даже названия глав даны в полуэпической форме, к каждому из сюжетов удачно подобраны эпитафии – все это здорово оживляет научный труд» [1, с.3].

Нельзя сказать, что темы, связанные с аграрной историей народов Поволжья серьезно не разрабатывались – им посвящены десятки исследований, с завидной регулярностью проводятся научные форумы историков-аграрников. В чем же новизна рассматриваемого труда? На наш взгляд, в новаторском подходе исследователя к освещению социальной истории сельского населения. Г.А. Николаев рассматривает социокультурные процессы, происходившие в волжской деревне, через призму специфического крестьянского мировоззрения, пытается понять причины тех или иных событий, не только полагаясь на данные прямых свидетельств архивных материалов, но и путем осмысления их глубинных причин. Отказываясь от некоторых закрепившихся в историографии взглядов, Геннадий Алексеевич предлагает свое видение функционирования поземельной общины как ключевого института сельского самоуправления, подчеркивает важное значение традиций и определенного консерватизма в решении вопросов внутри «мира». Выводы автора строятся на комплексном учете ключевых факторов жизни сельского общества, как хозяйственно-экономического, так и этнокультурного порядка.

Каждый раздел, представленный в монографии, посвящен значимому вопросу в истории волжского крестьянства. В первом очерке «Новое время – новые ветры» раскрываются особенности реализации аграрных реформ в Среднем Поволжье, а также их влияние на социальное и культурное развитие сельских обывателей. «Великое освобождение» привело к небывалым изменениям в жизни сельских тружеников, но в то же время породило клубок проблем в области землевладения, заложивших «мину замедленного действия» в фундамент российской государственности. Г.А. Николаевым подробно проанализированы процессы складывания наделного землевладения и общинного мироустройства крестьянских союзов. В работе показан постепенный переход волжской деревни к капиталистическим отношениям, формирование крестьянского частного землевладения. Ключевым вызовом для многонационального крестьянства Среднего Поволжья в пореформенный период становится «земельный голод» связанный с аграрным перенаселением. Это породило массу проблем, привело к значительному снижению материального достатка хлебопашцев. В то же время, как справедливо пишет автор, данное явление способствовало хозяйственной модернизации села, переходу к интенсивным формам сельскохозяйственного производства, позволявшим получать большую урожайность с меньшей площади сельскохозяйственных угодий, что предполагало улучшение сельскохозяйственных орудий производства, повышение плодородия почв посредством внесения удобрений, увеличение производительности труда. Другим последствием малоземелья и про-

никновения «духа капитализма» в деревню стал рост социальной мобильности. Наряду с повышением значения неземледельческих занятий, отходы привели к заметным культурным сдвигам. «Эмансипированная» молодежь, занятая на отхожих промыслах, вносила заметные коррективы в жизнь сельской общины и патриархальных семей. Не менее значимым фактором в жизни аграрных сообществ Среднего Поволжья стало зародившееся в эпоху Великих реформ просветительское движение, осуществлявшееся в рамках деятельности миссионеров и развития конфессионального образования с двуязычной системой преподавания. Все это вкуче привело к настоящей «культурной революции» в волжской деревне.

Проблеме социокультурной трансформации сельского населения посвящен и следующий очерк с образным названием «Знаться честно – ладно жить». Здесь в центре внимания исследователя находится процесс этнокультурного взаимодействия народов Среднего Поволжья в эпоху глубинных изменений второй половины XIX – начала XX в. Данный раздел имеет не только научное, но и практическое значение, так как в нем проанализированы особенности формирования этнокультурного и поликонфессионального пространства волжской деревни, а также факторы, повлиявшие на складывание добрососедских отношений между представителями разных культур и народов, проживавших в этом регионе Российской империи. Этот исторический опыт, безусловно, востребован сегодня и требует дальнейшего изучения. В работе убедительно показывается, что конфликты на почве этнокультурных и религиозных начал встречались крайне редко, что было связано с особыми, доверительными отношениями, складывавшимися здесь на протяжении многих веков. Намного больший конфликтогенный потенциал несли в себе хозяйственно-экономические вопросы, в первую очередь связанные с земельными спорами. Автор изучил и проанализировал широкий спектр статистических и этнографических материалов. Благодаря этому ему удалось комплексно рассмотреть вопросы, ранее слабо освещенные в историографии, а также скорректировать некоторые выводы предшествующих исследователей. В частности, Г.А. Николаев оценил динамику расселения представителей тюркских, славянских и финно-угорских этносов в контактных зонах, изучил такие явления, как смешанные браки и культуртрегерская деятельность в ее разных проявлениях. Важными представляются и мысли ученого о значении конфессионального фактора в самоидентификации сельских жителей.

Изучению конфессиональной ситуации на Средней Волге в эпоху капиталистической модернизации в аспекте отношений «свой-чужой» посвящен раздел монографии «Живи всяк в своей вере, но считайся с чужой». Предложенный автором метод освещения, относительно неплохо разработанной темы межконфессиональных отношений посредством анализа бинарных оппозиций, является новым, перспективным подходом, который заслуживает внимания со стороны ученых. Г.А. Николаеву удалось показать пеструю картину поликонфессионального мира Среднего По-

волжья. Он был представлен конфессиональными сообществами христиан, мусульман, приверженцев традиционных этнических верований, которые в свою очередь «распадались» на отдельные религиозные течения, учения и школы. Длительные межконфессиональные контакты способствовали формированию полисинкретических представлений. Так, в религиозной культуре крещеных татар причудливым образом соединялись элементы из христианства, народных культов и ислама. Не менее сложной была религиозно-мифологическая картина мира чувашей, мари, удмуртов, мордвы. На основе этнографических материалов ученый показывает разные уровни и формы конфессионального взаимодействия – от сближения до дистанцирования и жесткого неприятия.

Этнокультурным и социально-экономическим контактам аграрных социумов Среднего Поволжья, рассмотренных на примере трех соседних народов – чувашей, марийцев и татар, посвящены очерки «Рука об руку как равный с равным» и «Взаимососедство – доброе соседство». Почему в качестве объекта исследования были выбраны именно эти три этноса? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, кроется в том, что на материалах, характеризующих отношения данных народов, можно выявить общие закономерности взаимодействия волжского многонационального крестьянства, а также определить их формы на разных социальных уровнях. Несмотря на то, что чувашаи и марийцы были представителями разных этноязыковых сообществ, у них имелось множество точек соприкосновения в культуре, быте и менталитете, что предопределило их этнокультурное сближение и высокую динамику межэтнических браков. Эти процессы были особенно заметны на Горной стороне (Козьмодемьянский уезд Казанской губернии), где была основная чувашско-марийская контактная зона. Причины этого явления исследователь видит и в том, что чувашаи и марийцы находили друг друга равными в социальном и этнокультурном планах партнерами. Несколько иная модель взаимодействия прослеживается у чувашей и татар. Г.А. Николаев отмечает факторы, способствовавшие как сближению представителей этих этносов (генетическое родство, близость языков и культур, длительное проживание в «общем доме», тесные контакты в разных сферах жизни), так и их дистанцированию (принадлежность к разным конфессиональным общинам, неучет интересов друг друга при хозяйственно-экономических и бытовых сношениях). По мнению ученого, в отличие от марийцев, татары в социокультурном плане опережали чувашей: «Доминировало культурное влияние татар, что было обусловлено демографическим, социально-экономическим, социокультурным и социально-психологическим факторами» [1, с.283].

«Крах мирских устоев или болезнь роста?» – этот вопрос стал названием и главным лейтмотивом очерка, посвященного анализу новых социально опасных явлений в волжской деревне, связанных с разрушением прежних патриархальных отношений, зарождением и распространением в ней новых моделей социальных отношений. Г.А. Николаев рассматривает

такие формы девиантного поведения сельской молодежи, как хулиганство, пьянство, внебрачные связи, проституция, антиклерикальное движение. В работе отмечается разный уровень проникновения данных социальных напастей в жизнь этнических групп Среднего Поволжья, что было обусловлено конфессиональным фактором и разным уровнем эрозии патриархальных и общинных порядков, напрямую коррелировавших с уровнем социальной мобильности, близостью села к городским и торгово-промышленным центрам, открытости к восприятию инокультурных моделей поведения. Историк на основе широкого круга источников не только описывает и характеризует обозначенные явления в жизни сельского общества, но и пытается осмыслить их глубинные причины. Можно согласиться с мнением автора, который пишет, что хулиганство «было порождением и отражением многих процессов, происходивших как в сообществе крестьян, так и за его пределами. В той или иной мере хулиганство было также детищем и кризиса мирских устоев, и осмысления молодежью своего положения в семье, общине и обществе». При этом он правомерно подчеркивает, что «социокультурное лицо деревни определялось не бесчинствующими молодыми людьми, а прилично воспитанными и грамотными их сверстниками, ратующими за ее экономический и культурный прогресс» [1, с.325–326].

Завершающие работу разделы «Праведное богатство – благо, неправедное – зло» и «Богат, но на свой лад», посвящены анализу восприятия хлебопашцами перехода в систему рыночных товарно-денежных отношений, а также социального расслоения деревни. В первом из них подробно рассмотрен один из элементов хозяйственной этики сельского жителя в эпоху капитализма, связанного с определением места богатства в системе социально-нравственных ценностей. Ключевым источником для изучения такой тонкой материи, как отношение к материальному благополучию, для исследователя выступает народный фольклор: пословицы и поговорки, религиозные молитвы и мифотворчество. Это позволило рассмотреть проблему «изнутри», как экзистенциальную составляющую народного сознания и менталитета, выявить общие закономерности в отношении к богатству у чувашских, марийских, мордовских и удмуртских крестьян. Исследователь приходит к выводу, что хлебопашец считал морально оправданным лишь то богатство, которое заработано собственным трудом, иное богатство аморально, ибо имеет в своей основе неправедные действия. Быстрое изменение социальной структуры деревни в пореформенный период привело к оформлению определенной негласной социальной иерархии, на верху которой стояла сельская буржуазия, а внизу – обездоленная беднота, лишенная средств производства. На примере чувашей-хлебопашцев Г.А. Николаев показал «социальный облик» сельской верхушки, а также восприятие этой группы рядовыми общинниками.

Подводя итоги, отметим, что рассматриваемая монография, ставшая плодом многолетних изысканий Г.А. Николаева, является удачным при-

мером серьезного научного исследования, выполненного в доступной и интересной для массового читателя художественной форме. Не вызывает сомнения, что данный труд будет востребован как историками, этнографами, фольклористами и культурологами, так и всеми теми, кто интересуется историей народов Среднего Поволжья. Будем ждать от автора новых увлекательных, наполненных глубоким внутренним смыслом исследований, раскрывающих неизвестные страницы жизни мира волжской деревни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Николаев Г.А.* Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. 416 с.

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила 25.12.2023

Принята к публикации 01.02.2024

Book review: Nikolaev G.A. The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th centuries (Cheboksary, 2022)

R.R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents a review of the monograph by the famous agricultural historian and ethnologist G.A. Nikolaev "The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th centuries". The author notes the significant contribution of the author to the study of poorly developed issues in domestic historiography related to the implementation of the Great Reforms in the Middle Volga region, as well as their impact on the social and cultural development of rural residents, the processes of ethnocultural interaction of the peoples of the Middle Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries, confessional situation in the Middle Volga in the era of capitalist modernization in the aspect of "friend or foe" relations. The high artistic and scientific level of the monograph, its novelty and relevance are emphasized.

Keywords: Middle Volga region, Volga village, social history, G.A. Nikolaev, agrarian history, Great reforms

For citation: Iskhakov R.R. Book review: Nikolaev G.A. The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th centuries (Cheboksary, 2022). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.164–171. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.164-171> (In Russian)

REFERENCES

1. Nikolaev G.A. *The world of the Volga village in the second half of the 19th – early 20th centuries*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2022. 416 p. (In Russian)

About the author:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Received December 25, 2023

Accepted for publication February 1, 2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.172-179

Фаиль Габдуллович Сафин – путь к успеху. К 65-летию юбилею ученого

И.М. Габдрафиков

*Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация*

Статья посвящена научной деятельности известного в России и за ее пределами ученого, специалиста в области этнологии, этносоциологии и этнополитологии, доктора исторических наук, профессора Фаиля Габдулловича Сафина. В работе проводится анализ вклада ученого в изучение этносоциальных, этноязыковых, этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессов, динамики этнической и языковой идентичности народов России, в т.ч. татар Волго-Уральского региона. Также рассматриваются работы ученого, посвященные межэтническим отношениям в Республике Башкортостан. В статье приводятся сведения о наиболее важных вехах из биографии видного отечественного ученого, его основных научных достижениях.

Ключевые слова: Ф.Г. Сафин, этнология этносоциология, этнополитология, этнический состав населения, этноязыковые и этносоциальные процессы, этническая идентичность, идентичность, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, отдел этнополитологии

Для цитирования: Габдрафиков И.М. Фаиль Габдуллович Сафин – путь к успеху. К 65-летию юбилею ученого // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.172–179. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.172-179>

20 января 2024 г. исполнилось шестьдесят пять лет известному отечественному этнологу, заведующему отделом этнополитологии и главному научному сотруднику Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, доктору исторических наук, профессору Фаилю Габдулловичу Сафину. Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время ученых такого уровня в Башкортостане удастся пересчитать по пальцам одной руки. Видимо, Фаиль Сафин родился под счастливой звездой. Его жизненный путь – это неуклонное движение к успеху.

Фаиль Габдуллович родился в 1959 г. в дер. Бик-Карамалы Давлекановского района БАССР. После успешного окончания в 1976 г. средней школы №1 г. Давлеканово он, на удивление многим, не стал подавать документы для поступления в высшее учебное заведение или техникум, как это было принято тогда делать, а решил пойти работать. Уже на следующий день после получения аттестата семнадцатилетний юноша стал помощником комбайнера в родном колхозе. Этот весьма странный, по мнению многих сверстников и родственников, поступок Фаиль Габдуллович объяснял тем, что ему очень хочется пройти срочную службу в Советской Армии и до этого учебу продолжать не намерен. После завершения уборочной страды в колхозе до весеннего призыва в армию оставалось еще целых полгода. Фаиль не стал тратить время, поехал в Уфу и устроился на работу плотником в строительное управление треста №21, где участвовал в возведении Уфимского завода низковольтной аппаратуры. Воспитанный в советских традициях патриотизма, он с детства мечтал стать десантником, поэтому сразу же по приезду в Уфу направился в военкомат, чтобы проситься служить в воздушно-десантных войсках. В военкомате не с первого раза, но все же пошли навстречу напористому молодому человеку, направив его в школу парашютистов при республиканском аэродроме ДОСААФ под Уфой. Мечта Фаиля сбылась – с 1977 по 1979 гг. он проходил срочную службу в гвардейском воздушно-десантном полку, который тогда дислоцировался на территории Литовской ССР. Крепко сложенному и физически сильному парню легко давалась непростая служба в ВДВ: он быстро стал заместителем командира взвода.

После окончания службы, набравшись определенного жизненного опыта, возмужавший парень в 1980 г. поступил на исторический факультет Башкирского государственного университета. Студента с лидерскими качествами сразу заметили, назначив старостой группы. Активно участвуя в общественной жизни университета, Фаиль Сафин учился на отлично и закончил ВУЗ, получив диплом с отличием. Благодаря своему организаторскому таланту и трудолюбию он завоевал доверие не только среди студентов, руководства вуза, но и в республиканском обкоме КПСС. Поэтому ему дважды (в 1984 и 1985 гг.) было доверено возглавить выездной республиканский студенческий отряд в Астраханской области, который, кстати, оба раза занимал первое место среди областных студенческих отрядов страны.

После окончания университета Фаиль Габдуллович возвратился в родное село. С 1985 по 1991 гг. он работал учителем истории, директором

Бик-Карамалинской неполной средней школы Давлекановского района, в которой он сам учился с 1 по 8 класс.

И только после того, как наработал шестилетний педагогический стаж, получил значительный жизненный и трудовой опыт, он принял решение продолжить учебу, чтобы связать свою жизнь с наукой. В 1991 г. Фаиль Габдуллович поступил учиться в очную аспирантуру исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова – ведущего вуза страны. Однако с темой будущей диссертации и научным руководителем он определился не сразу. Ему были предложены разные темы по гражданской истории. И тут на помощь к нему пришел его величество случай. Ф.Г. Сафин решил посмотреть, как защищают диссертации. На одной из таких защит на историческом факультете МГУ оппонентом диссертанта выступал ученый из Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук М.Н. Губогло. Послушав его выступление, Фаиль Габдуллович сразу решил, что именно этот профессор наиболее полно олицетворяет его представление о научном руководителе, что именно под его руководством он должен писать диссертацию. В тот же день Ф.Г. Сафин подошел к знаменитому ученому, с которым до этого был знаком только по книгам, и сказал, что он аспирант из Башкирии и хочет взять тему, связанную с изучением межнациональных отношений.

В те годы, когда в России и на всем постсоветском пространстве происходило национальное возрождение и наблюдался «взрыв» этничности, эта тема была, пожалуй, одной из самых актуальных и востребованных для исследователей-гуманитариев. Профессор не отказал, сказав аспиранту, что все в его руках, и пригласил к себе в институт на ближайший научный семинар, где как раз планировалось обсуждение нового научного проекта «Современные национальные движения в СССР в постсоветском пространстве» под его руководством. Проект предполагал составление как можно более полной источниковой базы по национальным движениям, ее систематизация и анализ. Ф.Г. Сафин принял приглашение и присутствовал на этом семинаре. Там он получил первое задание от будущего научного руководителя. М.Н. Губогло сказал ему: «Давай попробуй! Сможешь выполнить задание? А дальше посмотрим...» Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем на долгие годы научная деятельность Ф.Г. Сафина была тесно связана с проф. М.Н. Губогло и возглавляемым им Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Именно в стенах этого академического учреждения у него возник интерес к этнологии, к изучению феномена этничности. В последующем тема этнической идентичности, сохранения и трансформации национального и этнического сознания, этноязыковые процессы становятся основными научными проблемами, разрабатываемые Ф.Г. Сафиным. Его отношения с научным руководителем постепенно переросли в большую дружбу. В результате их многолетнего тесного и

взаимовыгодного сотрудничества были осуществлены десятки успешных научных проектов, в том числе международные, результатом которых стало множество статей, сборников, отдельных монографий и серия книг, получивших широкую известность в стране и за ее пределами.

Именно тогда на том самом научном семинаре Ф.Г. Сафин, получив задание от М.Н. Губогло, поехал на летние каникулы в родную Башкирию и за пару месяцев работы в библиотеках и архивах Уфы собрал богатейший материал. Он блестяще справился с заданием своего наставника – собранный им материал лег в основу трехтомного издания «Этнополитическая мозаика Башкортостана», которое было оперативно опубликовано в течение одного-двух лет [3; 4; 5]. В этом трехтомнике дается многостороннее описание общественно-политической ситуации в республике в период ее суверенизации. На долгие годы это издание стало источниковой базой для написания многих монографий, диссертаций и статей, и до сих пор оно не потеряло научную значимость для исследователей.

Выполнив поручения своего научного руководителя, имея уже довольно солидный задел и опыт научно-исследовательской работы, Ф.Г. Сафин буквально за два года написал кандидатскую диссертацию по теме этноязыковых процессов в Башкортостане, которую успешно защитил в 1994 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

После этого он вернулся в Уфу и был принят на работу младшим научным сотрудником в только что созданный Р.Г. Кузеевым Отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН, позже переименованный в Институт этнологических исследований Уфимского научного центра¹ Российской академии наук (ИЭИ УНЦ РАН). В этом научном учреждении за 30-летний период работы Ф.Г. Сафин прошел все ступени профессионального роста.

Уже через четыре года, в 1998 г., он, поступив в докторантуру, снова вернулся в Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и в 2000 г. успешно защитил докторскую диссертацию. Можно сказать, что в годы учебы в аспирантуре и докторантуре ему очень повезло, ведь его учителями и научными наставниками, кроме вышеназванного М.Н. Губогло, были такие выдающиеся этнологи и этносоциологи, как Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, Ю.В. Арутюнян, С.А. Арутюнов, В.И. Козлов и др.

Основные научные интересы Ф.Г. Сафина связаны с изучением этноязыковых процессов в Башкирии. Им создана колоссальная источниковая база по этой проблеме, включающая архивные, опубликованные статистические данные, материалы массовых социологических опросов, интервью и т.д. Он создал стройную концепцию истории этноязыковых про-

¹ Уфимский научный центр РАН в 2018 г. был преобразован в Уфимский федеральный исследовательский центр РАН.

цессов в регионе с конца XIX в. до наших дней, комплексно исследовал сложную проблему межэтнических взаимодействий во всем Волго-Уральском макрорегионе. Ф.Г. Сафин внес большой вклад в археографию, подготовив и издав несколько сборников документов по этнополитическим и этноязыковым процессам [1; 2; 6; 7].

Ф.Г. Сафин является неоднократным обладателем всероссийских и международных научных грантов. Под его руководством совместно с сотрудниками Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и рядом зарубежных университетов был проведен ряд широкомасштабных этносоциологических исследований и экспертных опросов населения Республики Башкортостан. Среди них такие международные проекты, как «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (1993 г.), «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность» (1995 г.), «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование» (1997 г.), «Межнациональные отношения в Республике Башкортостан» (2002 г.) и др.

В 1996 г. Ф.Г. Сафин стал лауреатом гранта Фонда Джона и Кэтрин Макартуров для стажировки в Международном университете Флориды (США). Ученый – постоянный участник региональных, всероссийских и международных научных конференций, семинаров и симпозиумов, в том числе в Чикаго (1994 г.), Майами (1996), Мангейме (ФРГ, 1998), Хельсинки (1999), Брюсселе (2008), Токио (2015 г.), Гиссене (ФРГ, 2016 г.) и др.

С 2003 г. Ф.Г. Сафин работает заведующим отделом этнополитологии, в 2010–2015 гг. одновременно являлся заместителем директора по научной работе ИЭИ УНЦ РАН. В эти годы отдел этнополитологии под руководством Ф.Г. Сафина активно проводил этносоциологические исследования. Так, например, проведено исследование по проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», поддержанному РГНФ (2014 г.), «Этнокультурное развитие евреев Башкортостана» (2018 г.), «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (2018 г.), «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия» (2019 г.).

Данные всех этих исследований нашли отражение как в индивидуальных работах ученого, так и в совместных с коллегами трудах, опубликованных в российских и зарубежных научных изданиях. Всего им опубликовано более 200 работ, в том числе 17 монографий.

Под научным руководством профессора Ф.Г. Сафина подготовлены и успешно защищены 11 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «этнология», на завершающей стадии находятся еще три диссертационных исследования. Темы диссертаций, подготовкой которых руководит Ф.Г. Сафин весьма разнообразны – это и этноязыковые процессы, и динамика этнического состава населения региона,

и этнодемография, и этнополитика, проблемы идентичности, комплексное исследование процессов этнического развития отдельных народов Урало-Поволжья – башкир, русских, татар, евреев, чувашей, удмуртов. Особенность Фаиль Габдулловича как руководителя соискателей ученых степеней является то, что после защит диссертационных исследований от своих аспирантов он требует переработки рукописей в монографии.

Успешную научную работу Ф.Г. Сафин сочетает с преподавательской деятельностью. Долгие годы он трудится профессором кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета, в разные годы преподавал историю в Башкирском государственном университете, Башкирском государственном аграрном университете.

Большое внимание Ф.Г. Сафин уделяет общественной деятельности. С 2001 по 2007 гг. он избирался председателем профсоюзной организации Института этнологических исследований и членом Объединенного профкома УНЦ РАН (УФИЦ РАН). За успешную общественную и научную деятельность Ф.Г. Сафин награжден почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, Министерства образования РБ, приветственным письмом летчиков-космонавтов СССР, Почетной грамотой Президента РАН и профсоюза работников РАН, неоднократно удостоивался благодарственных писем руководителя Федерального агентства по делам национальностей.

В 2014 г. Указом Президента Республики Башкортостан ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». В 2019 г. ученый был награжден Почетной грамотой Государственного Собрания-Курултая Республики Башкортостан и Грамотой комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В 2022 г. Фаиль Габдуллович награжден медалью Министерства науки и высшего образования РФ «За вклад в реализацию государственной политики в области образования и научно-технологического развития», а также Почетной грамотой Кабинета Министров Республики Башкортостан.

Ф.Г. Сафина всегда отличают готовность смело браться за сложные проекты, активная жизненная и гражданская позиция. Несмотря на внушительный академический, научно-организационный и педагогический задел, общественное признание, Фаиль Габдуллович находится в расцвете сил и не собирается останавливаться на достигнутом. Он ставит перед собой и сотрудниками своего отдела все новые и новые цели, смело достигает их.

Пожелаем юбиляру новых творческих успехов, научных открытий, крепкого здоровья на долгие годы, счастья и семейного благополучия!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из хроники этнической мобилизации / авт.-сост. Ф.Г. Сафин; отв. ред. М.Н. Губогло. Т.1. М.: ЦИМО, 1999. 340 с.
2. Из хроники этнической мобилизации / авт.-сост. Ф.Г. Сафин; отв. ред. М.Н. Губогло. Т.2. М.: ЦИМО, 1999. 244 с.
3. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. [Т.1: Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах]. М.: [Б.и.], 1992. 302 с.
4. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. [Т.2: Башкирское национальное движение]. М.: [Б.и.], 1992. 342 с.
5. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. [Т.3: Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах]. М.: [Б.и.], 1993. 341 с.
6. Языковая политика в Башкортостане в XX веке: сборник документов и материалов / авт.-сост.: Ф.Г. Сафин, Р.М. Миргалеев, З.А. Хакимов. Т.1. Уфа: Гилем, 2007. 412 с.
7. Языковая политика в Башкортостане в XX веке: сборник документов и материалов / авт.-сост.: Ф.Г. Сафин, Р.М. Миргалеев, З.А. Хакимов. Т.2. Уфа: Гилем, 2008. 350 с.

Информация об авторе:

Габдрафиков Ильдар Махмутович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1666-519X; e-mail: ildargab@yandex.ru

Поступила 14.12.2023

Принята к публикации 02.02.2024

**Fail Gabdullovich Safin – the path to success.
To the 65th anniversary of the scientist**

I.M. Gabdrāfikov

*R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation*

The article is devoted to the scientific activity of a well-known scientist in Russia and abroad, a specialist in the field of ethnology, ethnosociology and ethnopolitology, Doctor of Historical Sciences, Professor Fail Gabdullovich Safin. The paper analyzes the contribution of the scientist to the study of ethnosocial, ethnolanguage, ethnodemographic, ethnocultural and ethnopolitical processes, the dynamics of ethnic and linguistic identity of the peoples of Russia, including the Tatars of the Volga-Ural

region. The works of the scientist devoted to interethnic relations in the Republic of Bashkortostan are also considered. The article provides information about the most important milestones from the biography of a prominent Russian scientist, his main scientific achievements.

Keywords: F.G. Safin, ethnology ethnoscology, ethnopolitology, ethnic composition of the population, ethnolanguage and ethnosocial processes, ethnic identity, identity, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research of the UFRC RAS, Department of Ethnopolitology

For citation: Gabdrāfikov I.M. Fail Gabdullovich Safin – the path to success. To the 65th anniversary of the scientist. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.172–179. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.172-179> (In Russian)

REFERENCES

1. *From the chronicle of ethnic mobilization*. Compiled by F.G. Safin; Ed. by M.N. Guboglo. Vol.1. Moscow: Center for the Study of Interethnic Relations of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 1999. 340 p. (In Russian)

2. *From the chronicle of ethnic mobilization*. Compiled by F.G. Safin; Ed. by M.N. Guboglo. Vol.2. Moscow: Center for the Study of Interethnic Relations of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 1999. 244 p. (In Russian)

3. *Ethnopolitical mosaic of Bashkortostan. Essays. Documentation. Chronicle*. Ed. by M.N. Guboglo. Vol.1. Contours of the ethnopolitical situation in essays and legislative acts. Moscow, 1992. 302 p. (In Russian)

4. *Ethnopolitical mosaic of Bashkortostan. Essays. Documentation. Chronicle*. Ed. by M.N. Guboglo. Vol.2. Bashkir national movement. Moscow, 1992. 342 p. (In Russian)

5. *Ethnopolitical mosaic of Bashkortostan. Essays. Documentation. Chronicle*. Ed. by M.N. Guboglo. Vol.3. Vectors of the ethnopolitical situation in documents and materials. Moscow, 1992. 341 p. (In Russian)

6. *Language policy in Bashkortostan in the 20th century: collection of documents and materials*. Ed. by F.G. Safin, R.M. Mirgaleev, Z.A. Khakimov. Vol.1. Ufa: Gilem Publ., 2008. 412 p. (In Russian)

7. *Language policy in Bashkortostan in the 20th century: collection of documents and materials*. Ed. by F.G. Safin, R.M. Mirgaleev, Z.A. Khakimov. Vol.2. Ufa: Gilem Publ., 2008. 350 p. (In Russian)

About the author:

Gabdrāfikov Ildar Makhmutovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Ethnopolitology, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1666-519X; e-mail: ildargab@yandex.ru

Received December 14, 2023

Accepted for publication February 2, 2024

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2024. Том 14, № 1

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2024, vol. 14, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 26.07.2024 г. Дата выхода в свет 15.08.2024 г.

Формат 70×100¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,25 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф